

Новосибирское региональное
Пушкинское общество

Пушкинский альманах
выпуск 12

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2011

ББК 94.3

П-914 Пушкинский альманах. Выпуск 12 /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское региональное Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2011. – 182 стр.

ISBN

Настоящий выпуск Пушкинского альманаха посвящен 175-й годовщине со дня гибели А.С. Пушкина и другим памятным датам российской истории.

Составление: правление Пушкинского общества, 2011
Издательство «Манускрипт», 2011

Пушкин и мы

Александр Пушкин

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

08.09.1830

Виктор Файдисович

«...Пистолетов пара, две пули – больше ничего...» *

Еще раз о дуэльном оружии Пушкина и Дантеса

История дуэли Пушкина с Дантесом, как кажется, изучена досконально. Однако впечатление это обманчиво: в необъятной литературе, посвященной роковому поединку, как правило, тиражируются сведения, добытые из весьма ограниченного круга источников. Между тем одна часть этих источников нуждается в проверке, другая – в дополнениях или уточнениях. Ложное ощущение хрестоматийной известности связывается также с обстоятельствами обмена выстрелами, прогремевшими на Черной речке 27 января 1837 года, и с оружием, из которого они были произведены. Последнему и посвящен этот очерк.

Как явствует из военно-судного дела, на место поединка секунданты явились со своими дуэльными гарнитурами, каждый из которых состоял из пары пистолетов и принадлежностей к ним: «Пистолеты, из коих я стрелял, – показал на следствии Ж.Дантес, – были вручены мне моим секундантом на месте дуэли; Пушкин же имел свои»¹. Излагая показания К.К.Данзаса, секунданта Пушкина, следственная комиссия констатировала: «барьер означен был шинелями секундантов. Потом г. д'Аршиак и он (Данзас. – **В.Ф.**) зарядили каждый свою пару пистолетов и вручили по одному противникам»². Другими словами, Пушкин был вооружен пистолетом

* Наше наследие, 2010. – № 96.

¹ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. Издано в пользу фонда Пушкинского лицейского общества. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. – С.61.

² Там же. С.100.

из гарнитура, привезенного Данзасом, а Дантес – из гарнитура, привезенного д'Аршиаком.

Непреложным условием дуэли служило равенство в возможностях, предоставляемых противникам. Поэтому дуэльные гарнитуры всегда состояли из пары одинаковых пистолетов с принадлежностями. Оптимальным считалось обращение к новому, ни разу не употреблявшемуся, комплекту; во всяком случае, с дуэльным оружием соперники должны были познакомиться лишь на месте поединка. Однако дуэльный кодекс допускал использование соперниками и собственных пистолетов³, если различие в длине их стволов незначительно, а калибры тождественны⁴.

Заметим, что применение противниками собственного оружия имело то очевидное преимущество, что позволяло избежать огласки, почти неминуемой при поисках незнакомых противникам пистолетов. Вспомним: накануне дуэли Ленский наносит прощальный визит Лариным; вечером,

³ «Пистолеты должны составлять одну и ту же пару и быть совершенно неизвестны противникам, – требовал автор известного дуэльного кодекса Ф. фон Болгар, – но в некоторых случаях секунданты могут допустить, с общего согласия, пользование каждому из противников своим собственным оружием» (Болгар Ф. фон. Правила дуэли / Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб.: «Пушкинский Фонд», 1996. – С. 155). «При дуэли на пистолетах существуют две системы для выбора пистолетов: 1) противники пользуются своим личным оружием; 2) противники личным оружием не пользуются, – свидетельствовал позднее В.Дурасов. – В первом случае каждый противник привозит свою пару пистолетов и ею пользуется. Во втором случае секунданты противных сторон привозят по паре пистолетов, неизвестных противникам, и выбор пары пистолетов решается по жребию (Дурасов В. Дуэльный кодекс / Гордин Я.А. Указ. соч. – С. 240–241).

⁴ «Разница в длине стволов не должна превышать трех сантиметров (Это относится к случаям, когда противники имеют право пользоваться собственными пистолетами <...>)» – Болгар Ф. фон. Указ. соч. С.129. «Если каждый из противников пользуется своим личным оружием, то обе пары пистолетов могут не быть совершенно одинаковыми, но их калибр должен быть одинаков, пистолеты обеих пар должны быть нарезные или гладкоствольные, и обе пары должны быть с прицелом или без него». – Дурасов В. Указ. соч. – С.241.

*Домой приехав, пистолеты
Он осмотрел, потом вложил
Опять их в ящик и, раздетый,
При свечке, Шиллера открыл...*

Онегин, его противник, наутро

*Слуге велит приготовляться
С ним вместе ехать и с собой
Взять также ящик боевой...
Примчались. Он слуге велит
Лепажа стволы роковые
Нести за ним...*

Итак, Ленский и Онегин отправляются на поединок каждый с собственным оружием. Очевидно, пушкинские слова: «и каждый взял свой пистолет» – должны пониматься буквально.

С собственными пистолетами явились на дуэль и Пушкин с Дантесом.

Впрочем, собственным оружием – в буквальном смысле этого слова – было лишь оружие Пушкина. Известно, что 24 января 1837 года он отнес ростовщику А.П.Шишкину столовое серебро, под залог которого получил 2200 рублей⁵; по видимому, часть этих денег пошла на оплату пистолетов, которые он выбрал в «Магазине военных вещей» Алексея Куракина на Невском проспекте, 13. По словам К.К.Данзаса, секунданта Пушкина, «пистолеты эти были совершенно схожи с пистолетами д'Аршиака»⁶. Три дня спустя, 27 января, около 2 часов дня, Данзас, условясь встретиться с Пушкиным в кондитерской Вольфа, отправился за пистолетами. Уложив их в сани, Данзас подъехал к расположенной в двух

⁵ Летописи Государственного Литературного музея. Кн. V. Архив опеки Пушкина. Ред. и коммент. П.С.Попова. М.; Л.: Изд. Гос. Литер. музея, 1939. – С. 139–140, 156.

⁶ Данзас К.К. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А.Аммосова / Пушкин в воспоминаниях современников. Гуманитарное агентство СПб.: «Академический проект», 1998. Т. II. – С.402.

шагах от магазина Куракина кондитерской; отсюда путь Пушкина и Данзаса пролег к Черной речке, к месту дуэли.

К.К.Данзас вспоминал: «Пушкин первый подошел к барьеру и, остановясь, начал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил, и Пушкин, падая, сказал:

– Je crois que j’ai la cuisse fracassée⁷.

Секунданты бросились к нему, и, когда Дантес намеревался сделать то же, Пушкин удержал его словами:

– Attendez! je me sens assez de force pour tirer mon coup⁸.

Дантес остановился у барьера и ждал, прикрыв грудь правой рукою. При падении Пушкина пистолет его попал в снег, и потому Данзас подал ему другой. Приподнявшись несколько и опершись на левую руку, Пушкин выстрелил. Дантес упал. На вопрос Пушкина Дантесу, куда он ранен, тот отвечал:

– Je crois que j’ai la balle dans la poitrine⁹.

– Bravo! – вскрикнул Пушкин и бросил пистолет в сторону¹⁰.

Итак, следует признать неоспоримым фактом, что в ходе поединка в его руке побывали оба пистолета, приобретенные в этот день в магазине Куракина; в руке Дантеса – один из двух пистолетов, доставленных на Черную речку д’Аршиаком.

В ночь с 27 на 28 января Пушкин попытался в последний раз спустить курок своего пистолета. «Вечером ему сделалось хуже. В продолжение ночи страдания Пушкина до того усилились, что он решился застрелиться, – сообщает А. Аммосов со слов пушкинского секунданта. – Позвав человека, он велел подать ему один из ящиков письменного стола; человек исполнил его волю. Но, вспомнив, что в этом ящике

⁷ «Мне кажется, что у меня раздроблена ляжка» – фр.

⁸ «Подождите, у меня еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел». – фр.

⁹ «Я думаю, что я ранен в грудь». – фр.

¹⁰ Данзас К.К. Указ. соч. – С. 403–404.

были пистолеты, предупредил Данзаса. Данзас подошел к Пушкину и взял у него пистолеты, которые тот уже спрятал под одеяло; отдавая их Данзасу, Пушкин признался, что хотел застрелиться, потому что страдания его были невыносимы»¹¹.

Заметим, что Аммосов вслед за Данзасом не случайно говорит здесь о двух пистолетах, хотя для того, чтобы застрелиться, достаточно и одного. Пушкин не мог рассчитывать, что оружие ему зарядят, не разгадав его намерения, следовательно, ему нужны были пороховница, пыж, пуля, шомпол, молоток и капсюль — одеялом он накрыл, по-видимому, ящик с дульным гарнитуром...

Какова была дальнейшая судьба оружия, употребленного в поединке на Черной речке?

После дуэли пистолеты Дантеса и Пушкина на целый век исчезли из поля зрения пушкинистов. «Поединок Пушкина обследован и изложен в настоящее время с совершенной полнотой. Все относящиеся сюда материалы и сохранившиеся памятники собраны, описаны, зарегистрированы. Нет только самого оружия, которым был сражен поэт, — дульных пистолетов, — констатировал Н.И.Соболев в заметке «Пистолеты последнего поединка Пушкина», датированной 20 марта 1933 г. — Куда они девались? Почему такая реликвия не сохранилась? Какие они были?»¹²

Как уже говорилось выше, выстрел, оборвавший жизнь Пушкина, был произведен из пистолета, врученного Дантесу, по его словам, секундантом на месте дуэли. Следствие вполне удовлетворилось этим утверждением и не пыталось установить владельца гарнитура, привезенного на Черную речку д'Аршиаком — родственником и другом Дантеса.

Пистолеты Дантеса были неожиданно явлены миру накануне столетней годовщины со дня гибели Пушкина: в 1937 году в Париже, в фойе зала Плейель (Pleyel), на выставке

¹¹ Там же. — С.407.

¹² Соболев Н. И. Пистолеты последнего поединка Пушкина / Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности А.С.Орлова. Л., 1934. — С.515.

«Пушкин и его эпоха», приуроченной к этой скорбной дате, их впервые представил публике Серж Лифарь. Аннотация к ним гласила: «Les pistolets du Baron E. de Barante, prêtés pour le duel de Pouchkine au Vicomte d'Archiac, témoin du Baron d'Anthès» (Пистолеты барона Э. де Баранта, одолженные для дуэли с Пушкиным виконту д'Аршиаку, секунданту барона Дантеса)¹³. Сведения об истории бытования этих пистолетов организаторы выставки почерпнули из записки, семнадцатью годами ранее вложенной полковником Шательпероном в ящик дуэльного гарнитура. Полковник свидетельствовал: «Ces pistolets appartenaient au Bon Ernest de Barante, diplomate, qui ils prêtés à son ami Mr d'Archiac, du duel de Pouchkine avec Mr d'Anthès – Mr d'Archiac était l'un des témoins. Ils ont été donnés au colonel de Chatelperron en 1881 par Mr Bon de Barante, frère de Bon Ernest. Paris, 1 mai 1920. Colonel de Chatel-perron» (Эти пистолеты принадлежали барону Эрнесту де Баранту, дипломату, который предоставил их своему другу, виконту д'Аршиаку для поединка Пушкина с виконтом Дантесом – виконту д'Аршиак был одним из секундантов. Они были подарены полковнику де Шательперону в 1881 г. братом барона Эрнеста. Париж, 1 мая 1920. Полковник де Шательперон». – фр.)

В путеводителе по выставке М.Л.Гофман посвятил пистолетам де Баранта краткий, но яркий очерк: «Следующая (пятая) витрина посвящена дуэли Пушкина с Дантесом и вызывает невольную жуть и трепет. В ящике лежат пистолеты, бывшие на месте дуэли 27 января 1837 года: два пистолета, шомпол, молоток, пороховница с порохом, с тем самым порохом, большие свинцовые пули...

*Вот пистолеты уж блеснули.
Гремит о шомпол молоток.
В граненый ствол уходят пули,
И щелкнул в первый раз курок.*

¹³ Lifar Serge. Exposition «Pouchkine et son époque» (centenaire de Pouchkine, 1837–1937). Paris, 1937.

*Вот порох струйкой сероватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремль
Взведен еще...*

Кажется, эти стихи «Евгения Онегина» описывают дуэльный ящик витрины – так точно совпадение...¹⁴ История этих

Пистолеты Луи де Шательперона. Выставка
Лифаря. Париж. 1937

пистолетов такова: их одолжил виконту д'Аршиаку, секунданту Дантеса, граф Барант, сын французского посланника, и после дуэли они сохранялись в семье Барантов (в настоящее время они принадлежат Л.Шательперону)»¹⁵.

Если до 1937 года имя Э. де Баранта не упоминалось даже в классическом

труде П.Е.Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», то после обнародования принадлежности барону этих пистолетов возник соблазн связать их и с другим поединком – с дуэлью, произошедшей 18 февраля 1840 г. между их владельцем и М.Ю.Лермонтовым. Стремление это понятно – сам Лермонтов ставил Эрнеста де Баранта на одну доску с Жоржем Дан-

¹⁴ Заметим, что во имя точности совпадения, автору следовало ограничиться цитацией первых четырех стихов: вторая половина пушкинского текста относится исключительно к кремнево-ударному оружию, тогда как пистолеты Эрнеста де Баранта снабжены капсюльными замками.

¹⁵ Гофман М.Л. Пушкин и его эпоха. – Юбилейная выставка в Париже / А.С.Пушкин и его эпоха. A.S.Pouchkine et son йpoque. Les Editions «La Russie Illustrй» 17, Rue de la Tremoille, Paris (8e). 1937. – С.123.

тесом: «Je dîtes ces chercheurs d'avantures¹⁶, – говорил он. – Эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети»¹⁷.

Однако изложение обстоятельств поединка в лермонтовском военно-судном деле делает такие попытки совершенно несостоятельными: «Выбор оружия предоставлен был де Баранту, как считавшему себя обиженным, и он выбрал шпаги, которые привезены были секундантом его; но в самом начале дуэли у шпаги Лермонтова переломился конец, и Барант нанес ему в грудь легкую рану, которая заключалась в поверхностном только повреждении кожи. После того они, по сделанному предварительно условию, взяли пистолеты, которые привезены были секундантом Лермонтова, и должны были стрелять вместе по счету»¹⁸. Итак, шпаги доставил к месту дуэли виконт Рауль д'Англес, секундант Э. де Баранта; пистолеты же привез А.А. Столыпин, секундант М.Ю. Лермонтова; следовательно, на исход дуэли Лермонтова с де Барантом пистолеты последнего влияния не имели. Скорее наоборот: эта дуэль повлияла на судьбу пистолетов.

За дуэль с де Барантом Лермонтов поплатился новой – и последней – ссылкой. Однако и Эрнесту де Баранту дуэль с Лермонтовым даром не обошлась – он не только поставил крест на своей дипломатической карьере во французском посольстве в России, но и нанес ощутимый урон репутации отца – полномочного посла Франции при петербургском дворе. Эрнест де Барант вынужден был покинуть Петербург 28 марта 1840 года.

Век Эрнеста де Баранта оказался короток: он не дожил до сорока двух лет и умер в 1859 году; судя по записке полковника де Шательперона, пистолеты барона Эрнеста унаследовал его старший брат – Проспер (Brugiere de Barante,

¹⁶ Я ненавижу этих искателей приключений (фр).

¹⁷ Висковатов П.А. Жизнь и творчество М.Ю.Лермонтова. М.: Издательство Рихтера, 1891. – С. 317–319.

¹⁸ Дело о поручике Л.-гв. гусарского полка Лермонтове, преданном Военному суду за произведенную им с французским подданным Барантом дуэль и необъявление о том в свое время начальству / Гордин А.Я. Указ. соч. – С.276.

Prosper Claude Ignace Constance, 27.08.1816–9.05.1889); от барона П. де Баранта они перешли к де Шательперонам. Устроителям выставки «Пушкин и его эпоха» пистолеты предоставил сын полковника Поля де Шательперона (Collas de Chatelperron, Paul Jean Baptiste Louis, 7.11.1855–4.1.1925) – Луи де Шательперон (Collas de Chatelperron, Louis; 29.11.1882–16.07.1963).

Возвращенные владельцы по окончании парижской выставки пистолеты де Баранта вновь погрузились в забвение почти на треть столетия. Интерес к ним оживил в 1969 году содержательный очерк «Роковое оружие», опубликованный в «Огоньке»¹⁹ правнуком Пушкина Г.М.Воронцовым-Вельяминовым (20.04.1912–20.12.1982).

По его словам, парижанка русского происхождения, Зоя Сергеевна Гибер, отец которой принадлежал к числу организаторов памятного пушкинского собрания в Париже в зале Иена (1937), случайно узнала в 1955 или 1956 году, что пистолеты, экспонировавшиеся на выставке Сержа Лифаря, выставлены на аукцион в отеле Друо. «Желая, чтобы пистолеты перешли в русские руки, – свидетельствовал Г.М.Воронцов-Вельяминов, – она оповестила несколько лиц об аукционе, но все, к сожалению, отнеслись к ней скептически: “А не ошибаетесь ли вы?”, “А подлинные ли это пистолеты?”, “Они пойдут за баснословно высокую цену”. Желая узнать судьбу реликвии, она все же отправилась в залу Друо, но опоздала: пистолеты были уже проданы в начале распродажи за гроши, “кажется, за 70.000 старых франков”»²⁰. Несколько лет спустя З.С.Гибер обнаружила эти пистолеты в частном музее почты на берегу Луары, в Лимрэ, близ Амбуаза, и в 1968 году указала на их местонахождение Г.М.Воронцову-Вельяминову. В ноябре того же года Георгий Михайлович посетил этот музей; владелец музея, размещенного в здании старинной почтовой станции, страстный коллекционер Пьер Поль продемонстрировал ему пистолеты де Баранта и по-

¹⁹ Воронцов-Вельяминов Г.М. Роковое оружие // Огонек. 1969. № 41. – С. 30–31.

²⁰ Там же. С.31.

зволил сфотографировать их, но продать их потомку Пушкина отказался, как ранее отказался продать их потомку Дантеса²¹. Г.М.Воронцов-Вельяминов скопировал текст записки полковника Шательперона и впервые указал в своей публикации имя мастера, изготовившего пистолеты де Баранта, – саксонского оружейника Карла Ульбриха из Дрездена. Отметим также, что Георгий Михайлович почел необходимым сверить сведения, полученные им при посещении музея Пьера Поля, с первоисточником:

«Вернувшись в Париж, ищу Шательперонов в телефонной книге. Их там значится трое. Звоню первому из них.

– Конечно, помню эти пистолеты. Они принадлежали моему отцу. Я любил их рассматривать, когда был ребенком. Он продал их, по-видимому, в трудное для него время. Если вам хочется знать о них подробней, позвоните моей родственнице, маркизе де Рокморель. Она вам сможет о них сказать больше, чем я. Вот ее телефон...

Тут же звоню маркизе, объясняю, в чем дело, и прошу ее не отказать меня принять. Она охотно соглашается и обещает предварительно расспросить подробности у своей матери.

Вот что я узнал от нее через несколько дней.

Амабль Гийом Проспер Брюжьер де Барант (1782–1866), известный историк, член французской академии, был назначен послом при русском дворе в конце 1835 года. Напомню, что Пушкин общался с ним, изучал его исторические труды, упоминал его в своих статьях и обменялся с ним письмами. Посол был женат на Марии Жозефине д'Удето, женщине весьма набожной, основавшей в Париже женский монастырь, в пансионе которого воспитывалась моя собеседница²².

Младший же сын посла, Эрнест де Барант, родившийся в Париже 22 апреля 1818 года и умерший 18 сентября 1859 года, был тот самый Барант, который одолжил пистолеты д'Аршиаку. Не знаю, имел ли он в 19 лет официальное поло-

²¹ Серж Лифарь также предпринимал безуспешные попытки приобрести пистолеты де Баранта у г-на Пьера Поля.

²² Речь идет о маркизе Рокморель. В.М.Фридкин ошибочно отнес эти слова к З.С.Гибер. – Фридкин В. Пистолеты де Баранта // Отчизна. 1989. – С.16.

жение при французском посольстве в Петербурге, где подолгу жил со своим отцом, но впоследствии служил, как и отец, дипломатом, чем и объясняется указание записки, имеющейся при пистолетах, что они «принадлежали барону Эрнесту де Баранту, дипломату».

Эрнест был шармером, покорителем множества женских сердец. Он слыл заблудшей овцой семьи, и поведение его вызвало множество отчаянных писем его добродетельной матери.

Женат Эрнест не был, и после его смерти пистолеты перешли сначала к его старшему брату, Просперу, а затем в семью его сестры, урожденной де Барант, которая была замужем за Шательпероном. То, что Проспер не оставил их одному из своих сыновей, объясняется тем, что Луи де Шательперон был в отличие от них военным. Маркиза де Рокморель, давшая мне эти сведения, является праправнучкой барона де Баранта, французского посла в Петербурге»²³.

Рассказ Г.М.Воронцова-Вельяминова нуждается в некотором уточнении.

После смерти Эрнеста де Баранта (Brugiire de Barante, Ernest Sïbastien) пистолеты действительно достались его старшему брату Просперу, однако затем они перешли отнюдь не к сестре барона Эрнеста: Проспер де Барант в 1881 году подарил их своему зятю, кавалерийскому офицеру и отличному стрелку, Полю де Шательперону, за которого 23 января 1880 года вышла замуж его дочь Элизабет (Brugiire de Barante, Elisabeth Suzanne Adile, 14.05.1858–[?].03.1953). Полковник и кавалер ордена Почетного легиона П. де Шательперон подписал 1 мая 1920 года памятную записку об этом даре²⁴, сохранившуюся донныне в ящике с пистолетами; на аукцион в зале Друо пистолеты выставил его сын Луи. По-видимому, позвонив наудачу по номеру одного из трех значащихся в телефонном справочнике Шательперонов, Г.М.Воронцов-Вельяминов говорил по телефону с сыном

²³ Воронцов-Вельяминов Г.М. Указ. соч. – С.31.

²⁴ Подпись полковника де Шательперона отличается от почерка, которым написан основной текст.

последнего²⁵. Как удалось установить, собеседник Г.М.Воронцова-Вельяминова ссылался на авторитет маркизы Клод де Рокморель (de Roquemaurel, Claude Cйsarine Marie Valentine; 10.12.1917–1990) – правнучатой племянницы Эрнеста де Баранта²⁶.

Упомянутый выше коллекционер Пьер Поль завещал все свое собрание городу Амбуазу. В муниципальном Музее почты, открытом в сентябре 1971 года в Амбуге, в особняке, принадлежавшем некогда маршалу Анри Жуайезу (1567–1608), на улице его имени, в доме № 6, пистолеты работы Карла Ульбриха заняли видное место...

Однако судьбе было угодно на время вернуть их в Россию: 6 июля 1989 года в Париже, на приеме, ознаменовавшем собою завершение официального визита М.С. Горбачева во Францию, Ф. Миттеран торжественно вручил советскому гостю знаменитые пистолеты, намереваясь, вероятно, превратить этот памятник смертельной вражды в знак сердечного согласия.

В соответствии с первоначальным замыслом, созревшим в кулуарах Елисейского дворца, дуэльный гарнитур де Баранта должен был стать эффектным дипломатическим даром Кремлю. Мэр Амбуга А.Шолле подвергся мощному давлению со стороны высших властей; пистолеты изъяли из экспозиции Музея почты и приуготовили к возложению на алтарь советско-французской дружбы...

²⁵ Заметим, впрочем, что в это время Г.М.Воронцов-Вельяминов имел еще возможность расспросить об истории пистолетов младшего брата Луи де Шательперона, Эдуарда (Collas de Chatelperron, «Edouard» Prosper Louis; 23.02.1885–2.05.1978).

²⁶ Маркиза де Рокморель, в свою очередь, уточняла свои воспоминания о пистолетах в беседах с матерью, графиней Мари Пуже де Надильяк (Du Pouget de Nadaillac, Cesarine Louise Georgina «Marie»; 18.11.1889–8.05.1975), урожденной Брюжьер де Барант. Мари де Надильяк, дочь Клода де Баранта (Brugiere de Barante, Claude Antoine Felix, 4.07.1851–20.11.1925), приходилась внучкой Просперу и внучатой племянницей Эрнесту де Барантам.

Но покушение государства на муниципальную собственность Амбуаза вызвало во Франции такую бурю негодования, что президенту Миттерану пришлось ограничиться предоставлением пистолетов на временную выставку с условием возвращения их через шесть месяцев²⁷. Министерство культуры СССР распорядилось выставить их во Всесоюзном музее А.С.Пушкина в Ленинграде, в последней квартире поэта, на Мойке, 12.

В музее решение министерства вызвало неоднозначную реакцию; далеко не все видели в пистолетах Дантеса пушкинскую реликвию: многие находили кощунственной саму мысль об экспонировании оружия, прервавшего жизнь Пушкина, под кровом его последнего жилища.

Первоначально пистолеты из Амбуаза были выставлены наряду с несколькими предметами живописи, графики и извлечениями из военно-судного дела Дантеса в так называемом Зеленем зале, на втором этаже дома на Мойке; однако через несколько дней помещение над этим залом было затоплено горячей водой, и с потолка рухнул огромный кусок штукатурки. Кое-кто из сотрудников музея увидел в этом перст судьбы; пистолеты перенесли в квартиру Пушкина, на «гончаровскую половину».

Впрочем, обрушившийся потолок не нанес им никаких повреждений, и дуэльный гарнитур благополучно вернулся в Амбуаз.

Несколько лет спустя Музей почты прекратил свое существование, и коллекция Пьера Поля пополнила собою собрание Музея почты в Париже; однако дуэльные пистолеты де Баранта, как бесценную реликвию, муниципалитет оставил за собой – ныне они хранятся в сейфе амбуазской мэрии.

В прошлом году знаменитые пистолеты вновь пересекли российскую границу: их доставили в Москву, в Государственный музей А.С.Пушкина для экспонирования на выставке «Русский поединок», открывшейся 9 февраля 2007 года, накануне столетия годовщины со дня смерти поэта.

²⁷ См. об этом: Файбисович В.М. Эхо выстрелов на Черной речке / Русский меценат. 2008, Вып. 1. – С. 87–95.

На этот раз их вояж в Россию не вызвал во Франции заметного резонанса, но зато в российских средствах массовой информации это событие приобрело характер сенсации; гарнитур оружейника Карла Ульбриха, несомненно, стал главным экспонатом выставки в музее на Пречистенке.

Историко-литературная традиция, сложившаяся за семьдесят лет, протекавших со времени представления дрезденских пистолетов на парижской выставке С.М.Лифаря, оказала магическое действие на ученых-пушкинистов, музейщиков, дипломатов, представителей средств массовой информации и самые широкие круги почитателей великого поэта: история пистолетов барона Эрнеста де Баранта, изложенная в записке полковника Поля де Шательперона, была принята на веру почти всеми. В роли библейского Фомы выступил лишь Павел Макаров, «журналист, писатель и оружейник» из украинского Никополья, поместивший в интернете запальчивую статью под красноречивым заглавием «Французский лохотрон в России»: «Меня, как человека думающего, поражает, как легко, без конкретных фактов и доказательной базы в России было воспринято на веру то, что в действительности вызывает глубокие сомнения, — писал П.Макаров. — Во Франции, стране с весьма развитым и имеющим многовековой опыт нотариатом, должны были обязательно сохраниться документальные подтверждения записки, приложенной к пистолетному гарнитуру Карла Ульбриха! Возможно, ответ дает уже упомянутая рукописная карточка, составленная именно в то время, когда Париж был заполнен не только цветом белой эмиграции, но и мошенниками международного класса, для которых составление “филькиной грамоты” было не чем иным, как средством обогащения за счет доверчивых простаков»²⁸.

Принадлежность этих пистолетов семьям де Шательперонов и де Барантов надежно подтверждается множеством свидетельств, исходящих от представителей обеих семей, в каждой из которых было немало долгожителей; однако сведения о том, что пистолеты мастера Ульбриха были предос-

²⁸ http://www.russianvienna.com/nvm/nvm7_200801-2.htm

тавлены виконту д'Аршиаку для поединка на Черной речке, нуждаются в проверке: эти сведения влекут за собою вопросы, ответить на которые нелегко.

В январе 1837 года Эрнесту де Баранту не исполнилось еще и девятнадцати лет; зачем д'Аршиаку нужно было вмешиваться в дуэль юного сына своего патрона? Почему Дантес не обратился за пистолетами к своим сослуживцам, офицерам-кавалергардам? – Некогда кавалергардский полк был известен своими бретерами, и за дуэльным оружием дело бы не стало...

Ответ следует искать в ящике с дрезденским гарнитуром – точнее, на внутренней стороне его крышки.

Если записка полковника де Шательперона воспроизведена в десятках публикаций, связанных с историей пистолетов де Баранта, то картонная фирменная этикетка оружейной мастерской Карла Ульбриха никогда не привлекала к себе внимания исследователей. Между тем она позволяет уточнить датировку дрезденского гарнитура.

На этикетке значится: Carl Ulbrich //Zeughaus-Vöhsenmacher-Meister (Карл Ульбрих // Оружейных дел мастер при Цейхгаузе). Ниже – декоративная композиция из скрещенных ружей и пистолетов, перевитых венками и лентами. Под ними – надпись: DRESDEN // Im Zeughofe (Дрезден, в Оружейном дворе). По сторонам от трофея изображены лицевая и оборотная стороны медали, полученной мастером Ульбрихом. На аверсе ее – профиль саксонского короля, окруженный надписью: «FRIEDRICH AUGUST KOENIG VON SACHSEN». Под аверсом – Grosse silberne Preismedaille (Большая серебряная поощрительная медаль). На реверсе – многофигурная композиция, представляющая аллегорию покровительства искусства и ремеслам; над нею надпись по краю: «DEM VERDIENST UM KUNST UND GEWERBE» (За заслуги в искусстве и ремеслах). Под изображением оборотной стороны медали подпись: Gewerbe-Ausstellung <...>²⁹ (Промышленная выставка <...>). Несмотря на то, что в надписи на аверсе король наименован Фридри-

хом Августом, на медали изображен Фридрих Август II: профиль правителя идентичен его изображениям на саксонских монетах, причем и на них римская цифра «II» в именовании его опущена. Фридрих Август II взошел на престол саксонского королевства 6 июня 1836 года, за семь месяцев и три недели до поединка Пушкина с Дантесом. Очевидно при этом, что Э. де Барант мог приобрести пистолеты не ранее, чем была отчеканена Большая серебряная медаль с профилем Фридриха Августа II, присужденная К. Ульбриху.

Между тем в год вступления Фридриха Августа II на саксонский престол (1836) выставка в Дрездене не проводилась. Первая из выставок, состоявшихся в его правление, – Девятая выставка искусств и ремесел – открылась в Дрездене летом 1837 года: она работала с начала августа по конец октября 1837 года в Дублетном зале на Брюлевской террасе³⁰.

Заметим, что все саксонские монеты и медали чеканились в Дрездене; все они учтены в особом регистре – т.н. «Книге брактеатов» (Brakteatenbuch). Из этого регистра следует, что первая поощрительная медаль с профильным изображением Фридриха Августа II была отчеканена из золота в 1837 году в единственном экземпляре³¹; исполнена она была известным дрезденским гравером Рейнхардом Крюгером (1794–1879). Первые серебряные медали с профилем короля Фридриха Августа II появились лишь в 1838 году, когда были отчеканены 3 золотых и 27 серебряных медалей³². Следующая, Десятая выставка искусств и ремесел состоялась в 1840 году; на ней выдавались как большие и малые золотые, так и большие и малые серебряные медали³³. Очевидно, именно на этой выставке произведения мастерской Карла

²⁹ Далее следует слово, оставшееся на утраченном фрагменте этикетки.

³⁰ Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность д-ру Э. Хохмуту (Лейпцигский университет, Институт гуманитарных наук), специализирующемуся на истории промышленных выставок и любезно сообщившему мне эти сведения.

³¹ Мьнзкabinett, Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Brakteatenbuch 1837. S.14.

³² Мьнзкabinett, Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Brakteatenbuch 1838. S.5.

Ульбриха удостоились Большой серебряной поощрительной медали, изображенной на этикетке.

Из этого явствует, что пистолеты де Баранта никак не могли участвовать в поединке Пушкина с Дантесом.

Этот обескураживающий вывод подтверждается фактами биографии Эрнеста де Баранта. Как установила Э.Г.Герштейн, Эрнест де Барант был выписан отцом в Петербург лишь в 1838 году³⁴.

Барон Эрнест де Барант учился в Боннском университете, получил там диплом доктора и был зачислен в штат Министерства иностранных дел Франции: посол прочил сыну дипломатическую карьеру. Отосланный после дуэли с Лермонтовым в Париж, Эрнест де Барант провел там несколько месяцев в надежде, что его вновь прикомандируют к французскому посольству в России. Однако эта надежда оказалась тщетной, и весной 1841 года молодой дипломат получил назначение ко двору Фридриха Августа II Саксонского³⁵. Очевидно, в Дрездене он и приобрел пистолеты, изготовленные в мастерской Карла Ульбриха.

Мы не знаем, является ли записка де Шательперона плодом умышленной мистификации Эрнеста де Баранта³⁶ или кого-нибудь из позднейших владельцев пресловутых пистолетов. Быть может, мы имеем дело с тем классическим слу-

³³ Сведениями о поощрительных медалях, присуждавшихся на выставках искусств и ремесел в Дрездене, я обязан В.Хольштайну, заведующему Минцкабинетом Государственных художественных собраний Дрездена (Staatliche Kunstsammlungen Dresden); спешу принести г-ну Хольштайну свою глубокую признательность. С сердечной благодарностью я должен упомянуть здесь имя Ю.В.Вашенко, при любезном содействии которой я смог получить чрезвычайно ценные сведения, сообщенные мне уважаемыми саксонскими коллегами Э.Хохмутом и В.Хольштайном.

³⁴ Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М.: Художественная литература, 1986. – С.23.

³⁵ Там же. – С.33.

³⁶ Семейные предания, рисующие его «заблудшей овцой», отдаленно перекликаются с характеристикой, данной Эрнесту де Баранту В.Г.Белинским, назвавшим его (очевидно, со слов М.Ю.Лермонтова), «салонным Хлестаковым» (Белинский В.Г. Письмо к В.П.Боткину от 16–21 апреля 1840 г. / М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1972. – С.242).

чаем фамильного мифа³⁷, который возникает на зыбкой почве домыслов, но со временем, освященный памятью нескольких поколений, обретает для этой семьи значение непреложной истины.

Впрочем, нельзя не обратить внимания и на характер повреждения фирменной этикетки Карла Ульбриха: уж не было ли оно умышленным? В подписи под изображением реверса Большой серебряной медали, полученной Карлом Ульбрихом, вслед за словами «Gewerbe-Ausstellung» из-за повреж-

Пистолеты А.Земецкого. Фотография 1937 года

дения недостает четырех или пяти знаков — уж не даты ли?..

Но вернемся к пистолетам Пушкина.

Первое известие об их судьбе появилось в польском иллюстрированном журнале

«Swiatowid»³⁸, когда отмечалось 100-летие гибели великого поэта. Эта заметка, подписанная инициалами «H.S.», извест-

³⁷ В 1920 г., когда полковник де Шательперон сделал запись о происхождении пистолетов, со дня кончины их первого владельца, Эрнеста де Баранта, прошел уже шестьдесят один год; со времени смерти старшего брата Эрнеста, барона Проспера, миновало более тридцати лет, виконта д'Аршиака — семьдесят два года. Дантеса — двадцать пять лет. Заметим, что историю бытования пистолетов де Баранта полковник Поль де Шательперон (7.11.1855—4.1.1925) засвидетельствовал спустя тридцать шесть лет со дня получения им этих пистолетов в дар от Проспера де Баранта.

³⁸ H.S.Stulecie smierci Aleksandra Puszkina. Pistolety uzyte w tragicznym pojedynku znajduja sie w Polsce // Swiatowid. 1937. Nr 5. Первое указание на это издание появилось в 1950 г. в аннотированном библиографическом указателе произведений А.С. Пушкина и работ о нём, изданном на польском языке в XIX—XX веках: Toporowski M. Puszkina w Polsce: Zarys bibliogr.-lit. Warszawa: Panstw. inst. wydawniczy, 1950.

тна у нас лишь в кратком пересказе Л.П.Февчук, автора книги о пушкинских реликвиях³⁹; приводим поэтому заметку из «Святовида» полностью:

«29 января минуло 100 лет со дня смерти знаменитого поэта, принадлежащего к числу наиболее выдающихся людей, каких знала Россия – Александра Пушкина.

В морозное утро 27 января 1837 года пал в поединке у Новой Деревни близ Петербурга от руки своего приятеля, капитана Дантеса, замечательный поэт-романтик Александр Сергеевич Пушкин. Свинцовая круглая пуля пробила грудь Пушкина, ранив его повыше сердца. Доставленный домой с места дуэли, он провел двое суток в мучениях, пока днем 29 января глаза его не закрылись навек.

Пистолеты, которыми Пушкин и Дантес воспользовались в поединке, сохранились до настоящего дня и принадлежат ныне майору Альбину Земецкому в Познани. Они исполнены на известной оружейной фабрике Лепаж в Париже. Пистолеты покоятся в эффектном деревянном ящике, с металлической оправой и со щитком в центре крышки, украшенном инициалами «A.S.P.». На внутренней стороне крышки, выложенной бархатом, – квадратная кожаная этикетка с надписью: «Type s'gée pour Monsieur Pouchkine 1836 a. Lepage a Paris». Это та самая оружейная фабрика, которая ранее изготовляла оружие для бога войны – Наполеона.

Надпись свидетельствует, что пистолеты изготовлены были для Пушкина по заказу незадолго до его смерти. Известно, не заказал ли Пушкин пистолеты в предчувствии ожидающего его поединка с приятелем – поединка, который, как свидетельствуют биографы великого поэта, не имел, собственно говоря, существенного повода, а был лишь следствием интриги, затеянной одним из представителей дипломатического корпуса в Петербурге.

В ящике сохранились донныне литые свинцовые пули, равно как и медные капсулы, использованные в поединке. В

³⁹ Февчук Л.П. Портреты и судьбы. Из ленинградской Пушкинианы. Л.: Лениздат, 1984. – С. 221–222; 2-е изд., доп.: 1990. – С. 208–209.

одном из специальных отделений находится еще билет благотворительной лотереи 1837 года, приготовленный для прибивания пороха.

Приятель поэта и невольный его убийца, Дантес, был капитаном кавалергардского полка в Петербурге и после трагического поединка, поступившись военной карьерой, обосновался в своем поместье.

Пушкин вышел на дуэль с пистолетом, который на нашем снимке вынут из ящика. Как утверждают биографы, поэт вовсе не имел намерения целить в приятеля. Выход на поединок был продиктован лишь стремлением положить конец сплетням о жене поэта и капитане Дантесе.

Пистолеты достались нынешнему их обладателю, майору Зеמעккому, незадолго до Первой мировой войны от некогда русского офицера в Варшаве. Несомненно, в наши дни эти пистолеты, несмотря на их трагическую роль, представляют собою один из важнейших памятников, связанных с именем знаменитого российского поэта, чья слава распространилась далеко за пределы тогдашней России»⁴⁰.

Нетрудно убедиться, что автор этой заметки знаком с биографией и с творчеством Пушкина лишь в первом прибли-

⁴⁰ Приводим полностью польский текст: «W dniu 29-go stycznia mija 100 lat od smierci znakomitego poety, jednego z najwybitniejszych, jakich wydała Rosja – Aleksandra Puszkina.

W mroźny ranek 27 stycznia 1837 padł w pojedynku pod Nowa Wsia niedaleko Petersburga z reki swego przyjaciela, kapitana Dantesa, świetny poeta – romantyk Aleksander Siergiejewicz Puszkina. Ołowiana, okragła kula przebiła piers Puszkina, raniąc go powyżej serca. Zniesiony z placu dwa dni jeszcze meczył się, by w dniu 29 stycznia zamknąć swe oczy na zawsze.

Pistolety, których Puszkina i Dantes używali w pojedynku, zachowały się do dnia dzisiejszego i są obecnie własnością mjr. Albina Ziemeckiego w Poznaniu. Pochodzą one ze znanej fabryki broni w Paryżu Lepage’a. Znajdują się w efektownym pudle drewnianym, obitym metalem, z bhiszka na środku wieka zdobna w inicjały „A. S. P.”. Od wewnętrznej strony wieka, na aksamicie widnieją na skórcie kwadratowej napis: „Type cree pour Monsieur Pouchkine 1836 a. Lepage a Paris», Jest to ta sama fabryka, która przedtem wytwarzała bron dla boga Wojny – Napoleona.

женин⁴¹; нет, однако, сомнения, что эти капсюльные пистолеты соответствуют и исторической эпохе последнего пушкинского поединка, и типу примененного в нем оружия. Они изготовлены, очевидно, в Париже, но не тем «славным оружейным мастером»⁴², Жаном Лепажем (1746–1834), которого упоминает в «Евгении Онегине» Пушкин и которого имеет в виду автор заметки, – а его сыном Анри (Жаном Андре Проспером) Лепажем (1792–1854), королевским оружейником, исполнявшим в 1815–1842 годах заказы Людовика XVIII, Карла X, Луи Филиппа, герцогов Орлеанского и Немурского. Произведения Анри Лепажа (мастер ставил на них клей-

Napis dowodzi, że pistolety zrobione były dla Puszkina na zamówienie na krótko przed śmiercią. Niewiadomo tylko, czy Puszkina, zamawiając pistolety, czynił to z wyraźną myślą o czekającym go pojedynku z przyjacielem, pojedynku, który, jak uczą biografowie wielkiego poety, nie miał właściwie istotnego powodu, a był tylko wynikiem intrygi, zadzierzgniętej przez jednego z przedstawicieli dyplomacji ówczesnej w Petersburgu.

W pudle jeszcze dzisiaj znajdują się odlane ołowiane kule, oraz miedziane kapiszony, które były użyte w pojedynku. W jednym z narożnikowych schowków znajduje się jeszcze bilet loterii dobroczynnej ze stycznia 1837 r., przygotowany do przybijania prochu.

Przyjaciół poety i mimowolny sprawca jego śmierci, Dantes, był kapitanem kirasjerskiego pułku w Petersburgu i po tragicznym pojedynku zrezygnował z dalszej kariery wojskowej, osiadając w swym majątku.

Puszkina stanął do pojedynku z pistoletem, który na zdjęciu naszym jest wyłożony z pudła. Jak twierdzą biografowie – poeta nie miał zamiaru wogóle celować do przyjaciela. Przybycie na plac miało tylko być chęcią urwania głowy dalszym plotkom o zgonie poety i kpt. Dantesie.

Pistolety te uzyskane zostały przez obecnego właściciela mjr. Ziemeckiego na krótko przed wybuchem wojny światowej od pewnego oficera rosyjskiego w Warszawie. Niewątpliwie pistolety te są w obecnej chwili jedną z największych, aczkolwiek tragicznych, pamiątek po świetnym pocięciu rosyjskim, którego ssawa przekroczyła granice ówczesnej Rosji. H. S.»

⁴¹ Автор считает Пушкина и Дантеса «приятелями», полагает, что Пушкин был ранен «повыше сердца», называет Дантеса капитаном вместо поручика и явно проецирует дуэль Онегина с Ленским на поединок Пушкина с Дантесом, отводя Пушкину роль Ленского...

⁴² Пушкин А.С. Полное собр. соч. Т. I–XVI. М.Л.: АН СССР, 1937–1949. Т. VI. – С.194.

мо «Henri» или «H. Lepage») были удостоены серебряных медалей на промышленных выставках 1823, 1827, 1834 и 1839 годов.

Пистолеты, приписывавшиеся Пушкину, несомненно, находились в руках человека, знающего их подлинную ценность: к фотографии пистолетов в «Святоvide» прилагался гравированный портрет Пушкина из собрания А.Земецкого.

Как удалось установить, Альбин Казимеж Земяцкий (Albin Kazimierz Ziemecki) родился в Варшаве 1 марта 1890 года. В 1914 году он окончил Варшавский ветеринарный институт, затем воевал на фронтах Первой мировой войны. После обретения Польшей независимости (1918) А.К.Земяцкий служил главным ветеринарным врачом во 2-м Уланском полку; с 1920 года он состоял в инспекции ветеринарной службы VII Отдельного корпуса; с 1926-го – в 15-м Познанском уланском полку. В майоры Альбин Земяцкий был произведен 1 января 1927 года. Весной 1940 года майор Земяцкий был расстрелян в Катыни органами НКВД; имя его начертано на памятной стене польского Военного кладбища в Катынском лесу...

Снимок пистолетов, приложенный к статье в «Святоvide», уже перепечатывался в книгах Л.П.Февчук, однако малый размер, невысокое качество полиграфии и ретушь обесценили эти иллюстрации. Благодаря содействию коллег из Национальной библиотеки в Варшаве⁴³ в нашем распоряжении оказалось выполненное в 1937 году превосходное изображение пистолетов, принадлежавших Альбину Земяцкому. Оно позволяет прочесть надпись на кожаной этикетке и даже уточнить ее публикацию в «Святоvide»⁴⁴. Шрифт, которым оттиснута эта надпись, не противоречит дате «1836», однако этикетка на ящике с пистолетами Анри Лепажа ставит перед

⁴³ Считаю своим долгом засвидетельствовать неоценимую помощь, оказанную мне г-жой Иреной Афанасьевой, и приношу ей свою глубокую и искреннюю признательность.

⁴⁴ При ее воспроизведении опущены инициалы поэта; в действительности на этикетке оттиснуто: «Type s'йе pour // Monsieur A.S.Pouchkine // 1836 a. // Lepage a Paris».

исследователем не менее острые вопросы, чем этикетка на ящике с пистолетами Карла Ульбриха.

Если верить надписи на этикетке, украшающей собою гарнитур майора Земецкого, пистолеты были изготовлены фирмой Лепаж в Париже по заказу Пушкина; именно так и понял ее автор заметки в «Святовиде». Трудно, однако, понять, для чего Пушкину понадобилось заказывать пистолеты в Париже, если такие же пистолеты можно было купить в магазинах Петербурга. Впрочем, пристойные дуэльные пистолеты можно было купить даже в губернском городе: в начале 1836 года граф В.А.Соллогуб, получивший в Твери известие о вызове на дуэль, посланном ему Пушкиным, купил там пистолеты для предстоящего поединка⁴⁵.

Тот же В.А.Соллогуб сообщает, что по примирении с поэтом был приглашен им в секунданты на предстоящий поединок с Дантесом и в первой половине ноября 1836 года заходил вместе с ним «к оружейнику»: «Пушкин, – рассказывает В.А.Соллогуб, – приценивался к пистолетам, но не купил по неимению денег»⁴⁶. Из свидетельства Соллогуба нетрудно заключить, что до этого времени Пушкин пистолетов Лепажу не заказывал; если же допустить, что такой заказ был сделан во второй половине ноября или декабре, у парижского оружейника, надо думать, уже не оставалось времени, чтобы исполнить этот заказ до окончания 1836 года.

Не исключено, впрочем, что надпись на кожаной этикетке имеет коммеморативное значение и была сделана после смерти поэта одним из последующих владельцев пушкинского оружия. Современники (особенно младшие) знали об обстоятельствах дуэли много меньше, чем мы, и если на пуш-

⁴⁵ «Делать было нечего; я стал готовиться к поединку, купил пистолеты, выбрал секунданта, привел бумаги в порядок и начал дожидаться...» Соллогуб В.А. Из доклада в Обществе любителей российской словесности // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I–II. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1988. Т. II. – С.343.

⁴⁶ Соллогуб В.А. Из «Воспоминаний» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I–II. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1988. Т. II. – С.334.

кинских пистолетах выставлено фирменное клеймо Лепаж и дата «1836», то домыслить им оставалось немного – лишь то, что пистолеты были изготовлены специально для Пушкина...

До последнего времени эта гипотеза имела совершенно умозрительный характер, ибо никакими сведениями о приписываемых Пушкину пистолетах Лепаж с 1937 года мы не располагали.

Однако благодаря бескорыстному и самоотверженному содействию польских коллег – Ирены Афанасьевой и Анны Щенснович-Мангазеевой – судьба этого дуэльного гарнитура установлена: он по-прежнему находится в Польше и принадлежит частному лицу. Если нынешний владелец пистолетов позволит их осмотреть, у нас появится возможность для дальнейших разысканий: Анри Лепаж нумеровал свои произведения, и архив его фирмы сохранился.

Владимир Евдасин

Повесть о том, как Василий Васильевич Александра Сергеевича по почте послал

(окончание, начало в выпусках 10 и 11)

Как иллюстрировать?

Итак, определив темы и содержание будущих миниатюр, Завьялову предстояло найти приёмы художественного воплощения задуманного. Настало время работы с карандашом в руках.

В первых сериях пушкинских марок Завьялов использовал язык символов для выражения своего отношения к поэту, к его судьбе. Символы говорили о многом, но и занимали художественное поле миниатюры. Юбилейные тексты и даты, обязательные почтовые реквизиты тоже занимали часть художественного поля воспроизводимого в миниатюрной копии произведения. Это было вмешательством в созданные мастерами прошлого образы Пушкина, несанкционированным соавторством с ними. Накопив опыт и мастерство, художник искал пути так оформить почтовую марку, чтобы полностью или во фрагменте сохранить, пусть и в уменьшенной копии, образ, созданный на воспроизводимом произведении искусства.

Отечественный и мировой опыт развития жанра подсказал Завьялову, что лучшей композицией почтовой марки, воспроизводящей художественное произведение, является овал с этим произведением внутри, размещённый в центре прямоугольной миниатюры. Поначалу считалось, что такая композиция неэкономна, слишком много пустого пространства оставалось за пределами овала. Но художники-миниатюристы научились размещать на заovalьном пространстве обяза-

тельные почтовые реквизиты и другие элементы оформления. Должен был Завьялов учесть и потребности филателистов, всегда стремящихся к красивому размещению экспонатов в альбоме, кляссере или выставочном листе. А что может быть красивее симметрии? Один из задуманных сюжетов – рисунок «Пушкин и декабристы в Каменке» – мог быть размещён только в овале горизонтальном, а два портрета – работы Гейтмана и Кипренского – лучше должны смотреться в овале вертикальном. Для симметрии хорошо бы разместить в горизонтальном овале и «автопортрет в круге». Намётанный глаз художника позволил ему утвердиться в верности выбора.

Уже на первых порах работы карандашом художник добился эффекта однородности оформления всех четырёх миниатюр независимо от вертикального или горизонтального размещения фрагментов произведений в овалах. Одинаковые юбилейные тексты и даты, обязательные реквизиты и одни и те же символы стали общесерийными признаками серии почтовых марок «150 лет со дня рождения великого русского поэта А.С.Пушкина». Всё это удалось разместить на заovalном пространстве. И не только это. Завьялову удалось ещё и зарезервировать на каждой миниатюре свободный угол. А он был ему крайне нужен. И вот почему.

Сверхзадача, поставленная перед собой Завьяловым, состояла в том, чтобы проиллюстрировать почтовыми миниатюрами биографию и творчество Пушкина. Получилось,

однако, так, что портреты, скульптурный памятник и даже жанровый рисунок говорили только о жизни, об облике поэта в разные периоды его биографии, но ничего не могли сказать о его творчестве, о произведениях, над которыми он работал в тот же период жизни. Завьялов придумал такой художественный приём: на каждой миниатюре дать иллюстрации к одному из основных произведений, созданных в тот период биографии поэта, к которому относится его изображение в овале. Для этой иллюстрации и выкраивал художник место в заovalном художественном пространстве.

Завьялову предстояло проявить себя не только в качестве оформителя и копииста чужих произведений в миниатюре, в чём у него был немалый опыт, но и в полной мере стать творцом сверхминиатюрных иллюстраций пушкинских произведений. Сверхминиатюрных, поскольку зарезервированная им самим площадь для них на почтовой марке перекрывалась всего пятью стандартными головками серных спичек. Трудность состояла и в том, что рисунок иллюстрации предстояло вписать в художественное поле необычной формы. Зарезервированный верхний угол почтовой марки выглядел, как прямоугольный треугольник прямым углом вверх и наружу, но с искажённой гипотенузой, вогнутой внутрь треугольника по овалу. Но трудности не испугали Завьялова, и его карандаш приступил к работе.

На выпущенных в обращение марках этой серии есть три сверхминиатюрные иллюстрации к произведениям Пушкина. Есть иллюстрация и на четвёртой марке, но иллюстрирует ли Завьялов этим рисунком произведение Пушкина, и какое, придётся выяснять опять же методом дедукции. Но вначале о понятном.

Откуда родом дуб зелёный

Удивительно изящно в левом верхнем углу почтовой марки смотрится выполненная Завьяловым иллюстрация к прологу «Руслана и Людмилы». Здесь и могучий дуб, и «златая цепь на дубе том», и спустившийся по цепи к самому уху юного поэта, изображённого в овале по гравюре Гейтмана,

кот учёный, который поэту «сказки говорил», здесь и другие персонажи. Лучшей и более миниатюрной иллюстрации к этому прологу мне встречать не доводилось.

Размещая эту иллюстрацию рядом с изображением Пушкина мальчиком-лицеистом, Завьялов наверняка руководствовался сообщением поэта в предисловии ко второму изданию «Руслана и Людмилы» о том, что «он начал свою поэму, будучи ещё воспитанником Царскосельского лицея». Но поэт Пушкин подвёл художника Завьялова. Он не писал пролога в Лицее.

Дело было так.

26 марта 1820 года Пушкин закончил поэму «Руслан и Людмила», но подготовить её в печать не успел, уже 6 мая его отправили на юг. Переписка поэмы поручена брату Льву и его однокашнику Сергею Соболевскому. По инициативе Жуковского поэму решено издать отдельной книгой, за что берётся издатель Гнедич.

Уже 5 июня 1820 года Гнедич пишет Жуковскому: «Пушкина поэма на финише! только окончится виньетка, которую рисовал Алек. Н. Оленин (Эге? А ты, друг, и не подозревал) и которая уже гравировается».

Гнедич попросил выполнить виньетку для украшения книги директора Публичной библиотеки, археолога и историка, а с 1817 года ещё и президента Российской Академии художеств Оленина. Тот, знакомый с Пушкиным лично и часто в послелицейские годы принимавший его в своём салоне, перечитав поэму, дал согласие и вскоре подготовил эскиз, но уже не винетки-украшения, а первой в российской практике иллюстрации произведения. По его новаторскому проекту на фронтиспис книги выносилось сразу пять основных сюжетов поэмы, переведённых на язык графики. При этом волшебная сказка представлена в образах вполне реалистических и народных, в стиле лубка. Уже с фронтисписа читатель погружался в мир сказки-поэмы и, читая, представлял героев такими, какими видел их на иллюстрации.

«Руслан и Людмила», первая книга Пушкина, поступила в продажу в начале августа 1820 года. Не скоро увидел эту книгу её автор. «В газетах читал я, что Руслан, напечатанный для приятного препровождения скучного времени, продается с превосходною картинкою, – кого мне за неё благодарить?» – спрашивал поэт Гнедича в письме от 4 декабря 1820 года.

И только 24 марта 1821 года, получив, наконец, долгожданный экземпляр книги, поэт пишет тому же Гнедичу: «Платье, сшитое по заказу вашему на «Руслана и Людмилу», прекрасно; и вот уже четыре дня как печатные стихи, виньета и переплёт детски утешают меня». В том же письме Пушкин выражает благодарность Оленину за виньетку (понятия иллюстрация ещё не существовало для него) – «сладкое доказательство его любезной благосклонности».

Эта иллюстрация, единственная из девятнадцати, напечатанных при его жизни, заслужила похвалу Пушкина.

Личную благодарность Оленину Пушкин смог выразить, лишь возвратившись в столицу после ссылки. В оленинском салоне и в пригородной мызе Приютино поэт особенно часто стал бывать с мая 1828 года, когда увлёкся двадцатилетней дочерью хозяев Анной, которой посвящает цикл стихов и на которой мечтает жениться.

В эти дни над Пушкиным вновь сгущаются тучи. Идет следствие по делу о распространяемом в списках без разрешения цензора отрывке из стихотворения «Андрей Шенье». Поэт оправдывается тем, что отрывок никак не мог освещать события восстания 1825 года, всё стихотворение было представлено цензуре ещё до восстания. Тогда же цензор исключил отрывок из стихотворения, и, кем он теперь распространяется без ведома автора, неизвестно. Однако Государственный Совет учреждает над Пушкиным негласный надзор. Протокол Госсовета подписывает и член следственной комиссии Оленин. Тайный надзор установлен 28 июня 1828 года, а уже в августе по очередному доносу заводится следственное дело против поэта из-за хождения в списках написанной им ещё в 1821 году «Гаврилиады».

Семья Олениных относится к Пушкину недоброжелательно, и, когда он просит руки Анны, её родители резко отказывают вечно опальному поэту.

Вот почему, готовя в том же 1828 году второе издание «Руслана и Людмилы», Пушкин не стал повторно использовать так понравившуюся ему оленинскую иллюстрацию — отношения с Олениным были разорваны.

Выход он нашёл гениальный. Если нет рисованной иллюстрации, можно ввести читателя в сказочный мир поэмы стихотворным прологом. И вспомнил Пушкин свою первую ссыльную осень 1824 года в Михайловском.

В первой половине ноября усадьба опустела. Родители поссорились с опальным сыном и уехали в Петербург. Туда же подались брат и сестра. О своих занятиях в те дни поэт писал брату: «Знаешь ли мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!».

Тогда же, в ноябре 1824 года, под впечатлением няниных сказок и песен дворовых девушек родилось стихотворение о сказках и их героях. Начиналось оно строкой «У лукоморья дуб зелёный». Его-то теперь, в 1828 году, поэт и вводит как вступление в поэму «Руслан и Людмила». Пролог построен так же, как оленинская иллюстрация, — в стиле словесного лубка, с использованием народных мотивов и языка, перечисляются сюжеты, упоминаются герои сказок.

Строки пролога в 1943 году вдохновили художника Завьялова на создание сверхминиатюрной иллюстрации к нему на почтовой марке. И не беда, что создан пролог не в Лицее, а в 1824 году, а собственно прологом стал в 1828, — иллюстрацию к нему стоило создавать, она украшение всей серии юбилейных пушкинских миниатюр.

И чудо видит пред собою

Следующей сверхминиатюре предстояло сопровождать «автопортрет в круге» и иллюстрировать творчество Пушкина в послелицейский период жизни.

Естественным решением художника было иллюстрировать ещё один эпизод из «Руслана и Людмилы» – главного произведения того периода. Выбор сюжета для сверхминиатюры был обширен, в поэме много обособленных сцен, достойных художественной интерпретации. Завьялова вдохновило описание Пушкиным встречи Руслана с головой.

Приходится удивляться, как художнику, несмотря на сверхмалое художественное поле, удалось передать эмоциональное содержание этой сцены, точно отразить все детали её, отмеченные в поэтическом тексте. В левом верхнем углу почтовой марки «И всходит месяц золотой», и «холм, безоблачной луною в тумане бледно озарясь, Яснеет; смотрит храбрый князь – И чудо видит пред собою». И далее карандаш точен: «Пред ним живая голова. Огромны очи сном объаты; Храпит, качая шлем пернатый, И перья в тёмной высоте, Как тени, ходят развеваясь». Соответствует пушкинскому описанию и конь на рисунке: «Но, шевеля пугливым ухом, Конь упирается, дрожит, Трясёт упрямой головою, И грива дыбом поднялась». А храбрый «Руслан внимает и глядит Бестрепетно, с покойным духом», о чём говорит уверенная осанка всадника, ещё не опустившего к бою своего копыя. Точно выдержанная соразмерность фигур позволила подчеркнуть великанскую, устрашающую суть головы: «В своей ужасной красоте... Руслану предстоит она Громадой грозной и туманной!».

И эта сверхминиатюрная иллюстрация удалась художнику. Её присутствие на марке с «автопортретом в круге», вычисленным нами методом дедукции, вполне оправданно и как нельзя лучше могло сказать о том, что главное в трёхлет-

ний послепелицейский период, совпавший с юностью Пушкина, было не то, что бросалось в глаза непосвящённым современникам поэта, не его нарочито показной быт отпетого повесы и не его скандальные непечатные строки, а кропотливый, напряжённый ежедневный поэтический труд над сказочной поэмой, действительно сделавшей Пушкина поэтом, каким он и представил себя в «автопортрете в круге».

Увы, наверняка созданный Завьяловым проект этой почтовой марки, оригиналом для выпуска её в обращение не стал. Нет этого проекта и в музейных заказниках. Но вначале мысленно, а затем с помощью ксерокса, ножниц и клея, на основе присланных мне из музея оригиналов почтовых марок юбилейной серии и опубликованного «автопортрета в круге», руководствуясь методом дедукции, я попытался реконструировать проект Завьялова, и попытка, мне кажется, удалась. Сопоставление полученного возможного проекта с остальными, осуществлёнными проектами, свидетельствует, что, будь этот проект осуществлён, почтовая марка выглядела бы ничуть не хуже других в серии и полностью соответствовала бы сверхзадаче художника. Но в обращение вышла другая марка, без «автопортрета в круге». Почему?

Обман

Что заставило художника изменить принципу и поместить на юбилейной марке неиконографический сюжет?

Рассуждения по методу дедукции наводят на мысль, что Завьялов вынужден был отклониться от намеченного плана под давлением начальства. Из приведённого ранее приказа о выпуске марок в обращение следует, что одна из всех марок серии готовилась к выпуску под личным контролем министра связи, даже и цветовое решение утверждал он лично. Основным сюжетом этой марки стало изображение родовой усадьбы Пушкиных в Болдине, ставшей музеем. Но министр связи к литературным музеям отношения не имел и, значит, выполнял задание ещё выше стоящего начальства.

Поиск причин такого внимания к музею в Болдино призывал меня к чтению справочника-путеводителя «Музеи и ар-

хитектурные памятники Горьковской области», изданного в 1968 году и очень кстати отыскавшегося в моей библиотеке. В главе о музее-заповеднике А.С.Пушкина сказано:

«В 1929 году постановлением Президиума Коллегии Наркомпроса большой парк усадьбы был объявлен государственным

заповедником. К 150-летию со дня рождения поэта, в 1949 году, в небольшом деревянном домике, где когда-то при Пушкине размещалась крепостная контора, был торжественно открыт музеем».

Значит, к открытию музея и понадобилась почтовая марка, кому-

то реклама этого события была важнее представления портрета юбиляра. Планы художника были бесцеремонно нарушены, ему пришлось срочно менять сюжет какой-то из марок и, поскольку изображение здания вписывалось только в горизонтальный овал, исключить пришлось «автопортрет в круге», так как тему связи поэта с декабристами исключить было нельзя и опасно. Но, исключив автопортрет, от удачной иллюстрации, его сопровождавшей, Завьялов отказаться не смог. Составители каталогов и справочников вынуждены отмечать несоответствие основного и дополнительного сюжетов этой марки. В справочнике «Писатели нашей Родины», например, сказано: «Дом-музей А.С. Пушкина в Болдино. В левом верхнем углу изображён бой Руслана с головой – иллюстрация к песне третьей «Руслана и Людмилы» /1817–1820/... Поэма «Руслан и Людмила» написана не в Болдино».

Расстроенный художник в спешке именует дом-музей А.С.Пушкина домом-музеем имени А.С.Пушкина, а главное, допускает фактологическую ошибку: изображённый в овале

дом музеем не был. Музей, как сообщает путеводитель, открыт в 1949 году «в небольшом деревянном домике», бывшей крепостной конторе. «В давние времена в конторе были сосредоточены все дела по управлению имением, хранились и Срочные книги, велись записи недоимок. Домик прежде находился в другом месте, затем в 900-е годы был перенесён сюда, на усадьбу; он состоял из двух комнат, соединённых сенями». Вот в этом обветшалом домике и был в 1949 году открыт музей.

«Господский дом, окруженный цветниками, стоит в юго-восточном углу усадьбы, на берегу пруда. Перед домом растёт лиственница; как говорят предания, она была посажена здесь самим поэтом», — рассказывает путеводитель». В 1949 году в этом доме размещалась сельская школа, а не музей. Но не рекламировать же открытие музея в ветхом строении. И подкинули художнику фото господской усадьбы, а тогда школы, а ему в спешке и перепроверить было некогда. «Дурят нашего брата», — это и о таких вот идеологических проделках.

И только через четырнадцать лет, «в 1963 году был создан новый литературно-мемориальный музей в отреставрированном господском доме Пушкиных, до этого занятом школой», — признается путеводитель.

Вот так, отлично задуманная художником почтовая миниатюра, обещавшая стать украшением Пушкинианы, не получила путёвку в жизнь, а вместо неё появилась вымученная, да к тому же вводящая в заблуждение марка. Единственным утешением художника, а нашей радостью, является мизерный уголок этой миниатюры, где художнику удалось сохранить и донести до зрителя свою талантливо выполненную сверхминиатюрную иллюстрацию.

О мощный властелин судьбы!

На почтовой марке с портретом Пушкина работы Кипренского Завьялов посчитал приемлемым разместить сверхминиатюрную иллюстрацию к поэме «Медный всадник», написанной в зрелые годы петербургской жизни поэта.

На иллюстрации выступающая из-за овала передняя часть знаменитого памятника Петру I, обращенная к зрителю, смотрящему со стороны. Копыта вздыбленного коня нависают над постаментом, который выглядит мощной, покрытой морской пеною, волной. Тревожный фон пейзажа, закрытое наполовину тучами светило говорят о разразившейся буре. Иллюстрация столь проста, что составители справочника «Писатели нашей Родины» даже посчитали, что это и не иллюстрация вовсе, а «памятник Петру I работы Э.М. Фальконе».

Чтобы показать, что Завьялов не отступил от задуманного и дал всё-таки иллюстрацию к поэме, хорошо бы определить, какие строки его вдохновили.

В поэме «Медный всадник» памятник Петру I упоминается не раз. Впервые, когда главный герой спасается во время наводнения «на площади Петровой», сидя верхом на мраморном льве, что на возвышенном крыльце:

*И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущённою Невойю
Стоит с простёртою рукою
Кумир на бронзовом коне.*

Герой видит «кумира» со спины, совсем не так, как изображено на марке. Значит, не эти строки поэмы положены в основу иллюстрации.

А вторично герой смотрит на памятник с той же точки, случайно вновь забредя к спасшему его крыльцу:

*Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в тёмной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простёртою рукою
Сидел на бронзовом коне.*

И эти строки не могли быть основой изображения на марке, тем более, что и скала на иллюстрации не ограждена.

Так может, третье столкновение героя с памятником, когда Евгений приблизился к памятнику и «Кругом подножия кумира Безумец бедный обошёл И взоры дикие навёл На лик державца полумира», изобразил художник? Теперь герой смотрит на памятник с другой точки и может видеть его таким, как на рисунке. Но, следуя за текстом Пушкина, мог ли художник не отразить отношение героя к памятнику, которое вытекает из эмоционально наполненных, ярких строк поэта:

*... И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой –
Как будто грома грохотанье –
Тяжёло-звонкое скаканье
По потрясённой мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простёрши руку в вышине,
За ним несётся всадник медный
На звонко-скачущем коне...*

Думаю, правомерно считать, что художник, очень трепетно сохранивший и умело передавший в предыдущей сверхминиатюрной иллюстрации эмоциональный настрой и мельчайшие детали описания поэтом встречи Руслана с головой, не смог бы проигнорировать это и в описании встречи Евгения с медным всадником. Изображение памятника безотносительно к главному герою не может быть иллюстрацией и к этим процитированным строкам.

Что же тогда хотел сказать художник, изображая памятник в отрыве от главного героя поэмы? Ответ, видимо, в строках Пушкина, никак не относящихся к Евгению, но напрямую относящихся и к памятнику, и к императору, и к судьбе России:

*Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!*

*Какая сила в нём сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

Именно эти строки поэмы вдохновили Завьялова на создание простой, но от этого не менее значимой иллюстрации, отразившей оценку Петра I в судьбе России, данную поэтом, и оправдание им сильной власти, через жестокости к народу добывающей могущества и процветания государства во благо тому же народу в будущем. Эти десять строк поэмы – противовес главной её идее, состоящей в констатации незащитности рядового, «маленького» человека в столкновении как со стихией, так и с властью. Но главной эта идея была для Пушкина, а идеологи 30–40-х годов считали главным как раз то, что «мощный властелин судьбы» «Россию поднял на дыбы» «уздой железной» – это так соответствовало практике большевистской диктатуры, пожертвовавшей судьбами миллионов соотечественников ради создания могучего государства.

Художник эпохи соцреализма, Завьялов был под влиянием современной ему идеологии и в сверхминиатюрной иллюстрации отразил присущее ей видение главной идеи поэмы «Медный всадник». Так что и здесь он от своей сверхзадачи не отступил, сюжету иллюстрирующему жизнь, соответствует иллюстрация творчества.

Звезда пленительного счастья

Убедившись, что Завьялов, создавая все три рассмотренных миниатюры, строго следовал поставленной задаче и изображению Пушкина давал сопровождение в виде сверхминиатюрной иллюстрации к произведению, написанному в тот период жизни, к которому относился портрет поэта,

правомерно предположить, что и на четвёртой миниатюре художник не должен был изменить этому принципу. Но решение Завьялова столь неожиданно, что каталоги и справочники, правильно указывая на наличие сверхминиатюрных иллюстраций на трёх марках серии, о наличии таковой на четвёртой марке просто не упоминают, хотя пятиконечная звезда на кремлёвской башне в углу миниатюры видна явственно, могло ли это изображение быть иллюстрацией и к каким пушкинским строкам?

Для начала попробуем определить, как вообще мог появиться и что значил к 1949 году общепринятый символ: пятиконечная звезда на кремлёвской башне.

Существует много легенд о том, как вообще пятиконечная звезда вошла в государственную символику. Мне нравится такая вот красивая легенда, приведённая Э. Баскаковым в книжке «Биографии гербов, флагов, гимнов зарубежных стран», вышедшей в 1967 году:

«В 339 году войска Филиппа Македонского окружили Константинополь. Долго и безуспешно длилась осада. Отчаянные штурмы крепостных редутов не давали результатов. Наконец было решено пойти на хитрость: Глубокой ночью по приказу нетерпеливого полководца несколько групп воинов начали делать подкопы под могучими стенами крепости.

Казалось, победа была близка. Но неожиданно из-за сильных туч, нависших над осаждённым городом, выплыл ясный месяц. Рядом с ним замерцала звезда. Окрестности города стали видны как на ладони. Дозорные на башнях заметили неприятеля и подняли тревогу. С большими потерями уходили от неприступных стен отряды Филиппа.

Если верить легенде, то именно с тех пор полумесяц со звездой стал общепризнанной эмблемой Константинополя. /..../. В 1453 году орды турецкого султана Мухаммеда захватили город, а затем и всю территорию Восточной Римской империи. Тогда-то победители и стали использовать символы побеждённых. Турки вышли на своём красном военном флаге звезду и полумесяц /.../, а поскольку Константинополь

объявили столицей Османской империи, его эмблема превратилась в эмблему целого государства».

Полумесяц и пятиконечная звезда с тех пор стали составляющими элементами символики многих, и не только мусульманских, стран. С 1777 года пятиконечные звёзды на флаге США, с 1850 года на флаге Кубы.

В нашей стране пятиконечная звезда стала общепризнанной эмблемой-символом в советское время, но не сразу. Вначале она использовалась только как атрибут воинской формы одежды.

Первые красногвардейцы специальной военной формы не имели. Их отличали по красной повязке на рукаве и красной ленте на головном уборе.

Приказом №306 от 25 апреля 1918 года народный комиссар по военным делам учредил специальную комиссию, а в мае был объявлен конкурс по разработке формы для регулярной Красной Армии. Участвовали в конкурсе портные, модельеры, известные художники Васнецов, Кустодиев и другие. Уже 18 декабря 1918 года Реввоенсовет Республики утвердил представленные конкурсной комиссией образцы-победители и форменной одежды, и знаков отличия.

Красноармейцу полагался зимний головной убор – буденовка, имитирующая шлем древнерусских витязей. Она была защитного цвета и со звездой надо лбом, цвет которой соответствовал цвету, обозначающему род войск, в котором служил воин: пехота – звезда малиновая, кавалерия – синяя, артиллерия – оранжевая, инженерные (сапёрные) войска – чёрная, воздухоплавательные – голубая, пограничные – зеленая. Поверх этой звезды, симметрично по центру размещалась кокарда в виде пятиконечной же красной звезды с перекрещёнными в её центре плугом и молотом. Летом кокарду носили на фуражке. Алая пятиконечная звезда пришивалась и над обшлагом левого рукава формы командиров.

Комиссары, заменившие священников в воинских частях, так объясняли символику пятиконечной красной звезды: пять её лучей направлено на пять частей света, на пять континентов земного шара, куда Красная гвардия должна донести пла-

мя мировой революции и свободы рабочих и крестьян, союз которых обозначен переименованием плуга и молота. В 1922 году плуг заменили серпом. Красная звезда утвердилась как воинский символ.

6 ноября 1918 года «Известия ВЦИК» сообщили, что «шестого ноября после митинга на одиннадцати московских площадях состоится сожжение эмблем старого строя /.../. В 9 час 30 мин будут подняты эмблемы, олицетворяющие собой новый строй». Вечером москвичи наблюдали, как на кострах пылали увенчанные коронами двуглавые орлы, а на следующий день демонстранты смогли всюду видеть украшения улиц и площадей в виде красных дисков с золотыми серпом и молотом – символом рабоче-крестьянского строя.

Но вот башни Кремля ещё долго были увенчаны двуглавыми орлами. Судьба этих царских символов решалась так.

В начале июля 1924 года в Совет Народных Комиссаров СССР пришло письмо от московских рабочих: «Мы предлагаем снять царских орлов с башен Кремля и заменить их серпом и молотом – символом власти рабочих и крестьян».

Прежде, чем решиться на снятие с башен Кремля двуглавых орлов, решили убедиться, что они не являются исторической реликвией – и без того под горячую руку было порушено много памятников истории и искусства. Экспертизу исторической ценности (о художественной никто и не заикался) венчающих готические шатры кремлёвских башен государственных символов царской России поручили одному из организаторов охраны памятников культуры и искусства, известному художнику и искусствоведу, академику И.Габарю. В докладной записке правительству он писал; «...на Годуновском плане 1600–1605 гг., на плане Кремля Кириана 1610 г. на Спасской башне, бывшей тогда ещё без теперешнего её готического верха, появившегося в 1624– 25 гг., орёл уже имеется... Но существующие сейчас орлы все относятся к XIX– XX векам. При каждом очередном ремонте башен в XVI– XIX веках менялись и орлы, принимавшие форму, отвечающую стилю данной эпохи». Далее следовал вывод: «... ни один из существующих сейчас на

кремлёвских башнях символов не представляет памятник старины и в качестве такового не может быть защищаем».

Участь двуглавых орлов была решена, с кремлёвских башен их предстояло снять и заменить символами советского строя. Но какими? Кто-то обратил внимание, что поместить на вершины башен переkreщение серпа и молота рискованно, с большого расстояния их очертания могли напоминать прежних двуглавых орлов. Решено было поместить на башни серп и молот не сами по себе, а на фоне пятиконечной красной звезды. Тем более, что к тому времени из армейского символа красная звезда превратилась в элемент государственной символики – она была на гербах СССР и всех, кроме одной, союзных республик. Только герб Российской Федерации никогда звезды не имел.

Эскизы кремлёвских звёзд разработал Ф.Федоровский, будущий народный художник СССР. Правители страны, народ которой голодал, изо всех сил старались показать мнимое благополучие, успехи нового строя. Для этого строились помпезные высотные здания, дорогие станции метро. Не устоял перед этим «сталинским» стилем и Федоровский.

В центре каждой звезды с обеих сторон крепилась сделанная из драгоценных камней эмблема нового строя – скрещенные серп и молот. Уральские самоцветы: аквамарины, александриты, аметисты, топазы и горный хрусталь – каждый камень отдельно – заключались в оправу из позолочённого серебра и крепились к каркасу из нержавеющей стали и красной листовой меди, все детали каркаса покрывались тонкими пластинами сусального золота. На все эмблемы израсходовали около семи тысяч самоцветов величиной от 20 до 200 каратов. Разглядеть отдельные драгоценные камни на высоте нескольких десятков метров было невозможно, но никого это не интересовало, важно было поразить воображение роскошью, якобы доступной новому строю. Накануне установки звёзды были представлены правительству, одобрены и выставлены на всеобщее обозрение – знай наших.

В октябре 1935 года на четырёх башнях Кремля вместо вековых символов самодержавия засверкали подсвечиваемые

прожекторами символы нового государства – серп и молот на пятиконечной звезде. Продержались они всего два года. В загрязнённой атмосфере Москвы самоцветы потускнели, коррозия повредила позолоту конструкций. В 1937 году звёзды демонтировали. К двадцатой годовщине революции их заменили новыми.

Для того, чтобы звёзды имели постоянный красный цвет, изготовили их из специального «рубинового» стекла, отличающегося уменьшением толщины от центра к краям. Позаботились и о постоянном свечении новых звёзд, теперь внутри конструкции каждой звезды установили уникальные светильники. А чтобы свет кремлёвских звёзд был всегда одинаков, в дневное время они освещаются интенсивнее. Стоимость изготовления и эксплуатации звёзд опять была велика, но всё же не роскошь, а разумная сложность их конструкции и красота производили впечатление.

Только в годы Отечественной войны кремлёвские звёзды были погашены. Вскоре после победы в войне специалисты приступили к восстановлению и обновлению конструкций, механизмов и оборудования кремлёвских звёзд, и они вновь торжественно были зажжены в 1947 году, в дни широко отмечаемого 800-летия Москвы и 30-летия революции 1917 года.

Рубиновая пятиконечная звезда на Спасской башне установлена на высоте семидесяти двух с половиной метров и видна, по утверждению специалистов, на расстоянии восьми километров. Но она, утверждали другие специалисты, специалисты идеологического фронта, видна всему миру, свет её пяти лучей, по байке ещё комиссаров гражданской войны, направлен в сторону пяти континентов планеты и несёт всем народам надежду на освобождение и счастье, какого добились якобы народы Советского Союза. Как бы там ни было, а кремлёвские звёзды действительно стали символами нового строя, победы социализма, свободы, счастья. Идеологи старались не зря.

Однако какие же основания были у художника Завьялова сопроводить этим символом почтовую миниатюру, посвященную юбилею Пушкина?

Дважды пропагандистский бум по случаю очередного ввода в эксплуатацию кремлёвских звёзд – в 1937 и 1947 гг. – пересекался с пропагандистским бумом пушкинских юбилеев, направленным на государственную канонизацию поэта. В поисках следов «революционности» Пушкина нашлись умники, обратившие внимание, что у поэта есть образ «звезды пленительного счастья», которая взойдёт, когда «Россия вспрыгнет ото сна», а «самовластье» будет в обломках. И закричали пропагандисты о возникшей ассоциации взошедших над башнями Кремля, над Россией и миром звёзд с пушкинской. Ассоциация эта прочно укоренилась, и, когда Завьялов приступил к работе над миниатюрой, отмечавшей связь поэта с декабристами, он в углу её прорисовал силуэт кремлёвской башни с пятиконечной звездой как иллюстрацию революционного настроения поэта, за столетие напророчившего «пленительное счастье», которое теперь символизируют звёзды Кремля.

Но взыскательный глаз, пытливый ум художника, а возможно, и члены художественного совета не могли не отметить очевидного: композиция с двумя параллельными сюжетами, основной из которых изображает поэта и декабристов, а дополнительный – звезду на кремлёвской башне, трудно-понимаема. Не каждый уловит связь звезды с конкретными строками Пушкина.

Завьялов, в годы войны работавший над политическими плакатами, решил использовать этот опыт. Плакатысты часто идеологический заряд изображения подкрепляли соответствующим, расшифровывающим идею плаката, текстом. В данном случае мог подойти только текст о звезде пленительного счастья, эти пять строк из послания Пушкина «К Чаадаеву». Но на готовом уже проекте почтовой миниатюры места нет, не размещать же пятистишие поверх рисунка Кардовского. Нужно новое решение.

Следя за развитием жанра, Завьялов знал, что уже изобретены приложения к почтовой марке – купоны, содержащие текстовую рекламу или объявления. Решил и он использовать купон как непочтовое приложение к почтовой миниатюре. Но в отличие от предшественников, он оформил ку-

пон как самостоятельную художественную миниатюру-плакат: текст и факсимильная подпись поэта размещены на фоне рабочей тетради, не забыты и символы — гусиное перо и оливковая ветвь. Марка и купон связаны между собой не только цветовым решением, одинаковым размером, но и, главное, выражают общую идею. Устремлённая вверх рука поэта на рисунке основного сюжета и устремлённая ввысь звезда на башне логично дополняются текстом о также устремлённой ввысь — «взойдёт она» — звезде пленительного счастья.

Если предположить, что Пушкин на рисунке читает именно это пятистишие, то сомнений не остаётся: в верхнем уголке и этой миниатюры Завьялов поместил ещё одну сверхминиатюрную иллюстрацию к строкам Пушкина.

Но не отошёл ли художник от принципа иллюстрировать сверхминиатюрой произведения, написанные в тот же период жизни, в котором поэт изображён в овале? В самом деле, сцена в Каменке происходила в конце ноября 1820 года, а послание «К Чаадаеву» печатается в собраниях сочинений среди произведений 1818 года, написанных задолго до изгнания из столицы. Но Завьялову, видимо, были известны предположения некоторых пушкинистов о написании этого послания в 1820 году. Этой версией художник, должно быть, и воспользовался. Был ли он прав, попробуем разобраться.

Каждый раз, перечитывая послание, невольно делю его на две части, каждая из которых завершается Пушкиным призывом с восклицательным знаком. В начальной части поэт сообщает о себе и друге:

*Мы ждём с томленьем упования
Минуты вольности святой,
Как ждёт любовник молодой
Минуты верного свиданья.*

Тем самым поэт утверждает, что «минуты вольности» наступят столь же неотвратимо, как наступают «минуты верного свиданья», надо надеяться и ждать. А пока...

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,*

*Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Этим благородным призывом честно служить отчизне заканчивается для меня первая часть послания. А дальше вдруг возникает вторая, заключительная часть, состоящая из нового, неожиданно агрессивного призыва:

*Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

Здесь уже не пахнет мирным ожиданием дарования свыше вольности святой, здесь призыв к действию, к участию в разрушении самовластья. Иначе за какие же заслуги на его обломках «напишут наши имена»?

Такое ощущение, что два призыва в одном послании обращены к разным людям, в разное время и с разной целью.

Пушкин и Чаадаев познакомились ещё в 1816 году. На лицеиста гусарский офицер произвёл впечатление не только обаятельной внешностью, франтовством, приверженностью офицерской чести, но и образованностью, философским умом. Чаадаев, как и большинство знакомых Пушкина, в те годы считал, что реформы в России могут быть проведены сверху, императором, который их обещал. Ни о каком насильственном свержении самодержца речи быть не могло, придёт время, и император уничтожит рабство, издаст справедливые законы, позаботится о просвещении. Нужно ждать и готовиться. Пушкин полностью разделял эти взгляды и в 1818 году написал послание «К Чаадаеву», которое закончил первым восклицательным знаком.

Есть воспоминание С. Шевырёва: «Когда вышел его «Руслан и Людмила», за разные вольные стихи, особенно за «Оду на свободу», император Александр решил отправить его в Соловки. Здесь спас его Пётр Яковлевич Чаадаев. Он отправился к Карамзиным, упросил жену Карамзина, чтоб она допустила в кабинет мужа (который за своей «Историей» по

утрам никого, даже жену, не принимал), рассказал Карамзину положение дела, и тот тотчас отправился к Марии Фёдоровне, к которой имел свободный доступ, и у неё исходатайствовал, чтобы Пушкина послали на юг. За этот поступок Пушкин благодарил Чаадаева одним стихотворением в четвёртом томе «К Ч-ву».

В конце ноября 1820 года в Каменке Пушкин встретил однокашника Чаадаева Якушкина. Естественно, вспомнили общих знакомых. Наверняка Якушкин рассказал о слухах по поводу столкновения Чаадаева с императором. Говорили, что направленный к императору с сообщением о подавлении бунта Семёновского полка, солдаты которого не выдержали гнёта своих командиров, Чаадаев просил императора о снисхождении к бунтовщикам и о наказании зверствующих офицеров. Но Александр был уже не тот, теперь он был сторонником поддержания порядка в империи силою оружия, дабы не допустить в России революций, что бушевали в Европе. После этой встречи Чаадаев был разочарован, потерял надежду на справедливость власти и подал в отставку.

Вот тогда, в Каменке, Пушкин мог добавить к прежнему посланию пятистишие с новым призывом. Так что скорее всего Завьялов правильно выбрал строки для иллюстрирования, они были написаны и, возможно, прочитаны Пушкиным будущим декабристам в период удаления из столицы. Конечно, дедукция не гарантирует стопроцентную правильность выводов, но хочется верить, что на сей раз она не подвела.

Оценивая работу художника над этой серией почтовых миниатюр, отметим, что художественный приём двух парал-

лельных сюжетов на одном изобразительном поле миниатюры полностью себя оправдал и позволил Завьялову выполнить поставленную задачу. Жизнь поэта поэтапно проиллюстрирована произведениями классической иконографии Пушкина, а творчество – авторскими иллюстрациями к его произведениям. Лишь одна параллель разрушена по воле начальства, лишь один период в жизни поэта, его юность, не получил иконографической иллюстрации. Но вины художника в этом нет.

Виктор Липчанский

Убийство Пушкина

*Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи...*

М.Ю. Лермонтов. Смерть поэта

Пушкин – Поэт величайший в России
Так задушевно и родственно слился
С русским народом..., но вражьи силы
Жизнь оборвали, свершая убийство.

Адские сети и адские муки
Были устроены против поэта
И Натали... И сегодня не поздно
Нам осветить ту дуэль. Знают в свете:

Пушкин убит на дуэли Дантесом –
Подлым наёмным убийцей и стервой,
Было каналье во Франции тесно,
Вот и в Россию рванул за карьерой.

Целью у Дантеса всегда оставалось
Лишь преуспеть и ничем не гнушаться,
Это ему без труда удавалось,
Так и любовником он оказался

Гнусного Геккерна и педераста,
И незаконное «усыновленье»
Вместе состряпали..., вместе ужасный
Пасквиль рожали – змею преступленья,

В пасквиле чётко рисунок печати:
Циркуль, стропила и пламя над ними –

Это масонские символы, кстати,
Явно кто двигал ручонками ими.

Девять масонских провинций есть в мире,
И в 18 веке Россия
Стала восьмою провинцией. Было –
Пушкин вступил в ложе «братьев» «Овидий».

Русские люди вступали в масоны
С жаждой работы на благо отчизны
И человечества, но то исконно,
Что нет в ученье сем патриотизма,

Веры отцов. И наш Пушкин всё понял
И отошёл от масонства, но только
«Братья» отвергли его «своеволье»
И учинили убийство жестоко.

Что же убийца? Он тут же был выслан
Вон из России, но принят успешно
Принцем Вильгельмом, с масонами близким,
Позже сенатором стал богатейшим,

Где был замешан в делах безобразных.
Виктор Гюго о Дантесе так скажет:
«Прежде чем в прах превратиться стал грязью
Мрущею и отвратительной...» Страшно,

Что есть попытки представить дуэль ту
Просто банальной семейною драмой,
Не привлекая масонов к ответу
И обеляя убийцу упрямо,

И очерняя царя и мадонну
Пушкина – мол, лишь они виноваты
В гибели гения... Определённо
Это всё пишут, не зная всей правды...

Заговор был против Пушкина явно,
Заговор гнусный врагов-интриганов

Против поэта народного, – рана
В сердце России. И это не тайна,
Что во главе сил тех тёмных стояли
Канцлер страны Нессельроде с женою,
Также министр Уваров – мешал им
Пушкин наш с русскими духом, душою!
Космополитский характер убийства
Нам говорит, что ни царь, ни Наталья
Здесь не причастны... И свет вечных истин
Нам освещает минувшие дали.
Что ж остаются загадки и слухи
В гибели Пушкина – светоча Правды?
Пушкин – явление русского духа,
Яркое, Гений с всемирною Славой!

Февраль 2011

*Очерк и
публицистика*

*Лариса Агеева
Владимир Лавров*

К 90-летию Пушкинского заповедника*

В марте 1922 года принимается декрет о создании Пушкинского заповедника: «Объявить Пушкинский уголок (Михайловское, Тригорское, а также место погребения Пушкина в Святогорском монастыре) заповедным имением с передачей его под охрану как исторического памятника Наркомпросу по Главмузею».

Декрет этот был принят по предложению народного комиссара просвещения Анатолия Васильевича Луначарского. В 1924 году в Святогорье состоялся первый после революции пушкинский праздник поэзии. Сам Луначарский посетил заповедник в 1926 году.

Впечатления от этой поездки отразились в его статье «На могиле Пушкина», которая была помещена в ленинградской «Красной газете». К стапятидесятилетию со дня гибели поэта эта статья была перепечатана «Известиями» (10 февраля 1987 года).

В ту поездку Луначарский побывал в Святых Горах, Михайловском и Тригорском, увидел могилу Пушкина: «Место это торжественное. И не только потому, что вы чувствуете здесь близость дорогого сотням миллионов ушедших, живущих и имеющих родиться людей – праха. Оно, как нельзя лучше, несет в себе маленький белый памятник величайшего из русских писателей».

Он описал и само место, Святогорье: «Холм поднялся над окрестной волнистой равниной; поднялся властно и спокой-

*Хранитель: Документальное повествование. – Л.: Сов. писатель, 1990. – С.146–151.

но. Он весь порос огромными вековыми деревьями. В просвете между ними глаз уходит далеко, скользя по разнообразному рельефу пригорков, оврагов, рощиц, селений. В ранний вечер, когда я там был, все это одето было игрой косых лучей, и длинных теней, все это было полно мира и крепкой думы. И совершенно под стать этому чуть-чуть грустному раздолью – серьезно и чуть-чуть грустно, но беспрестанно шумят открытые на холме всем ветрам зеленые великаны. Сторожат могилу. Зимой защищают от снега, весною шепчут о вечном возрождении, летом важно беседуют о загадочной значительности бытия, а осенью расточительно осыпают золотом великую гробницу».

Это уже не очерк, а воистину стихотворение в прозе!

Кульминацией же его стал рассказ о Михайловском, о тайной прелести и сокровенной красоте русской природы, которая крепила и врачевала дух поэта: «Редко где я видел такую гармоничную и многозначительную красоту. Да, этот кусок земли достоин быть колыбелью поэта и, пожалуй, именно русского поэта. Быть может, даже только нам, русским людям, натуру которых веками и наследственно отчасти формировал такой вот или подобный пейзаж, – так много говорит он и так уводит нас к каким-то большим настроениям, беспредельно широким, в которых тонет собственная личность, но которые в могуществе своем неопределенны, как все неограниченное».

Если, рассуждал Луначарский, такие величественные явления природы, как море или пустыня, могут в конце концов притомить глаз своим однообразием, то здесь, в Михайловском, привлекает богатство, переменчивость панорамы: озера, «живописно брошенные среди зеленых холмов», луга, приютившиеся на гребне холма села и усадьбы: «Ширь, простор! – вот первое, что произносишь перед этой картиной; но в этой шире есть какая-то нежность, есть какая-то почти грустная простота. О нет – не убогая простота, а, напротив, уверенная в себе, простая в своей непосредственной красоте».

Точность слов Луначарского, уверены, подтвердит каждый, кто хоть раз побывал в Пушкиногорье. И сколько бы раз ты ни приезжал сюда, никак не можешь привыкнуть к неожиданности праздника природы, простора, захватывающего Дух.

В описании Тригорского у автора иной ключ. Здесь Луначарский рассуждает о силе и тайне художественного преобразования действительности, о взаимоотношении прототипов и образов, созданных поэтом в лирике и, конечно, в первую очередь в «Онегине». Он соотносит деревенские главы романа с реальными лицами и событиями: «Стендаль говорит о любви, что она подобна тем месторождениям сталактитов, где всякий предмет, туда попавший, обрастает чешуей бриллиантов, блещущих кристаллами, и преобразается, лишь слегка напоминая свою первоначальную форму. Это с еще большим правом можно сказать о поэтическом даре».

Завершая очерки пушкинских мест, Луначарский писал: «Позднее, когда я уехал, мне живо представилось, что я действительно видел его там».

Вспомните свои ощущения от поездки в Михайловское, и вы согласитесь с верностью выраженного автором чувства. Ну а Гейченко просто убежден в присутствии в этих местах духа поэта: «Когда будете в Михайловском, обязательно пойдите как-нибудь вечером на околицу усадьбы, станьте лицом к маленькому озеру и крикните громко: «Александр Сергеевич!» Уверяю вас, он обязательно ответит: «А-у-у! Иду-у!».

Хранитель заповедника знает его историю, его директоров, ревнителей и печальников этих мест. Часто добрым словом вспоминает президента Академии наук А. Карпинского, который в 1924 году приехал сюда и первым предложил идею ежегодного проведения народных праздников в заповеднике, посвященных дню рождения поэта. Глава Российской академии призвал земляков Пушкина беречь эти драгоценные места, быть их хозяевами, потому что Пушкин – «это не

только наше прошлое, но и настоящее и наше будущее». С благодарностью не раз говорил и писал Гейченко о красноармейцах, которые в годы гражданской войны сумели спасти от разорения и восстановить домик няни – единственную мемориальную постройку, сохранившуюся в пожаре 1918 года.

Напомним и мы читателям предшественников Гейченко, внесших свой вклад в возрождение и бытование заповедника.

Тут в помощь нам – воспоминания бывшего научного сотрудника заповедника Ольги Владимировны Ломан. Впервые она побывала в Михайловском в 1932 году. «Что же увидели мы? – писала она в «Ленинградской правде» (30 января 1987 года). – Фундамент дома, сгоревшего в 1918 году, на котором поднялись уже подросшие березы. Перед этим заросшим фундаментом, на кругу, под огромным вязом, посаженным когда-то сыном Пушкина Григорием Александровичем, паслось стадо свиней. Они деловито подрывали корни лип, росших по кругу. По склону лесистого холма росла капуста. Пруды заросли тиной. С колокольни Святогорского монастыря были сняты колокола (некоторые из них были найдены потом). Памятник на могиле Пушкина дал крен, а крест с него исчез («думали, что золотой», – рассказали мне позднее старики-крестьяне)».

Надо было спасать заповедник от разора, и тут много сделала назначенная директором Надежда Леонидовна Пацко: добилась перевода совхоза в другое место, передачи заповедника Академии наук СССР, вместе с другими сотрудниками начала поиск материалов для музея, мемориальных вещей, документов.

После Пацко директорствовал Сергей Александрович Семенов, писатель-челюскинец. Правда, недолго. «Ему казалось, – не без иронии заметил Гейченко, – что заповедник – место отдыха, вроде санатория».

Семенова сменил Василий Захарович Голубев, на долю которого выпала подготовка к столетию со дня гибели Пуш-

кина. При нем был восстановлен дом поэта, вернее, возведена постройка, в которой развернулась пушкинская выставка. Приводились в порядок парки, строились мостики через пруды, расширялась территория: теперь заповедник вбирал в себя Петровское, городище Воронич, Савкину горку, Святогорский монастырь.

А потом была война. На фронте погиб Голубев. Фашисты сожгли дом-музей поэта, домик няни, взорвали собор, заминировали могилу Пушкина.

Да, потом была война.

Нэля Трухина

Терпсихоры пушкинского времени

*Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья !
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня*

1. О балете пушкинской поры

Во времена пушкинского отрочества бальный и балетный танец были еще «близнецами»: любительское и профессиональное в исполнительском искусстве танца еще находились рядом. Обучение менуэту в конце 18 века составляло основу балетной педагогики, а не только бальной. Лишь в первые десятилетия 19 века именно из форм менуэта и гавота складывается схема парного танца будущего *pas de deux*, а музыка дуэтов даже 30-х годов по-прежнему названа «гавот», «менуэт». Что же до обучения пяти позициям и батманам, то с них начинается курс классического танца и в наши дни.

Пушкин занимался танцами два раза в неделю на протяжении нескольких лет пребывания в Лицее. Но даже в балетной профессиональной школе того времени срок обучения длился максимум шесть лет. Стало быть, Пушкин имел возможность изучить основы балетной грамоты; все увиденное впоследствии в балетных спектаклях воспринималось и фиксировалось, как нечто, с детства освоенное. Поэтому Пушкин мог оценить и новаторство Дидло, и черты индивидуальности в творчестве таких артистов, как Истомина или Лихутина. Их исполнение наглядно демонстрировало ему, что нажито современным русским балетом по сравнению с французской балетной грамотой Юара и Билье. Юноша

Пушкин приходит в театр подготовленным к пониманию происходящего на сцене. В 1830 году Пушкин сделал заметку: «Где нет любви к искусству, там нет и критики». Хотите быть знатоком в искусствах? Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях. Поэт полюбил художников танца. По выходе из Лицея Пушкин стал ежевечерним посетителем театра. Трагической актрисе Семеновой поэт посвятил статью «Мои замечания о русском театре», отмеченные чертами «живости воображения и прелести необыкновенной». Спектакли Дидло, легкокрылая Истомина раскрывали перед молодым поэтом тайны сценического искусства, приобщали к миру прекрасного.

*Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил...
Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.*

(Евгений Онегин, гл.1)

Театральные впечатления юных лет ожили не только в романе «Евгений Онегин». Поэт преобразил их в «Торжестве Вакха», театральная роскошь обновленно засверкала в поэме «Руслан и Людмила».

Русский балет пушкинской поры славился обилием талантов, он утверждал свою школу, танцевальную эстетику. Одухотворенность, которую Пушкин отметил первым, сочеталась у русских мастеров с точностью танцевального рисунка, определялась музыкой.

*Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Все те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?*

(Евгений Онегин, гл.1)

Три балерины, вошедшие в пушкинскую театральную летопись, каждая по-своему претворяли традиции националь-

ной школы. Евгения Колосова прославилась исполнением русской пляски и трагических ролей в пантомимных балетах; сценические создания Лихутиной отличались девической непосредственностью, лиризмом, мягким и тонким юмором. Безграничный талант Истоминой нес черты нового искусства, связанного со временем, с передовой художественной мыслью. Уже в анакреонтических балетах Дидло, где такой чарующей была Истомина, проступали явственные черты романтического искусства. Дидло и его актеры выступали единомышленниками приверженцев нового художественного стиля. Балет ведь ранее других театральных жанров освоил его. Рассуждения Пушкина о сценической пластике, о благородстве одушевленных движений выказывают в нем тонкого знатока танца. Балет «Ацис и Галатей», с которого началась сценическая карьера Истоминой, более других запомнился поэту и остался в стихах его.

*Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой, ножку бьет.*

(Евгений Онегин (гл.1, хх))

Стихи передают поэтическое настроение спектакля, удивительную атмосферу сценического действия и самый танец Истоминой, ее динамическую пластику. До сих пор ни одному поэту мира не удалось так художественно, образно и в то же время технически точно передать экспрессию движений, зафиксировать изменчивый и ускользающий танцевальный рисунок. Истоки мастерства и самого стиля танца Пушкин видит в музыке: «Смычку волшебному послушна». Артистка живет мелодией, отдается её стихии, точно и вдохновенно следует модуляции волшебного смычка. Пушкина

увлекает возможность передачи динамики танца, чудо неслышных взлетов и приземлений. Ещё с лицейских лет удивительно чуткий к истинной красоте, к новым веяниям в сценическом искусстве, Пушкин первым заметил новаторские черты танца Истоминой, воздушность и естественную грацию композиции Шарля Дидло. И свободные движения корпуса и рук, пришедшие на смену декоративной пластике XXVIII века, и легкие воздушные прыжки, и быстрые мелкие па – все было увидено и поэтически преображено Пушкиным.

2. Пушкин и русская Терпсихора

*Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина...*

Авдотья Ильинична Истомина (1799–1848 гг.) – спутница быстро промелькнувшей юности поэта, и к имени прославленной балерины Пушкин возвращается не раз. Истомина – это заря русского балета, его сияющий рассвет, роскошное и благоухающее утро. С ее именем связано «гениальное балетоманство» Пушкина, она заставила многих любить танец, видеть в нем выражение живой красоты. Роман «Евгений Онегин», в котором так пленительно запечатлена Истомина, Александр Сергеевич задумал и начал в южной ссылке. Опальный поэт жадно тянулся к недавнему прошлому, его воображение волновали задушевные беседы в доме Волконских, вечера в театре, воспоминания о величественном образе Семеновой, чародее Дидло и поэтичной Истоминой. Этот поток мыслей и воспоминаний вылился в 1-й главе романа. Истомина вошла в «энциклопедию русской жизни» на равных правах с самыми значительными жизненными впечатлениями поэта. Пушкин стал свидетелем первых триумфальных выступлений прославленной ученицы Дидло, он увлекался ею. Истомина была для поэта не только одной из красивейших женщин его времени, но и первой

актрисой большой и одаренной труппы. В ней он увидел музу русского балета, художника, владеющего какими-то особыми тайнами искусства. Особые свойства ее таланта – естественность, правда, непосредственность душевных порывов, неотразимая человеческая искренность, одухотворившая условную танцевальную форму, – стали отличительными чертами русского хореографического искусства.

3. Гордый титул – балерина

Всемирная слава русских балерин: Павловой, Спесивцевой, Карсавиной, Семеновой, Улановой, Лепешинской, Дудинской и др. – это и слава одной из первых русских танцовщиц, стоявшей у колыбели нашего балета, – Истоминой. По мнению чиновничьей России, Истомина – отставная артистка (об этом гласит надпись на могильной плите), но прекрасная легенда, над ней стоят бессмертные строки поэта, и пленительный образ черноокой танцовщицы продолжает волновать воображение людей.

Память об Истоминой жива. В свое время Белинский писал: «Кто не помнит поэтических стихов в «Онегине», посвященных описанию танцующей Истоминой?!» Помнят и стихи, и замечательное искусство балерины. Помнят как спутницу юности Пушкина, а еще больше как актрису, утверждавшую реалистические принципы лучшей в мире школы классического танца. Традиции этой школы передаются из поколения в поколение, это огромная книга изустных законов, и Истомина была одной из тех, кто вписал в неё первые, начальные строки.

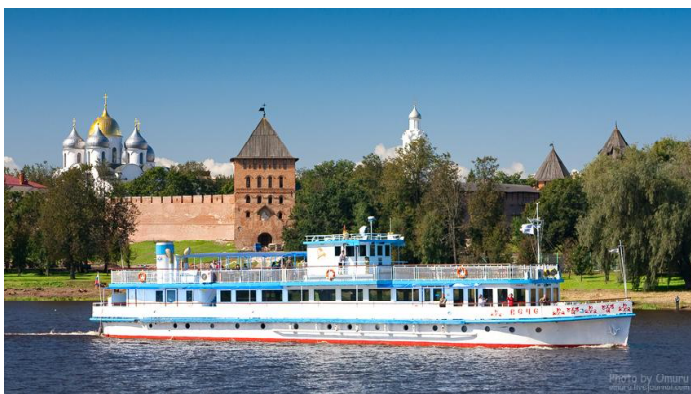
В ее эпоху артисток балета называли не очень уважительным словом «танцовка». На смену этому слову пришел гордый титул – балерина.

*Календарь
памятных дат*

Юбилей 1150-летия Руси пройдет по императорской программе 1862 года

Празднование 1150-летия Руси в Великом Новгороде в 2012 году будет похожим на то, как отмечалось здесь же 1000-летие основания российского государства в 1862 году, сообщил РИА Новости представитель обладминистрации.

Президент РФ Дмитрий Медведев 22 июля во время визита во Владимир предложил отпраздновать юбилей совместно с Белоруссией и Украиной.

«Как считает губернатор Сергей Митин, главным событием торжеств 21–23 сентября должно стать театрализованное представление с элементами исторической реконструкции "История государства российского" у памятника "Тысячелетие России" в кремле, которое будет в главных чертах повторять юбилейные торжества в Новгородском кремле в сентябре 1862 года», – сказал собеседник агентства.

Днем основания российской государственности ученые считают 21 сентября 862 года – дату, когда древние славяне призвали на княжение варяга Рюрика, родоначальника княжеской (царской) династии.

Согласно архивным данным, участниками грандиозного празднования 1000-летия Руси 21 сентября (8 сентября по старому стилю) в Новгородском кремле стали почти все члены императорской семьи. В этот день в кремле был освящен памятник «Тысячелетие России», возведенный по проекту Михаила Микешина.

«Митин предлагает включить в программу подготовки к юбилейным торжествам беспрецедентные ремонтно-реставрационные работы на новгородских исторических объектах – в частности, в кремле, на Рюриковом городище, а также на набережной Александра Невского, – сообщил представитель обладминистрации. – Губернатор также полагает, что основные мероприятия юбилея закономерно провести именно в Великом Новгороде, который считается колыбелью российского государства».

Материал с сайта <http://travel.ria.ru>

В Тверской области отметили 400-летие победы русских войск над поляками

В Тверской области отметили 400-летие одного из ключевых событий Смутного времени. Десятки жителей Калязина и участники военно-исторических клубов разыграли сражение у стен Троицкого монастыря, где русские войска разгромили польско-литовскую армию.

Небольшой острожек оказался настолько укрепленным, что провалились все попытки лучшей кавалерии того времени – польских «крылатых» гусар – овладеть им. Не удавалось и выманить русскую пехоту за частокол, чтобы навалиться на нее всеми силами. Следуя приказу, воины оставались внутри городка.

Реконструкция калязинского сражения русских войск под командованием князя Михаила Скопина-Шуйского с польско-литовским войском, осадившим к тому времени Москву и Троице-Сергиеву лавру, заняла час. 400 лет назад ключевая для российского государства битва длилась почти сутки.

Ныне полноводная река Жабня тогда была небольшой речушкой, шириной менее 10 метров. Однако именно она стала ключевым звеном в замысле Скопина-Шуйского. На ее сильно заболоченных берегах и в самой реке погибло немало захватчиков, которых сюда загнали русские войска.

Сегодня население Калязина составляет 15 тысяч человек, а тогда, откликнувшись на призыв о помощи, в монастыре собрались более 20 тысяч жителей. В ходе реконструкции постарались точно воссоздать и одежду отечественных войск.

«Гражданская и военная одежда тогда были одинаковыми, – рассказывает Алексей Синельников, руководитель клуба военно-исторической реконструкции “Служивый”. – Служивым людям выдавали из царской казны сукно, и они сами шили кафтаны, чтобы ходить на службу. Как выдали на стре-

лецкий приказ синее сукно, они в синем и ходили. Стременному приказу выдали дорогое по тем временам красное сукно – они ходили в красном. Так вот и получалось что-то похожее на униформу».

Не только первую военную форму обрела тогда Россия, считают историки. Калязин в 1609 году превратился во временную столицу государства. Не в осажденной Москве, а здесь, на берегах Волги, подписывались международные договоры, принимались посольские миссии. Отсюда началось освобождение земли русской от польско-литовских захватчиков. Одержав победу, войско Скопина-Шуйского двинулось освобождать Переславль-Залесский, Александровскую слободу и Троице-Сергиеву лавру

«Если бы обитель Сергия Радонежского пала, тогда русские люди со средневековым сознанием восприняли это как крах, как катастрофу. И вот после этого сражения русская армия доказала, что она может обороняться, может наносить контрудары. Здесь, по сути, шло формирование армии», – говорит Ярослав Леонтьев, доцент МГУ имени Ломоносова, научный директор программы «Под княжеским стягом».

Князю Скопину-Шуйскому открыли памятник. «Камни нашли на месте, где сражение происходило. Они хранят эту историю», – говорит автор памятника Евгений Антонов, заслуженный скульптор РФ.

Хранят историю и калязинцы. С каждым годом все больше юных «ополченцев» участвуют в реконструкции битвы, победа в которой спасла Россию в далекое Смутное время.

Материал с сайта «Вести.Ру»

К 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г.

26 августа (7 сентября) 1812 года в 124 км от Москвы, у села Бородина, встретились в решительной схватке две армии – армия Наполеона, вторгшаяся в Россию с целью ее порабощения, и русская армия, защищавшая свободу и независимость своей Отчизны. Русские войска под командованием фельдмаршала М.И. Кутузова нанесли противнику серьезный урон и сорвали план Наполеона разгромить русскую армию и победоносно завершить войну. Бородинское сражение навеки вошло в историю освободительной борьбы нашей страны как одна из наиболее ярких ее страниц.

Армия Наполеона втрое превосходила русские войска, а Наполеон был одним из величайших полководцев, каких знала история. Русские люди, представители всех сословий, от дворян до крепостных крестьян, поднялись на борьбу с французами. Часть населения уходила в леса, развязав партизанскую войну. Война, начатая Наполеоном против императора Александра I, постепенно становилась народной войной, войной всего русского народа против иноземных захватчиков. М.И. Муравьев-Апостол говорил: «Мы были дети 1812 года. Жертвовать всем, даже жизнью, для блага Отечества было влечением сердца». Поэтому тема Отечественной войны 1812 года может послужить поводом для разговора, диалога с читателями о вечных и святых понятиях «родина», «честь», «достоинство», «чувство долга».

Бесчисленны примеры отваги и самопожертвования, совершенные в ходе войны и особенно в день Бородинского сражения, которое сам Наполеон назвал битвой гигантов. Огромные потери понесли обе стороны, но и подвигов было совершено немало. В Бородинской битве прославились Семеновские (Багратионовы) флеши, батарея Раевского, Шевардинский редут, Утицкий курган. Бородинское сражение показало множество примеров героизма русских солдат, офи-

церов и генералов. Военачальники личным примером вдохновляли подчиненных. Против наполеоновских генералов Даву и Нея стояли корпуса генерала Багратиона, который руководил дивизией Д. В. Неверовского, войсками Коновницына, гренадерами Воронцова. Во время атаки французов на Семеновские флеши Багратион был смертельно ранен.

Курганную высоту в центре поля сражения оборонял корпус генерала Н.Н. Раевского. Высота так и вошла в историю под названием батареи Раевского. Три четверти своих потерь при Бородине французы понесли в атаках на эту батарею и Семеновские флеши. Генерал Н.Н. Раевский, находясь в авангарде армии Багратиона, при выходе из окружения у деревни Салтановки бросился на французов с двумя своими сыновьями, Александром и Николаем (правнуками М.В. Ломоносова) – одному было пятнадцать, а другому – одиннадцать лет... Как сказал Кутузов, в течение всего дня он «как храбрый и достойный генерал, с отличным мужеством отражал неприятеля, подавая собою пример».

Под Бородином полководец Барклай де Толли, который в начале Отечественной войны был главнокомандующим русской армией, руководил правым флангом и центром наших войск. Бросая вызов смерти, он появлялся в самых опасных местах. Под ним было убито и ранено пять лошадей. За участие в битве Барклай де Толли награжден орденом Георгия 2-й степени. Большой его заслугой явилось то, что, умело руководя отходом войск, он смог сохранить армию в первый, наиболее тяжелый, период войны, вывести ее к Смоленску, где встретился с армией Багратиона. В 1813 году Барклай де Толли принимал участие в заграничных походах русской армии, талантливо руководил многими сражениями. В четырехдневном кровопролитном сражении 4–7 октября под Лейпцигом, которое решило судьбу кампании 1813 года и вошло в историю под названием Битвы народов, Барклай де Толли активно способствовал победе союзных войск.

Двое из четырех участвовавших в Бородинском сражении генералов-братьев Тучковых были убиты, один взят в

плен. Генерал-майор А.П. Ермолов и начальник артиллерии генерал-майор А. И. Кутайсов показывали примеры личного мужества, не давая неприятелю утвердиться на батарее. За это А.И. Кутайсов заплатил жизнью.

Семнадцатилетний В.Ф. Раевский получил за Бородино золотую шпагу с надписью «За храбрость» и был произведен в чин прапорщика.

Подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка девятнадцатилетний М.И. Муравьев-Апостол по решению нижних чинов своей роты был награжден солдатским Георгиевским крестом. Этот редкий случай в истории русской армии – свидетельство большого уважения к юному офицеру, проявившему мужество и героизм в сражении.

Массовый героизм, мужество и самоотверженность проявили ратники Московского ополчения. Они участвовали в отражении атак на Семеновские флеши, в бою за Утицкий курган и в других сражениях. Героизм и бесстрашие санитаров-ополченцев были отмечены самим Кутузовым.

Вошел в историю совместный рейд по тылам французской армии кавалерии Ф. П. Уварова и атамана войска Донского М. И. Платова.

Каждый участвовавший в битве генерал, офицер, рядовой достоин того, чтобы о нем и его подвиге знало будущее поколение. Рассказать об этом можно на самых различных мероприятиях, от подборок литературы с обзорами до вечеров-портретов на темы: «Павшие на поле чести», «Герои-партизаны», «Спасители Отечества», «Декабристы – участники войны 1812 года». Можно провести мероприятия, посвященные отдельным героям: «Подвиг полководца» (П. И. Багратион), «Бесстрашный Раевский» (Н.Н. Раевский), «Воин-поэт» (Д. В. Давыдов), «Слово о Барклае де Толли» и т.д.

26 августа 1839 г. на Бородинском поле открыт монумент-памятник погибшим русским воинам.

А. Витберг разработал первый проект храма-памятника в честь героев Отечественной войны 1812 года. Он был задуман императором Александром 1, которым владели чув-

ства смирения и скорби о погибших, как Пантеон героев 1812 года. На стенах храма предполагалось написать имена всех павших – от полководцев-дворян до солдат-крепостных, что было по тем временам актом подлинного демократизма. Но проект храма не удалось воплотить в жизнь. Лишь в 1817 году во исполнение воли старшего брата Александра I царем Николаем I по проекту К. Тона храм был заложен, однако открыт только в 1883 году при царствовании Александра III.

Храм Христа Спасителя воздвигли на левом берегу Москвы-реки, между Волхонкой и современной Кропоткинской набережной, на месте бывшего Алексеевского монастыря. В скульптурном оформлении участвовали П.К. Клодт, А.В. Логановский, Н.А. Рамазанов, Ф.П. Толстой, в росписи – знаменитые художники В. П. Верещагин, К.Е. Маковский, В.И. Суриков и др. Храм был расписан фресками. Когда в 30-е годы XX века согласно Генеральному плану реконструкции Москвы храм Христа Спасителя взорвали наряду с другими древними сооружениями, от него остался лишь фундамент и отдельные фрагменты богатого скульптурного и живописного убранства, которые хранятся в Музее архитектуры имени А. В. Щусева и Третьяковской галерее. 19 августа 2000 года возрожденный храм Христа Спасителя был вновь открыт.

Анатолий Чернышев

* * *

Сдуваю пыль эпох и поколений
С каким-то тайным трепетом в душе.
И замираю в кротком изумленье,
За тыщи вёрст умчавшийся уже.
Там странники, послушники, монахи.
Скрипят пером гусиным по листу,
В нелёгком поэтическом размахе
Земную отражая полноту.
Без рифм, но ёмко, образно, весомо:
Века корпели, не могли стереть,
Как хан Батый, прищурясь полусонно,
Смотрел на Русь, сожжённую на треть.
И думал думу:
– Тьмы и тьмы за мною.
Сметая царства, жаждут они сечь.
Останови их бег, и под луною
Ты сам под их копыта можешь лечь.
Так кто же я?
Владыка полумира
Иль только раб разбоя и беды?
Несёт меня былинкою аира
Звериный рёв и бешенство орды.
А старец в келье ведал – всё от бога:
И божий бич и божья благодать,
Что всё проходит.
Потерпи немного –
Упьётся кровью бешеная рать.
Но, погружаясь в письма монаха,
Я знаю: всё пройдёт и вновь придёт.
Не поле брани – так топор и плаха
Или подствольный наш гранатомёт.

* * *

Мне кажется, я, как легенда, вечен
И мудр, как жрец, столетия храня.
На многолюдном новгородском вече
В толпе ярыжек видели меня.

Взметнувшись ввысь над площадью торговой,
Я дерзостные речи говорил.
И падало разгневанное слово
На третий Рим, самодержавный Рим.

От непосильных податей царёвых
Ломалась наша утлая судьба.
И дружным рёвом,
Справедливым рёвом
Мне отвечала яростно толпа.

Меня согнуть пытались тевтонцы,
Железным клином двигаясь по льду.
Но я вставал, как утреннее солнце,
И отводил дубиною беду.

То поле брани, то соха и пашня
И капли пота крупного с лица.
Мне кажется, что это день вчерашний,
Ещё и не остывший до конца,

Где вещий ворон предвещает сечи,
Где кличет ратник верного коня.
Людской удел!
Ты, как легенда, вечен
И мудр, как жрец, столетия храня.

* * *

Говорят, голубое виденье над Русью
Возникает в ночах на крылатом коне.
И глядит на равнины с задумчивой грустью,
Будто ищет кого-то в ночной тишине.

Говорят, будто облик до боли знакомый,
А припомнить не могут – откуда и кто?
То ли ангел, сошедший с какой-то иконы,
То ли странник, усопший зимой на плато.

А к чему бы такое – ума не приложат.
Да и я рассудить этот знак не берусь.
То ли ждёт нашу отчину смертное ложе,
То ли ввысь воспарит просиявшая Русь.

А виденье является чаще и чаще
На своём легкокрылом, воздушном коне.
И выходят усопшие души из чащи.
И вздыхают живые о чём-то во сне.

Владимир Евдасин

Я вам поведаю приватно

1

Кого звали русскими в Древней Руси

*Научные истины всегда парадоксальны.
Исторические факты извлекаются
из противоположных суждений.*

Карл Маркс

*Ни за что на свете я не хотел бы переменить
Отечество или иметь другую историю, кроме
истории наших предков.*

Александр Пушкин

Парадоксы, встреченные на книжных страницах, заставляют меня, человека любопытного, размышлять, искать ответы на загадки истории в других изданиях и даже строить собственные версии событий дней, давно минувших.

Можно ли было пройти мимо загадочной карты «Русь в IX–начале XII в.», встреченной на 28 стр. книги А.Н. Вигилева «История отечественной почты. Часть I» (Москва, изд. Связь, 1977), если на карте расселения народов, проживавших на территории тогдашней Руси, не обозначено место обитания народа русского? Это же парадокс: Русь, русское государство уже 300 лет как существует, а народа русского на его территории нет. Как такое могло случиться?

Или можно ли было не обратить внимания на встреченную на страницах книги В.Н. Ганичева «Флотовождь» загадочную цитату из книги английского историка Ф. Джена «Русский флот в прошлом, настоящем и будущем», опубликован-

Карта Руси в IX – начале XII в.

ной в Англии в конце XIX века, если она гласила: «За столетие до того, как Альфред (король англосаксов, царствовавший с 870 по 901 год) построил британские корабли, русские суда сражались в морских боях и тысячу лет тому назад первейшими моряками своего времени были русские»? Ведь это значит, что ещё в восьмом веке, за 100 лет до того, как в 862 году н.э. было основано русское государство «с названием кратким Русь», на территории которого, судя по приведённой выше карте, и 300 лет спустя не было народа русского, какие-то русские суда с русскими моряками на борту участвовали, и успешно, в морских сражениях. Кто они были и где они жили, эти русские моряки?

Валентин Берестов как-то написал:

*Если где-то нет кого-то,
Значит, кто-то где-то есть.
Только где же этот кто-то
И куда он мог залезть?*

В поиске древних русских для разрешения поразивших меня парадоксов углубился я в шелест страниц и мерцание экрана. Может, не повезло мне, но точных ответов, ни в прочитанных печатных изданиях, ни в интернете найти не удалось. То, что я предлагаю читателям далее, не более чем мои, по методу дедукции, частные рассуждения о прочитанном, сложившиеся в версию, кажущуюся мне вполне правдоподобной. «А если я не прав, то – как говаривал киногерой, – пусть старшие товарищи меня поправят».

Вывод же из рассуждений над парадоксами, упомянутыми выше, получился опять же парадоксальным. Издавна народ русский считается народом славянским. Но и название народа, и названия нашей страны, где русский народ составляет основу населения – Российская Федерация, Россия, Русь – вовсе не славянского происхождения. Как это получилось? А вот, думаю, как.

Слово о словенах

В первой половине первого тысячелетия новой эры на северных склонах Карпатских гор сформировался народ, хотя

и разделённый на множество племён, но говоривший на одном языке. От этого одноязычия, от общего «слова» и родилось, считают, название народа: словене. В цивилизованных странах юга и запада Европы о словенах долгое время мало что знали. Лишь в литературных источниках 6 века н.э. на греческом и латинском языках появляются первые упоминания о «склавенах». Дело в том, что к этому времени словене настолько размножились, что тесно им стало в Северном Прикарпатье, трудно стало выживать в пределах этой ограниченной территории. Наиболее активная часть словенских племён стала искать для себя новых земель. Начался великий словенский исход «на все четыре стороны».

Часть словенских племён пошла на юг через горы Карпатские и колонизовала Балканский полуостров путём не всегда мирного освоения земель, ранее считавшихся византийскими. Это были предки современных южных славян: болгар, македонцев, сербов, словенцев, хорватов, черногорцев.

Другие словенские племена потеснили племена германские к северу и северо-западу от Карпат. Это были предки нынешних лужичан, поляков, словаков, чехов, то есть славян западных.

Те словене, что с северных предгорий Карпат двинулись на восток и северо-восток и постепенно расселились по территории Восточно-Европейской равнины, стали предками белорусов, русских, украинцев.

Словене уже были земледельцами и скотоводами, знали речной рыбный промысел, бортничество. Они просто приходили и занимали никем до них не занятые земли, если надо, рубили лес, расчищая его под поля и пастбища, а истощив урожаем и пастьбой одну территорию, перебирались на соседнюю. Так постепенно они освоили юг Восточно-Европейской равнины. Когда далее на восток путь преградили кочевники Придонья и Хазарское царство, словене повернули на север и двинулись по обоим берегам Днепра в его верховья. Остановили движение словен на север племена финские, давно жившие в лесном, болотистом и тундровом крае

вдоль Ледовитого океана от Скандинавии до Обской губы. Западнее прочно обосновались племена прибалтийские: жмудь, латыши, литва, пруссы, ятвяги. Восточнее, в Среднем Поволжье, жили булгары.

К началу IX века н.э. движение словен прекратилось, они осели на постоянных местах обитания, причём последними осели, расселившись вокруг озера Ильмень, те, что сохранили ещё прикарпатское наименование – словене.

Осев, словенские (или славянские в трудах историков) племена помимо земледелия, скотоводства, охоты, бортничества и сбора прочих даров природы освоили ремёсла, прежде всего гончарное и плотницкое, ткачество, изготовление пеньки. Для этих занятий и организации обмена излишками понадобились торгово-ремесленные центры – городские поселения. Поляне основали Киев, северяне – Чернигов, радомичи – Любеч, кривичи – Смоленск и Полоцк. На Ильмень-озере по обоим берегам реки Волхов появился Новгород – центр племен словен ильменских. Образовались и более мелкие торгово-ремесленные поселения. Баварский географ IX века насчитал у восточных славян аж 556 городских поселений, а скандинавы того времени именовали занятые восточными славянами земли Гардарикией, то есть страной городов.

В городах местные и иноземные купцы скупали товары и отправляли торговые караваны на рынки соседних племён и далеко за моря: на Скандинавский полуостров и южное побережье Балтики, в страны Центральной Азии, Среднего Востока, по берегам Каспийского и Чёрного морей. На обратном пути торговые караваны доставляли славянам товары иноземные.

Но и в городах славяне всё ещё жили племенами обособленными и управлялись «как встарь». Ещё в VI–VII веках н.э., говоря о «склавенах», византийские авторы подметили, что «они ... издревле живут в народоправстве», «... не имеют над собой постоянного главы и ненавидят друг друга». Так было и у словен ильменских середины IX века н.э. Родовые, семейные кланы племени спорили за влияние и власть,

за земли и привилегии. Каждый мнил себя важнее прочих. Решения принимались на общем собрании глав семейств, именуемом вече, а побеждали те, кто других перекричит. Одним словом, то была демократия горлопанства.

Наш первый, из известных, летописец Нестор сообщает, что однажды, не справившись с разногласиями, устав от вольницы, то и дело перетекавшей во вражду и потасовки, старейшины сразу четырёх племён, живших по соседству, решили, что нужна посторонняя, независимая «сильная рука», власть, которая могла бы справедливо рассудить, помирить, защитить любого и каждого и любое дело племени толком организовать. И решили они будто бы снарядить общее от словен ильменских, кривичей, чуди и веси посольство за море с приглашением: идите, мол, княжить и владеть нами, ибо земля наша велика и богата, а порядка в ней нет.

Эту красивую легенду историк и литератор Нестор записал в XI веке н.э., спустя два столетия после подлинных событий и, думаю, сильно приукрасил её в угоду своим правителям. Вряд ли обособленно жившие племена славянские (словене ильменские и кривичи) и племена финские (чуди и веси) могли принять совместное решение о приглашении во власть над собой иноземцев. Скорее всего инициатива этого приглашения, если, конечно, оно, это приглашение, вообще имело место, могла принадлежать племени словен. И не всему, а только той части новгородцев, что в очередной раз не сумела перекричать других своих соплеменников в борьбе за власть и решила нанять войско из иноземцев, надеясь с помощью наёмников утвердиться-таки во власти.

Наём иноземных воинов широко практиковался властями многих стран тогдашней Европы и не только Европы, в этом не было ничего необычного. А вот наём иноземного правителя (кризисного управляющего?) над собой среди племён и народов случай редчайший и, право слово, неправдоподобный.

Поскольку приход иноземцев «княжить и владеть» нашими предками событие эпохальное в судьбе нашего Отечества, полезно знать, а что же из себя эти пришельцы представляли.

Морские витязи: викинги и варяги

Летописец Нестор пишет, что якобы имевшее место славяно-финское посольство для приглашения властителя из-за моря «идоша за море к варягам». На той самой парадоксальной карте, с которой начали мы наши рассуждения, за пределами территории Руси видим и указание о месте обитания варягов – Скандинавский полуостров.

Именно народы, жившие на Скандинавском полуострове, были ближайшими соседями словен ильменских. Живя на земле между внутренним морем и двумя океанами, жители Скандинавии не могли не стать искусными судостроителями и мореплавателями. Добыча рыбы и морского зверя едва ли не основной в этом суровом краю способ прокормиться в те давние времена.

Но пришёл момент, когда племенам норманнским, как звали группу племён скандинавских, стало ясно, что одной рыбной ловлей да охотой сыт не будешь. Плавая у берегов Европы, видели они, что многие народы к югу от их скудной северной стороны живут много легче и богаче. Зависть толкнула многих из бывших тружеников моря на разбой.

Начиная примерно с V–VI веков н.э., то есть с того самого времени, когда словене начали по преимуществу мирное занятие территорий Восточной Европы, норманны начали в Европе Западной вести войны, вторгаясь с побережий морей и по рекам в чужие страны, грабить и убивать их жителей. Это были войны не за жизненное пространство, а за добычу, за отъём силой ценностей, созданных другими народами, что иначе как разбоем не назовёшь. Для многих скандинавских моряков разбой превратился в профессию, постоянное и единственное занятие. Таких стали называть викингами, что в переводе на русский язык означает «люди битвы».

Хельмут Ханке в книге «Люди, корабли, океаны. 6000-летняя авантюра мореплавания» (перевод с немецкого, изд. Судостроение 1976. – С.55) пишет следующее:

«Более половины тысячелетия держали мир за горло эти «рыцари моря», для которых корабль значил то же самое, что

конь для воинов Чингиз хана. Разбойничьи походы начинались от фьордов исхлестанного штормами, изобилующего рифами Норвежского побережья. Удивительно «результативными» были эти набеги!

В IX веке, после того как европейское Атлантическое побережье было обшарено вдоль и поперёк, викинги пустились вверх по большим рекам и предали огню Аахен, Кёльн, Трир, Майнц, Worms, Бинген, Париж и Тулузу Неукротимое морское племя одолело на своих драккарах* грозный Бискай и прошло через Гибралтар в Средиземное море Беспрепятственно появлялись и у берегов Альбиона».

А вот противоположный берег моря на восток от Скандинавского полуострова до поры до времени викингов интересовал мало, тамошние литовские, финские, а потом и славянские племена большой добычи не сулили в силу своей хозяйственной неразвитости в сравнении с народами Западной Европы.

Итак, викинги – профессиональные моряки-разбойники, жившие в Скандинавии. Но не к ним отправилось посольство из Новгорода.

Оно отправилось, как свидетельствует Нестор, «за море к варягам».

Кто ж они такие – варяги?

Когда викинги доставляли добычу на Скандинавский полуостров, то не всегда и не всю её могли использовать в своей земле. Излишки награбленного надо было сбывать другим народам. Путь к странам, где можно было найти покупателей, лежал в пределах Восточно-Европейской равнины, то был путь «из варяг в греки» по Днепру и «из варяг в персы» по Волге.

Скупщики и перекупщики краденого, купцы или гости, как их тогда называли, часто своих судов не имели и нанимали их вместе с командой вооружённых моряков из числа всё тех же викингов. Эти наёмные моряки обеспечивали и перевозку, и охрану товаров. Постепенно из профессии мо-

* драккары – корабли класса река-море.

ряков-разбойников выделилась новая профессия моряков-охранников. Их стали называть варягами, то есть «гребцами». Иначе трактовали это название в византийских и арабских источниках: там «варенг» или «варанг» – это наёмный воин из якобы существовавшей страны Варенгии. Историки уверяют – такой страны никогда не было.

Ближе к IX веку н.э. варяги стали оседать на постоянное место жительства во многих торговых городах, нанимались уже и как воины для охраны городов, но, привыкшие к корабельной службе, предпочитали обслуживать торговые караваны.

В XX веке «Краткий этимологический словарь русского языка» (Шанский, 1971) и «Словарь русского языка» (Ожегов, 1991) согласно определяют варягов, как скандинавских наёмных воинов, защитников, охранников, «объединявшихся в вооружённые отряды для торговли или разбоя».

Эти вооружённые отряды наёмных моряков возглавлялись предводителями-канунгами (флотовождями), как правило, богатыми и «голубых кровей» владельцами одного или нескольких кораблей. Канунг за плату предоставлял купцам свои суда в аренду и был обязан вместе с нанятой им командой гребцов-охранников сопровождать и охранять купеческие товары до заморских рынков и обратно.

Обладая вооружённой силой и канунги-викинги, и канунги-варяги, случалось, захватывали власть и эксплуатировали население захваченных территорий, перенимая, впрочем, вскоре его язык и культуру. Так возникли, например, Нормандия в Европе, поселения скандинавов в Америке и Гренландии. Так случилось и на Восточно-Европейской равнине, где, по словам К.Маркса, возникла «империя династии Рюриковичей».

Примерно в одно время (50–60-е годы IX века н.э.) вокняжения, то есть захват власти, были совершены канунгами Аскольдом и Диром в Киеве, Рогволодом в Полоцке, Синеусом в Белоозере, Трувором в Изборске, Рюриком в Новгороде.

Все эти канунги, объявляли себя князьями и силой утверждали свою власть, жестоко подавляя сопротивление. Одно

из новгородских преданий упоминает, например, об уничтожении варягами некоего Вадима Храброго и его сторонников, пытавшихся противиться вокняжению Рюрика над племенем словен ильменских. А красивая легенда о добровольном приглашении заморских правителей из варягов, думаю, придумана варяжскими же «идеологами», дабы вокняжение варягов представить не как пленение племён и вооружённое подавление их воли, а как благотельную им помощь.

Из всех вокняжившихся канунгов основателем нашего отечества считается Рюрик. Юбилей именно его вокняжения был отмечен как тысячелетие государства российского открытием в Новгороде 13 сентября 1862 года памятника «Тысячелетие Руси» и великими торжествами по всему нашему отечеству.

В 862 году н.э. званный или незванный, а явился флотоваждь Рюрик в Новгород во главе флота из боевых кораблей – драккар, экипажи которых состояли из варягов, отчаянных наёмных воинов-гребцов, умело управлявших парусами и вёслами и готовых в любую минуту обнажить мечи по команде хорошо платившего им канунга. И отдались Рюрику во власть ильменские словене. И уже не «зарплату» наёмнику платили они, а дань своему покорителю.

В те же дни и родные братья Рюрика явились во главе своих флотилий: один, Трувор, в Изборск, центр славянского племени кривичей, а другой, Синеус, в Белоозеро, город финского племени веси. Сошедшие с боевых кораблей витязи-варяги, обеспечили вокняжение своих канунгов. Совсем как у Пушкина:

*Там тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных
И с ними дядька их морской.*

Только было тех витязей-варягов далеко за тридцать.

Недолгим было княжение братьев Рюрика. Два года прошло, и умерли отчего-то братья, а может, были убиты (не бра́том ли старшим?), и Рюрик тут же присоединил к своим их

владения, назначил в Изборск и Белоозеро своих наместников из числа верных ему варягов.

Вот и образовалось по воле канунга-варяга первое наше многонациональное государство Новгородское княжество. Первым его населением, жившим под властью единого правителя, были славяне кривичи и словене ильменские, финны из племени веси и пришлые из-за моря варяги из норманн.

Более пятнадцати лет правил Рюрик Новгородским княжеством самовластно, опираясь на вооружённую силу своего варяжского флота. Он сам, а после него назначенный им воспитатель его малолетнего сына Игоря Рюриковича, князь Олег, правивший от имени Игоря единовластно целых тридцать три года, заложили основы военно-административного устройства государства, опиравшегося все эти без малого полвека на преимущественно скандинавскую военную элиту и наёмное варяжское воинство. В эти годы территория и «налогооблагаемая база» были расширены завоеваниями и жизненное пространство государства простиралось уже от Ладожского озера до днепровских порогов, от Карпат до придонских степей. Население государства пополнялось за счёт славянских и финских племён, всё больше прибывало на службу у князей скандинавских варягов.

Вот так и пришли к нашим предкам «владеть и править» скандинавские варяги.

Флот – флотский, а русь – русский

Из указания летописца Нестора о том, что посольство славяно-финское на заморском берегу обратилось не к тем племенам Скандинавии, что звались «англыне, урмане, готе», а «идоша за море к варягам руси», можно было предположить, что и сделал первый официальный историограф нашего государства Карамзин, что ВАРЯГИ РУСИ есть название одного из норманнских племён. Более поздние историки в этом усомнились, показали, что варяги это не племя и не группа племён, а представители разноплеменной профессии наёмных воинов.

А что же тогда ВАРЯГИ РУСИ и ВАРЯЗИ РУСЬ, что эти словосочетания означают у Нестора?

Видный российский учённый и педагог конца IX – начала XX веков С.Ф. Платонов в своих лекциях («Полный курс лекций по русской истории», изд. Кристалл, С-Петербург, 1997, С. 73–78) утверждал, что «... русью звали в древности не отдельное варяжское племя, ибо такого не было, а варяжские дружины вообще». И далее: «... У славян название РУСЬ означало прежде всего тех заморских варягов-скандинавов, которых финны звали RUOTSI. Это название – русь – ходило среди славян наравне с названием варяг».

Славянским словом ДРУЖИНА Платонов называет то самое объединение наёмных скандинавских воинов-варягов «в отряд для торговли и разбоя», о котором толкуют словари (см. выше). Он утверждал, что слово РУСЬ у славян означало и название дружины, и название всех варягов вообще. Тут, думаю, следует разобраться и кое-что уточнить.

Дружина у славян войско сухопутное, пешее и конное. А скандинавское войско сухопутным не было, оно передвигалось и сражалось на кораблях, с которых совершало и десантные операции на берег. Значит, РУСЬ – это флот, флотилия. Логично предположить, что РУСИ – это моряки. А ВАРЯГИ РУСИ у Нестора – это скорее всего моряки наёмники, которых и намеревалось нанять вместе с их кораблями посольство. И тогда указание Нестора о том, что посольство «идоша за море к варягам руси си це бо ся зваху тыи варязи русь», видимо, надо переводить так: отправилось за море к наёмным морякам для того, чтобы к себе звать их наёмный флот.

Требуется уточнения и утверждение Платонова о том, что славяне звали словом РУСЬ не только корабельный флот, но и всех варягов вообще. Скорее всего по аналогии с современным флот – флотский, у скандинавов сложилось русь – руси, а у славян соответственно русь – русьский. А поскольку все варяги приходили к славянам не иначе как на кораблях, то их, флотских, славяне должны были называть не иначе как русьскими, но никак не словом русь, обозначавшим корабли и их соединения.

И ещё одно уточнение. Когда к славянам пришла письменность в виде изобретённой Кириллом азбуки, они стали записывать ранее им известные только на слух слова по принципу как слышится, так и пишется. Например, писец XIII века, переписывая текст XI века, записал заголовок известной теперь «Русской правды» так, как слышал: «ПРАВДАРОУСЬСКАІА». Можно предположить, что и слово, от которого образовалось это прилагательное русьский (роусьский), произносилось как роусь. Впрочем, для нас важно не то, как произносилось слово, а то, какое понятие оно означало.

Видимо, понятия флот – русь (роусь) и флотский – русьский (роусьский) утвердились ещё до вокняжения на Восточно-Европейской равнине скандинавских канунгов. И были распространены не только в славянских и финских племенах, но и во всех европейских странах, где появлялись викинги на боевых кораблях. Не о них ли, викингах, писал англичанин Ф.Джен в своей книге (смотри выше), как о русских моряхах и русских кораблях, победоносно сражавшихся, в том числе и с англосаксами, ещё за сто лет до появления Руси как государства наших предков? Может, и так. «Думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь» одноименных русскому народу скандинавских русских среди морских разбойников древности, знаменитых викингов – славных мореходов, отважных, но далеко не благородных витязей. Думаю всё же, только старинное слово «русский» и название государства «Русь» досталось от викингов через варягов нам в наследство, не более того.

О том, что слово роусьский известно было в ту, дорюрикову, пору не только славянам и финнам, говорит и такое, выуженное с книжных страниц, свидетельство.

В одном из славянских житий святого Кирилла, греческого проповедника православия, упоминается, что ещё до изобретения им славянской азбуки, а точнее, в 860 году н.э., он проповедовал в Крыму и в портовом городе Херсонесе видел Евангелие и Псалтырь «роусьскими письмены писано». «Что это за русские письмена?» – сомневается, упомянув об этом, Роберт Паль в книге «Человек придумал книгу»

(Москва, изд. Советская Россия, 1983). Но что же тут удивительного? Варяги, наёмные моряки (роусьские), с торговыми караванами посещали Крым, и, должно быть, с ними там встретился Кирилл. Кто-то из грамотных варягов или купцов показал ему переписанные руническими скандинавскими буквами книги. А раз переписал роусьский и показал роусьский, значит, и письма роусьские, решил Кирилл.

Вот и выходит, что слова РУСЬ и РУССКИЙ точно не славянского, а скандинавского происхождения, причём из морского лексикона, и были известны многим древним.

Ошибка патриарха Фотия

За несколько лет до вокняжения Рюрика в Новгороде два других скандинавских канунга Аскольд и Дир вокняжились в Киеве. Их объединённый флот, отправившись в поход от восточного берега Скандинавского полуострова, пересёк море и по озёрам, рекам и волокам преодолел путь до города Киева на Днепре. Киев, центр славянского племени полян, канунгам понравился. Силой оружия установили они свою власть в городе и в окрестных землях, объявили себя князьями и принудили полян платить дань им, а не хазарам из прикаспийского царства.

Русь их получила пополнение из шедших с торговыми караванами или наниматься на службу в Византию, но перекупленных Аскольдом и Диром, варягов. Накопив силы, решили Аскольд и Дир отправиться за добычей. Их, выходцев из викингов, разбой привлекал более, чем честный заработок варягов. Целью их разбойного набега была столица Византии Константинополь, один из богатейших городов и крупнейший порт, где встречались торговые караваны, идущие по Великому шёлковому пути от побережий Тихого и Индийского океанов с товарами из Китая и Индии в страны Европы на Атлантическом побережье и обратно. Сюда же приходили торговые караваны, снующие по маршруту «из варяг в греки». Было чем поживиться, была б только сила.

И такая сила у киевских князей была. Русь их состояла, по сведениям летописных сказаний, из 200 боевых кораблей

и по тем временам была флотом огромным. Летописец Нестор не упоминает о численности экипажей тех 200 кораблей. Историки Карамзин и Платонов говорят, что на судах того времени были экипажи из 40–50 моряков. Но так было на славянских ладьях и скандинавских торговых судах, где много места отводилось товарам. Не так было на скандинавских боевых кораблях – драккарах.

В 1880 году со дна морского были подняты неплохо сохранившиеся остатки драккара, затонувшего ещё в 8 веке н.э., то есть за век до похода Аскольда и Дира. По этим остаткам удалось реконструировать этот корабль, что нам позволяет представить силу руси киевских князей.

Деревянный корпус боевого драккара был более 23 метров в длину и 5 метров в ширину при осадке менее метра, что делало корабль пригодным для плавания и в море, и в озёрах, и по рекам и для преодоления волоков. Х. Ханке в упоминавшейся выше книге сообщает, что кроме большого прямоугольного паруса, на драккаре имелись большое рулевое весло и 32 гребных весла длиной 5,5 метра каждое. Можно предположить, что вёсла такой длины требовали усилий не менее двух гребцов каждое и, значит, одна смена состояла из 64 гребцов и рулевого. Ещё столько гребцов–воинов должны были ждать своей очереди сменить уставших коллег. Таким образом, не считая командира и десанта, экипаж драккара состоял из 130 вооружённых варягов. Сообщение древневосточного историка Массуди о прибытии на Каспий в 913 году н.э. 500 русских кораблей по 100 воинов на каждом не очень расходится с нашими прикидками.

И вот в 860 году н. э., дождавшись половодья на Днепре, облегчавшего преодоление порогов, армада из 200 боевых кораблей с почти 30 тысячами наёмных морских витязей на борту прошла от Киева по Днепру 942 км и вышла в море. Плывая 700 км вдоль западного берега Чёрного моря, ещё по пути к Константинополю, варяги Аскольда и Дира ограбили все прибрежные поселения.

За те 2–3 месяца, что русь киевских князей двигалась к Константинополю, слухи о её мощи и жестокости не могли

не напугать византийцев. Император Восточной Римской империи, как высокопарно именovala себя Византия, направил из Константинополя навстречу неведомо чьёму мощному флоту посольство. Переговорщикам Аскольд и Дир заявили примерно так: «Русь к вам пришла из Киева и готова разрушить Константинополь, если князья не получают даров щедрых для себя, для всех воинов на кораблях и для тех, что остались охранять Киев». Вспомним, что Аскольд и Дир говорили по-скандинавски и слова Ruots (флот) и Ruotsi (морьяки) не раз прозвучали в ходе переговоров. Византийцы слышали это как росс или русс. Бывший в первой половине X века н.э. императором Византии, Константин Багрянородный в своих исторических трудах сообщал, что в 860 году н.э. на Византию напали россы и «император, не имея возможности победить россов, склонил их к миру богатыми дарами, состоявшими в золоте, серебре и шёлке». Получив ещё и вина, и фрукты, и другой провиант, оставив на сей раз Константинополь в покое, русь снялась с якорей и взяла курс домой, в Киев.

Впервые византийцы, ранее знавшие лишь разрозненных «варенгов» из придуманной страны Варенгии, то бишь наёмных воинов, служивших бывало на их кораблях или приходивших к ним с торговыми караванами, в 860 году н.э. столкнулись с их объединением для разбоя (викинги разбойничали на территории бывшей Западной Римской империи, а до владений Восточной Римской империи ранее не доходили). Они решили, что на них напал незнакомый им ранее народ по имени россы (руссы) из страны России (Руссии). «Народ неименитый, не считаемый ранее за народ, неизвестный, но получивший имя со времени похода против нас», — писал византийский патриарх Фотий по поводу того нашествия. «Россы, — писал он далее, — славные своей жестокостью, победители народов соседственных и в гордости своей дерзнувшие воевать с империею Римской».

Но ошибся патриарх Фотий, то был не народ, а всего лишь объединение давно знакомых византийцам наёмных воинов—

варягов в огромный морской отряд для разбоя. Добыли, поделили и разбежались кто куда.

А вот образованные византийцами от скандинавских слов названия РОССЫ (РУССЫ) для якобы народа, живущего на Днепре, в придуманной византийцами же стране РОССИЯ (РУССИЯ), вошли в международный обиход с 860 года н.э., то есть на два года раньше вокняжения в Новгороде считающегося основателем России Рюрика, и первоначально относились к наёмному воинству и княжению в Киеве Аскольда и Дира над племенем полян. Позже Аскольд и Дир были убиты, а поляне покорены новгородским князем Олегом, который перенёс столицу нашего древнего государства из Новгорода в Киев. Так Русь Новгородская стала Русью Киевской.

Алгоритм русификации

Итак, первыми, кого славяне и их соседи финны стали называть роусьскими, были наёмные моряки, служившие воинами и гребцами на скандинавских торговых и военных кораблях. Соединения кораблей во флоты и флотилии скандинавы называли словом RUOTS, а членов команды кораблей – словом RUOTSI. От этих слов в славянском произношении название флота превратилось в удобное славянской гортани слово РОУСЬ, а моряков вообще славяне называли РОУСИ. Для тех моряков, что служили в соединении военных кораблей, то есть на флоте, по аналогии с современным флот – флотский от роусь(флот) образовалось понятие РОУСЬСКИЙ(флотский), позднее, в ходе естественного развития языка, это слово превратилось в современное нам слово РУССКИЙ.

В общем, роусьскими поначалу называли всех, кто был связан с корабельным флотом. К этому привыкли и, когда флотовожди захватывали власть и объявляли себя князьями, к их званию тут же прилеплялось прилагательное роусьский, поскольку князь по-прежнему возглавлял свой флот, свою роусь, которая обеспечивала его власть силой оружия.

Роусьские флотовожди-канунги, ставшие роусьскими князьями, захватив и подчинив себе племена, жившие в степ-

ных, лесных, а то и тундровых землях, далёких от судоходных, к тому же надолго замерзающих, рек, почувствовали нужду иметь не только флот, но и пешие, а особо конные войска. Но морские витязи плохо приспособлены к дальним пешим переходам, а тем более к конным скачкам. В трудах иностранцев Маврикия и Льва Диакона, побывавших в Древней Руси, сообщается, что русские (читай флотские) были плохими наездниками и не любили ездить на лошадях. Но летописи сообщают о табунах князей Игоря и Святослава в 3000 кобыл стадных и 1000 коней. Они предназначались, конечно, не для варягов-корабельщиков. Сухопутные войска (дружины) нанимались князьями из местных племён или пришлых воинов, их возглавляли воеводы, назначенные князем из числа доверенных, прежде верно служивших ему на флоте, варягов.

Историк С. Платонов пишет: «Имя русь переходило и на славянские дружины, действующие вместе с варяжской русью». То есть роусью стали называть всё войско роусьского князя: и флот, и конницу, и пешие полки, когда они действовали под единым командованием князя. При этом основным родом войск оставалась корабельная роусь, а сухопутные дружины были поначалу вспомогательными при флоте. До сих пор так, по-варяжски, сформированы и нынешние российские флоты, в основном состоящие из кораблей, но имеющие и морскую пехоту, и береговую артиллерию, и морскую авиацию, подчинённые единому командующему флотоводу.

Уже первые Рюриковичи ввели в своих владениях своеобразную воинскую повинность, когда практически всё дееспособное мужское население обязано было по зову своего князя являться под его начало или начало его воевод и вливаться в конные и пешие дружины – подразделения княжеской роуси. С той поры роусьскими стали называть и воинов, «приписанных» к войскам роусьского князя. Это прозвание сохранялось за ними в боях и походах и между ними, когда, отпущенные князем, повесив мечи, щиты и луки с колчана-

ми стрел на стены жилища, поставив в углы секиры, копыя и палицы, пристроив на полатах кольчуги и шеломы, они мирно обрабатывали землю, пасли скот, борtnичали или занимались ремёслами.

Словом РОУСЬСКИЙ обозначали в ту пору статус мужчины военного или военнообязанного. Говорящие на разных языках и наречиях мужчины из славянских, финских, тюркских и прочих племён становились роусьскими по воле своего роусьского князя. Роусьским витязем был, например, легендарный богатырь Илья Муромец, судя по прозвищу, выходец из финского племени мурома. Роусьскими по воле роусьского князя становились и наёмники иноземцы, связавшие свою судьбу со служением роусьским князьям. Так, известный как родоначальник рода, к которому принадлежит А.С. Пушкин и ещё многих русских дворянских родов, Радша, по происхождению серб из города Петроварадина, то ли через племя пруссов, то ли через Трансильванию прибыл в Новгород и нанялся в войско одного из Рюриковичей, и его сразу причислили к роусьским. (см. А.С. Пушкин «Дневники. Воспоминания. Письма.», Москва, изд. Эксмо, 2008, С. 608). Были и роусьские на время, те, что в разовом порядке нанимались в княжескую роусь. Примером могут служить кочевники — половцы и печенеги — не раз целыми конными отрядами становившиеся роусьскими в походах роусьских князей и перестававшие быть роусьскими, как только со своей долей добычи и княжеских даров уходили в свои степи.

Постепенно статусное наименование военных и военнообязанных перешло и на членов их семей, их тоже стали звать роусьскими. Так свершилась сплошная русификация всего населения «империи Рюриковичей». Исчезли и названия племён. Земли роусьского князя тоже стали называться роусьскими и делились по городам на Киевские, Черниговские, Новгородские и другие владения роусьского Великого князя, а потом и роусьских удельных князей. Каждый роусьский князь имел своё войско, свою роусь, состоящую из своих роусьских воинов.

Когда же путь к морям по рекам был отрезан другими народами, роусь – войско корабельное – потеряла роль ведущего рода войск, уступив её сухопутным дружинам. Исчезло и общее норманнское название войск роусьских князей, всё войско стало именоваться ДРУЖИНОЮ. Наше отечество надолго перестало быть морской державой. Но князей по-прежнему звали роусьскими, как и их бояр, и их воинов, и их земли, и всех их подданных.

От названия флота «роусь» произошло и название нашего древнего государства Роусь. Случай редкий, но не исключительный для государств с военно-административной системой управления. Вспомним, такое управление было и в татаро-монгольском государстве, и оно тоже называлось ордой по названию конницы, основного рода войск Чингиза и других ханов.

Со временем название нашего древнего государства по законам развития языка потеряло букву и звук О и превратилось в Русь. До сих пор звучит и пишется кириллицей придуманное византийцами название нашей страны Россия. А латиницей пишут Russia.

Слово роусьский, преобразовавшись в слово русский, теперь означает уже не статус человека, а его этно-культурную принадлежность к русской нации, к русскому народу.

А вот как роусьские по статусному прозвищу русской нацией стали, разговор особый. И он ещё впереди.

Забутые страницы Пушкинианы

Василий Жуковский

Письмо Бенкендорфу*

... Сперва буду говорить о самом Пушкине. Смерть его все обнаружила, и несчастное предубеждение, которое наложили на всю жизнь его буйные годы первой молодости и которое давило пылкую душу его до самого гроба, теперь должно, и, к несчастью, слишком поздно, уничтожиться перед явною очевидностью. Мы разобрали все его бумаги. Полагали, что в них найдется много нового, писанного в духе враждебном против правительства и вредного нравственности. Вместо того нашли бумаги, разительно доказывающие совсем иной образ мыслей: это особенно выразилось в его письме к Чадаеву, которое он, по-видимому, хотел послать не по почте, но не послал, вероятно, по той причине, что он не желал своими опровержениями оскорблять приятеля, уже испытавшего заслуженный гнев государя. Одним словом, нового предосудительного не нашлось ничего и не могло быть найдено. Старое, писанное в первой молодости, то именно, около чего вертелись все предубеждения, на нем лежавшие, все, как видно, было им самим уничтожено (сколько можно судить теперь); в бумагах его не осталось и черновых рукописей. Он сам про себя осудил свою молодость и произвольно истребил для самого себя все несчастные следы ее. Что же из сего следует заключить? Не то ли, что Пушкин в последние годы свои был совершенно не тот, каким видели его впервые? Но так ли было об нем ваше мнение? Я перечитал все письма, им от вашего сиятельства полученные: во всех них, дол-

* Последний год жизни Пушкина /Сост., вступ. очерки и примеч. В.В. Кунина. – М.: Правда, 1989. – С. 554–565.

жен сказать, выражается благое намерение. Но сердце мое сжималось при этом чтении. Во все эти двенадцать лет, прошедшие с той минуты, в которую государь так великодушно его присвоил, его положение не переменилось: он все был как буйный мальчик, которому страшишься дать волю, под строгим, мучительным надзором. Все формы этого надзора были благородные: ибо от вас оно не могло быть иначе. Но надзор все надзор. Годы проходили; Пушкин созревал; ум его остепенялся. А прежнее против него предубеждение, не замечая внутренней нравственной перемены его, было то же и то же. Он написал «Годунова», «Полтаву», свои оды «К клеветникам России», «На взятие Варшавы», то есть все свое лучшее, принадлежащее нынешнему царствованию, а в суждении об нем все указывали на его оду «К свободе», «Кинжал», написанный в 1820 году; и в 36-летнем Пушкине видели все 22-летнего. Ссылаюсь на вас самих, такое положение могло ли не быть огорчительным? К несчастью, оно и не могло быть иначе. Вы на своем месте не могли следовать за тем, что делалось внутри души его. Но подумайте сами, каково было бы вам, когда бы вы в зрелых летах были обременены такою сетью, видели каждый шаг ваш истолкованным предубеждением, не имели возможности произвольно переменить место без навлечения на себя подозрения или укора. В ваших письмах нахожу выговоры за то, что Пушкин поехал в Москву, что Пушкин поехал в Арзрум. Но какое же это преступление? Пушкин хотел поехать в деревню на житье, чтобы заняться на покое литературой, ему было в том отказано под тем видом, что он служил, а действительно потому, что не верили. Но в чем же была его служба? В том единственно, что он был причислен к иностранной коллегии. Какое могло быть ему дело до иностранной коллегии? Его служба была его перо, его «Петр Великий», его поэмы, его произведения, коими бы ознаменовалось нынешнее славное время. Для такой службы нужно свободное уединение. Какое спокойствие мог он иметь с своею пылкою, огорченною ду-

шой, с своими стесненными домашними обстоятельствами, посреди того света, где все тревожило его суетность, где было столько раздражительного для его самолюбия, где, наконец, тысячи презрительных сплетен, из сети которых не имел он возможности вырваться, погубили его. Государь император назвал себя его цензором. Милость великая, особенно драгоценная потому, что в ней обнаруживалось все личное благоволение к нему государя. Но, скажу откровенно, эта милость поставила Пушкина в самое затруднительное положение. Легко ли было ему беспокоить государя всякою мелочью, написанною им для помещения в каком-нибудь журнале? На многое, замеченное государем, не имел он возможности делать объяснений; до того ли государю, чтобы их выслушивать? И мог ли вскоре решиться на то Пушкин? А если какие-нибудь мелкие стихи его являлись напечатанными в альманахе (разумеется, с ведома цензуры), это ставилось ему в вину, в этом виделись непослушание и буйство, ваше сиятельство делали ему словесные или письменные выговоры, а вина его состояла или в том, что он с такою мелочью не счел нужным идти к государю и отдавал ее просто на суд общей для всех цензуры (которая, конечно, к нему не была благосклоннее, нежели к другим), или в том, что стихи, ходившие по рукам в рукописи, были напечатаны без его ведома, но также с одобрения цензуры (как то случилось с этими несчастными стихами к Лукуллу, за которые не одни вы, но и все друзья его жестоко ему упрекали). Замечу здесь, однако, что злонамереннее этих стихов к Лукуллу он не написал ничего, с тех пор как государь император так благотворно обратил на него свое внимание. Зато весьма часто ему было приписывается чужое, как бы оно, впрочем, ни было нелепо. Но что же эти стихи к Лукуллу? Злая эпиграмма на лицо, даже не пасквиль, ибо здесь нет имени. Пушкин хотел отомстить ею за какое-то личное оскорбление; не оправдываю его нравственности, но тут еще нет ничего возмутительного противу правительства. И какое дело правительству до эпиграммы на лица? Даже и для

того, кто оскорблен такою эпиграммою, всего благоразумнее не узнавать себя в ней. Острота ума не есть государственное преступление. Могу указать на многих окружающих государя императора и заслуживающих его доверенность, которые не скупятся на эпиграммы; правда, эти эпиграммы без рифм и неписанные, но зато они повторяются в обществе словесно (на что уже нет никакой цензуры) и именно оттого врезаются глубже в память. Наконец, в одном из писем вашего сиятельства нахожу выговор за то, что Пушкин в некоторых обществах читал свою трагедию прежде, нежели она была одобрена. Да что же это за преступление? Кто из писателей не сообщает своим друзьям своих произведений для того, чтобы слышать их критику? Неужели же он должен до тех пор, пока его произведение еще не позволено официально, сам считать его непозволенным? Чтение ближним есть одно из величайших наслаждений для писателя. Все позволяли себе его, оно есть дело семейное, то же, что разговор, что переписка. Запрещать его есть то же, что запрещать мыслить, располагать своим временем и прочее. Такого рода запрещения вредны потому именно, что они бесполезны, раздражительны и никогда исполнены быть не могут.

Каково же было положение Пушкина под гнетом подобных запрещений? Не должен ли был он необходимо, с тою пылкостью, которая дана была ему от природы и без которой он не мог бы быть поэтом, наконец прийти в отчаяние, видя, что ни годы, ни самый изменившийся дух его произведений ничего не изменили в том предубеждении, которое раз навсегда на него упало и, так сказать, уничтожило все его будущее? Вы называете его и теперь демагогическим писателем. По каким же его произведениям даете вы ему такое имя? По старым или по новым? И какие произведения его знаете вы, кроме тех, на кои указывала вам полиция и некоторые из литературных врагов, клеветавших на него тайно? Ведь вы не имеете времени заниматься русскою литературою и должны в этом случае полагаться на мнение других?

А истинно то, что Пушкин никогда не бывал демагогическим писателем. Если по старым, ходившим только в рукописях, то они все относятся ко времени до 1826 года; это просто грехи молодости, сначала необузданной, потом раздраженной заслуженным несчастьем. Но демагогического, то есть написанного с намерением волновать общество, ничего не было между ними и тогда. Заговорщики против Александра пользовались, может быть, некоторыми вольными стихами Пушкина, но в их смысле (в смысле бунта) он не написал ничего, и они ему были чужды. Это, однако, не помешало (без всяких доказательств) причислить его к героям 14 декабря и назвать его замышлявшим на жизнь Александра. За его напечатанные же сочинения и в особенности за его новые, написанные под благотворным влиянием нынешнего государя, его уже никак нельзя назвать демагогом. Он просто русский национальный поэт, выразивший в лучших стихах своих наилучшим образом все, что дорого русскому сердцу. Что же касается до политических мнений, которые имел он в последнее время, то смею спросить ваше сиятельство, благоволили ли вы взять на себя труд когда-нибудь с ним говорить о предметах политических? Правда и то, что вы на своем месте осуждены думать, что с вами не может быть никакой искренности, вы осуждены видеть притворство в том мнении, которое излагает вам человек, против которого поднято ваше предубеждение (как бы он ни был прямодушен), и вам нечего другого делать, как принимать за истину то, что будут говорить вам (о нем) другие. Одним словом, вместо оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда неверными и весьма часто испорченными, злонамеренных переводчиков. Я сообщу вашему сиятельству в немногих словах политические мнения Пушкина, хотя наперед знаю, что и мне вы не поверите, ибо и я имею несчастье принадлежать к тем оригиналам, которые известны вам по одним лишь ошибочным переводам. *Первое.* Я уже не один раз слышал и от многих, что Пушкин в государе любил одного Николая, а не русско-

го императора и что ему для России надобно было совсем иное. Уверяю вас напротив, что Пушкин (здесь говорится о том, что он был в последние свои годы) решительно был утвержден в необходимости для России чистого, неограниченного самодержавия, и это не по одной любви к нынешнему государю, а по своему внутреннему убеждению, основанному на фактах исторических (этому теперь есть и письменное свидетельство в его собственноручном письме к Чадаеву). *Второе.* Пушкин был решительным противником *свободы книгопечатания*, и в этом он даже доходил до излишества, ибо полагал, что свобода книгопечатания вредна и в Англии. Разумеется, что он в то же время утверждал, что цензура должна быть строга, но беспристрастна, что она, служа защитой обществу от писателей, должна и писателя защищать от всякого произвола. *Третье.* Пушкин был враг Июльской революции. По убеждению своему он был карлист; он признавал короля Филиппа необходимою гарантией спокойствия Европы, но права его опровергал и непотрясаемость законного наследия короны считал главной опорой гражданского порядка. Наконец, *четвертое.* Он был самый жаркий враг революции польской и в этом отношении, как русский, был почти фанатиком. Таковы были главные, коренные политические убеждения Пушкина, из коих все другие выходили как отрасли. Они были известны мне и всем его ближним из наших частых, непринужденных разговоров. Вам же они быть известными не могли, ибо вы с ним никогда об этих материях не говорили; да вы бы ему и не поверили, ибо, опять скажу, ваше положение таково, что вам нельзя верить никому из тех, кому бы ваша вера была вниманием, и что вы принуждены насчет других верить именно тем, кои недостойны вашей веры, то есть доносчикам, которые нашу честь и наше спокойствие продают за деньги или за кредит, или светским болтунам, которые неподкупною (следующее слово неразборчиво), иногда одним словом, брошенным на ветер, убивают доброе имя. Как бы то ни было, но мнения политические

Пушкина были в совершенной противоположности с системой буйных демагогов. И они были таковы уже прежде 1830 года. Пушкин мужал зрелым умом и поэтическим дарованием, несмотря на раздражительную тягость своего положения, которому не мог конца предвидеть, ибо он мог постичь, что не изменившееся в течение десяти лет останется таким и на целую жизнь и что ему никогда не освободиться от того надзора, которому он, уже отец семейства, в свои лета подвержен был как двадцатилетний шалун. Ваше сиятельство не могли заметить этого угнетающего чувства, которое грызло и портило жизнь его. Вы делали изредка свои выговоры с благим намерением и забывали об них, переходя к другим важнейшим вашим занятиям, которые не могли дать вам никакой свободы, чтобы заняться Пушкиным. А эти выговоры, для вас столь мелкие, определяли целую жизнь его: ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу, ему нельзя было произвольно ездить и по России, ему нельзя было своим друзьям и своему избранному обществу читать свои сочинения; в каждом стихах его, напечатанных не им, а издателем альманаха с дозволения цензуры, было видно возмущение.

Позвольте сказать искренно. Государь хотел своим особенным покровительством остепенить Пушкина и в то же время дать его гению полное его развитие; а вы из сего покровительства сделали надзор, который всегда притеснителен, сколь бы, впрочем, ни был кроток и благороден (как все, что от вас истекает).

Обращаюсь теперь ко второму предмету, о коем хотел говорить с вашим сиятельством: к тому, что произошло по случаю смерти Пушкина. Я долго колебался, писать ли к вам об этом. Об этом происшествии уже не говорят; никаких печальных следствий оно не имело, толки умолкли — для чего же возобновлять прение о том, что лучше совсем изгладить из памяти. Это правда; но если общие толки утихли, то предубеждение еще осталось, и многие благоразумные люди не шутя уверены, что было намерение воспользоваться смер-

тию Пушкина для взволнования умов; но главное то, что я считаю своею обязанностию отразить в глазах государя императора то обвинение, которое на меня и на немногих друзей Пушкина падает, и сказать слово в оправдание наше, не обвиняя никого и даже не имея никакой надежды быть оправданным.

Если бы Пушкин умер после долговременной болезни или после быстрого удара, о нем бы пожалели, общее чувство национальной потери выразилось бы в разговорах, каких-нибудь статьях, стихами или прозою; в обществе поговорили бы о нем и скоро бы замолчали, предав его памяти современников, умевших ценить его высокое дарование, и потомству, которое, конечно, сохранит к нему чистое уважение. Но Пушкин умирает, убитый на дуэли, и убийца его француз, принятый в нашу службу с отличием; этот француз преследовал жену Пушкина и за тот стыд, который нанес его чести, еще убил его на дуэли. Вот обстоятельства, поразившие вдруг все общество и сделавшиеся известными во всех классах народа, от Гостиного двора до петербургских салонов. Если бы таким образом, погиб и простой человек, без всякого национального имени, то и об нем заговорили бы повсюду, но это была бы просто светская болтовня, без всякого особенного чувства. Но здесь жертвою иноземного развратника сделался первый поэт России, известный по сочинениям своим большому и малому обществу. Чему же тут дивиться, что общее чувство при таком трагическом происшествии вспыхнуло сильно. Напротив, надлежало бы удивиться, когда бы это сильное чувство не вспыхнуло и если бы в обществе равнодушно приняли такую внезапную потерю и не было бы такое равнодушие оскорбительно для чувства народности. Прибавить надобно к этому и то, что обстоятельства, предшествовавшие кровавой развязке, были всем известны, знали, какими низкими средствами старались раздражить и осрамить Пушкина; анонимные письма были многими читаны, и об них вспомнили с негодованием. Итак, нужно ли было кому-ни-

будь особенно заботиться о том, чтобы произвести в обществе то впечатление, которое неминуемо в нем произойти должноствовало? Разве дуэль была тайною? Разве обстоятельства его были тайною? Разве погиб на дуэли не Пушкин? Чему же дивиться, что все ужаснулись, что все были опечалены и все оскорбились? Какие же тайные агенты могли быть нужны для произведения сего неизбежного впечатления?

Весьма естественно, что, после того как распространилась в городе весть о гибели Пушкина, поднялось много разных толков; весьма естественно, что во многих энтузиазм к нему как к любимому русскому поэту оживился безвременной трагическою смертью (в этом чувстве нет ничего враждебного; оно, напротив, благородное и делает честь нации, ибо изъявляет, что она дорожит своею славою); весьма естественно, что этот энтузиазм, смотря по разным характеристам, выражался различно, в одних с благоразумием умеренности, в других с излишнею пылкостью; в других, и, вероятно, во многих, было соединено с негодованием против убийцы Пушкина, может быть, и с выражением мщения. Все это в порядке вещей, и тут еще нет ничего возмутительного. Не знаю, что в это время говорилось и делалось в обществе (ибо и я, и прочие обвиненные друзья Пушкина были слишком заняты им самим, его страданиями, его смертью, его семейством, чтобы заботиться о толках в обществе и еще менее о том, как бы производить эти толки), но по слухам, дошедшим до меня после, полагаю, что блюстительная полиция подслушала там и здесь (на улицах, в Гостином дворе и проч.), что Геккерну угрожают; вероятно, что не один, а весьма многие в народе ругали иноземца, который застрелил русского, и кого же русского, Пушкина? Вероятно, что иные толковали между собою, как бы хорошо было его побить, разбить стекла в его доме и тому подобное; вероятно, что и до самого министра Геккерна доходили подобные толки, и что его испуганное воображение их преувеличивало, и что он сообщил свои опасения и требовал защиты. С другой стороны, веро-

ятно и то, что говорили о Пушкине с живым участием, о том, как бы хорошо было изъявить ему уважение какими-нибудь видимыми знаками; многие, вероятно, говорили, как бы хорошо отпрячь лошадей от гроба и довести его на руках до церкви; другие, может быть, толковали, как бы хорошо про-изнести над ним речь и в этой речи поразить его убийцу, и прочее, и прочее. Все подобные толки суть единственное следствие подобного происшествия; его необходимый, неизбежный отголосок. Блюстительная полиция была обязана обратить на них внимание и взять свои меры, но взять их без всякого изъявления опасения, ибо и опасности не было никакой. До сих пор все в порядке вещей. Но здесь полиция перешла за границы своей бдительности. Из толков, не имевших между собой никакой связи, она сделала заговор с политической целью и в заговорщики произвела друзей Пушкина, которые окружали его страдальческую постель и должны бы были иметь особенную натуру, чтобы, в то время как их душа была наполнена глубокою скорбью, иметь возможность думать о волновании умов в народе через каких-то агентов, с какою-то целью, которой никаким рассудком постигнуто быть не может. Раз допустивши нелепую идею, что заговор существует и что заговорщики суть друзья Пушкина, следствия этой идеи сами собою должны были из нее излиться. Мы день и ночь проводили перед дверями умирающего Пушкина; на другой день после дуэли, то есть с утра 28-го числа до самого выноса гроба из дома, приходили посторонние, сначала для осведомления о его болезни, потом для того, чтобы его увидеть в гробе, — приходили с тихим, смиренным чувством участия, с молитвою за него и горевали о нем, как о друге, скорбели о том великом даровании, в котором угасла одна из звезд нашего отечества, и в то же время с благодарностию помышляли о государе, который, можно сказать, был впереди нас тем участием, что так человечески, заодно с нами выразил в то же время. За государя, очистившего, успокоившего конец Пушкина, простое трогательное, христианское выражение национального чувства —

и все это делалось так тихо; более десяти тысяч человек прошло в эти два дня мимо гроба Пушкина, и не было слышно ни малейшего шума, не произошло ни малейшего беспорядка; жалели о нем; большая часть молилась за него, молилась и за государя; почти никому не пришло в голову, в виду гроба, упомянуть о Геккерне. Что же тут было, кроме умиленного, кроме возвышающего душу? И нам, друзьям Пушкина, до самого того часа, в который мы перенесли гроб его в Конюшенную церковь, не приходило и в голову ничего иного, кроме нашей скорби о нем и кроме благодарности государю, который явился нам во всей красоте своего человеколюбия и во всем величии своего царского сана; ибо он утешил его смерть, призрел его сирот, уважил в нем русского поэта как русский государь и в то же время осудил его смерть как судия верховный. Какое нравственное уродство надлежало иметь, чтобы остаться нечувствительным перед таким трогательным величием и иметь свободу для каких-то замыслов, коих цели никак себе представить не можно и кои только естественны сумасшедшим.

Но, начавши с ложной идеи, необходимо дойдешь и до заключений ложных; они производят и ложные меры. Так здесь и случилось. Основываясь на ложной идее (опровергнутой выше), что Пушкин – глава демагогической партии, произвели и друзей его в демагоги. Друзья не отходили от его постели, и в то же время разные толки бродили по городу и по улицам (толки, не имеющие между собою связи). Из этого сделали заговор, увидели какую-то тайную нить, связывающую эти толки, ничем не связанные, и эту нить дали в руки друзьям его. Под влиянием этого непостижимого предубеждения все самое простое и обыкновенное представилось в каком-то таинственном, враждебном свете. Граф Строганов, которого уже нельзя обвинить ни в легкомыслии, ни в демагогии, как родственник, взял на себя учреждение и издержки похорон Пушкина; он призвал своего поверенного человека и ему поручил все устроить. И оттого именно, что граф Строганов взял на себя все издержки похорон, произош-

ло то, что они произведены были самым блистательным образом согласно с благородным характером графа. Он приглашал архиерея и, как скоро тот отказался от совершения обряда, пригласил трех архимандритов. Он назначил для отпевания Исаакиевский собор, и причина назначения была самая простая: ему сказали, что дом Пушкина принадлежал к приходу Исаакиевского собора; следовательно, иной церкви назначить было не можно; о Конюшенной же церкви было нельзя и подумать: она придворная. На отпевание в ней надлежало получить особенное позволение, в коем и нужды не было, ибо имели в виду приходскую церковь. Билеты приглашенным были разосланы без всякого выбора; Пушкин был знаком целому Петербургу; сделали для погребения его то, что делается для всех; дипломатический корпус приглашен был, потому что Пушкин был знаком со всеми его членами; для назначения же тех, кому посылать билеты, сделали просто выписку из реестра, который взят был у графа Воронцова. Следующее обстоятельство могло бы, если угодно, показаться подозрительным. Мне сказали, кто, право, не помню, что между приглашенными на похороны забыты некоторые из прежних лицейских товарищей Пушкина. Я отвечал, что надобно непременно их пригласить. Но было ли это исполнено, не знаю. Этим я не занялся, но если бы мною были рассылаемы билеты, то, конечно бы, лицейские друзья Пушкина не были забыты. Как бы то ни было, но все до сих пор в обыкновенном порядке. Вдруг полиция догадывается, что должен существовать заговор, что министр Геккерн, что жена Пушкина в опасности, что во время перевоза тела в Исаакиевскую церковь лошадей отпрягут и гроб понесут на руках, что в церкви будут депутаты от купечества, от университета, что над гробом будут говорены речи (обо всем этом узнал я уже после по слухам). Что же надлежало бы сделать полиции, если бы и действительно она могла предвидеть что-нибудь подобное? Взять с большею бдительностью те же предосторожности, какие наблюдаются при всяком обыкновенном

погребении, а не признаваться перед целым обществом, что правительство боится заговора, не оскорблять своими неслепыми обвинениями людей, не заслуживающих и подозрения, одним словом, не производить самой того волнения, которое она предупредить хотела неуместными своими мерами. Вместо того назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в нее ночью, с какой-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на который собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражею проводили тело до церкви. Какое намерение могли в нас предполагать? Чего могли от нас бояться? Этого я изъяснить не берусь. И, признаться, будучи наполнен главным своим чувством, печалью о конце Пушкина, я в минуту выноса и не заметил того, что вокруг нас происходило, уже после это пришло мне в голову и жестоко меня обидело.

*Гости
Пушкинского
альманаха*

Владимир Ястробов

Возвращаясь на Чёрную речку*

10 февраля 2012 г. исполнится 175 лет со дня трагической смерти великого русского поэта А.С. Пушкина. Он скончался 29 января по ст. стилю 1837 г. в 2 часа 45 минут пополудни.

Роковая дуэль Пушкина с Дантесом состоялась 27 января 1837 г. После ранения на дуэли Пушкин прожил 46 часов 15 минут. Дуэль и смерть поэта продолжают волновать наших современников. В социальном плане в предшествующие годы картина, характеризующая причины гибели Пушкина, была поставлена вверх ногами, с соответствующей расстановкой фигур. В действительности всё выглядело иначе.

Мы коснёмся только медицинских аспектов гибели Пушкина, хотя, безусловно, он погиб не только от огнестрельного оружия, – причины были также в общественной и придворной обстановке, в которой находился поэт до дуэли и после неё.

В результате оценки некоторых деталей напрашивается вывод, что даже при том состоянии медицинской науки и практики, которое имело место в первой трети XIX века, уровень её оказания Пушкину был значительно ниже возможностей передовой отечественной хирургии тех лет. Можно ли было спасти Пушкина? На этот вопрос пытались ответить выдающиеся российские хирурги С.С. Юдин, Н.Н. Бурденко, Б.В. Петровский и другие, в том числе и наш земляк профессор М.С. Рабинович. Среди современников, находившихся рядом с раненым Пушкиным, был хорошо известный в России и за ее пределами врач-хирург, писатель, состави-

* Сибирский край, № 16/2008–2009.

тель «Толкового словаря» В.И. Даль, который оставил «Воспоминания о Пушкине». В наши дни праправнук В.И. Даля доктор Л. Журавский также размышлял об уровне оказания помощи раненому Пушкину.

Судя по имеющимся публикациям, рана Пушкина изначально не была смертельной, т.к. не был повреждён пулей ни один жизненно важный орган или магистральный кровеносный сосуд, рана не была столь обширной.

На первоначальном отрезке своего пути пуля благополучно миновала жизненно важные органы, пройдя ниже почки и позади петель кишечника. Затем, ударившись о крыло правой подвздошной кости с внутренней стороны, скользнула по его вогнутой поверхности, отщепляя острые мелкие осколки, и, раздробив крестец, прочно засела в нём.

Пушкин потерял при наружном кровотечении около 750 мл крови, т.е. на месте дуэли и в пути, составлявшем около 7,5 км до дома на Мойке.

Всего раненый потерял 2 л крови. Но это не было кровотечение из крупного сосуда, иначе он скорее всего погиб бы на месте дуэли.

Считается, что даже такая большая кровопотеря не являлась абсолютно смертельной. Но всё вместе взятое: кровопотеря, шок, тяжёлое нервно-психическое состояние раненого — значительно ослабило силы сопротивления его организма инфекции и, безусловно, отрицательно отразилось на дальнейшем развитии осложнений. У него развился перитонит с молниеносным течением.

Первым врачом, на которого натолкнулся Данзас, был акушер В.Б. Штольц. Затем хирург К. Задлер, который был без инструментов. Лидером в назначении тактики ведения раненого поэта был присланный царём Николаем I лейб-медик Н.Ф. Арендт. У него сразу сложилось мнение о том, что рана смертельна, т.е. исход предрешён. В числе эрудированных хирургов, бывших 27 января 1837 г. в доме раненого Пушкина, был профессор Медико-хирургической академии И.В. Буяльский, известный как разработчик хирургических

операций на кровеносных сосудах, пластических операций, присутствовали также, хотя и кратко, профессор Х.Х. Саломон, опытный хирург; учёный Е.И. Андреевский – специалист по перитонитам.

Очевидно, Н.Ф. Арендта не интересовало мнение этих специалистов. Такое же подчинённое положение было у домашнего врача семьи Пушкиных, профессора судебной медицины И.Т. Спасского и В.И. Даля.

Их функции сводились к выполнению предписаний Арендта, в числе которых не было ни одного радикального средства для остановки кровотечения и восполнения кровопотери, не говоря о проведении операции. Вместо этого он назначил поставить раненому 25 пиявок, что привело к дополнительной потере 250–300 мл крови.

Не отличались продуманностью и шадящей тактикой действия секунданта К.К. Данзаса ещё на дуэльной площадке. Он не побеспокоился срочно вызвать врача, не позаботился о тёплой карете для раненого.

Данзас не разработал со своим доверителем тактику поединка, а существовавший дуэльный кодекс неоднократно был нарушен.

Когда у тяжелораненого Пушкина наблюдалось сильное кровотечение и он дважды терял сознание, Данзас не мог наложить хотя бы простую повязку. Мало того, секунданты безуспешно пытались поставить Пушкина на ноги. Поэт в крови лежал на снегу, пока с трудом подогнали сани, а затем с полверсты везли раненого по очень тряской дороге.

То ли в результате растерянности, то ли с целью скрыть дуэль (они были запрещены), но маршрут коляски с Пушкиным пролегал не к Медико-хирургической академии, а домой – на Мойку. А ведь в Медико-хирургической академии поэту могла быть оказана специализированная помощь. В результате только после доставки поэта домой были приняты поиски врача в частных квартирах.

Нельзя отрицать возможность спасения поэта, если бы ему была сделана операция. Ведь каждый раз, становясь к

операционному столу, хирург надеется на успех. Ясно и ещё одно: применение обезболивающих медикаментов было недостаточно.

И ещё одно ненужное вмешательство, назначенное Арендтом, «промывательное» – клизма. Это была мучительная процедура для человека, имеющего значительные повреждения костей таза, о которых врачи и не предполагали. «...Боль в животе возросла до высочайшей степени, – записал И.Т. Спасский. – Это была настоящая пытка...». Во всё время болезни Пушкина необыкновенная твёрдость его души раскрылась в полной мере. Готовый вскрикнуть, он только стонал, боясь, как он говорил, чтобы жена не услышала, чтобы её не испугать.

Наверное, только современный врач в полной мере может оценить предсмертное мужество поэта, сумевшего пересилить невероятные страдания и исполнить долг христианина – проститься с семьёй, благословить детей и жену.

Пушкин прожил 37 лет 8 месяцев и 4 дня. Однако своей гениальной поэзией и прозой он «памятник себе воздвиг нерукотворный».

Анатолий Лисица

Душа поэта

Он умер, давно похоронен. Кладбище
Хранит его кости и память о нем.
Там ветры порою неистово свищут,
И солнце на плитах играет огнем.
Зимою сугробы, снега по колено.
А осенью листья и липкая грязь.
Душа у поэта осталась нетленна,
И с миром ее не закончится связь.

*Страницы
школьного
учителя*

Работы лауреатов фестиваля
«Под сенью Пушкина творят учителя»

Наталья Ананенко

Все ли мы сказали о Пушкине?..

*Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений.*
Ф. Глинка «К Пушкину»

Пушкин. Я произношу его имя! Реакция окружающих? Ждут, что я сейчас начну читать стихи. Нет! Нет!! У меня – другая цель: я хочу говорить о нём, как о некой Тайне...

Я заявила: «Мой Пушкин – Гений...». Понимая, что его нельзя рассматривать как обычного человека – ведь он Гений, пытаюсь разобраться. Гениален... непонятен. Он был не как все: совсем не красив и одновременно прекрасен (африканское происхождение и отблеск гениальности сделали своё дело), притягивал к себе особой привлекательностью и обаянием. Жена Нащокина, Вера Александровна, вспоминает: «Шатен с голубыми глазами и выующимся волосом духовно красив, в глазах – бездна дум». Брат, Лев Сергеевич, подмечает: «Внешне дурён, – лицо выразительное, ростом мал». Но ведь выбрал-то себе в жены красавицу... Выбор, предначертанный свыше?! Чем больше узнаю подробностей биографии, тем больше убеждаюсь: не такой!

Прошло почти 2 века, а мы говорим о Нём, читая стихи, удивляемся: запоминаются мгновенно... Всматриваюсь в его портрет – и, о Боже! Вижу: он красив (где были мои глаза

раньше?) Анализирую отношения с друзьями – поражаюсь верности (но ведь вспыльчив, нетерпелив, горяч, неровен в обращении: робость с дерзостью, любезность со скукой – все перемешалось в этом человеке). Ловлю себя на мысли: не такой!

А если о творчестве... Болдино приводит в недоумение: возможно ли подобное?! Не такой!

Гений! Гений! Гений во всем! Лаконичнее Р.В. Иезуитовой, заместителя директора по научной работе Всероссийского музея Пушкина, доктора филологических наук, и не скажешь о Пушкине. Действительно, с одной стороны, о нём всё сказано, хронологизировано: Москва, детство; 6 лет учебы в Лицее, ранняя молодость в Петербурге; служебная командировка?... в сущности – ссылка на юг; ссылка в Михайловское (1824–26 гг.), несколько лет жил то в Москве, то в Петербурге, бывая у друзей в Тверской губернии; поездка в Арзрум (1829); время после женитьбы, с 1831 года он окончательно перебирается в Петербург.

Сегодня мы так и преподаем Пушкина в школе. Меня волнует немного другое: как рассказывать про Пушкина, чтобы Дух захватило? Чтобы не возникло желания у детей отодвинуть гениальный томик и предпочесть телевизионную версию книги?

Мне пришла в голову мысль: не провести ли урок-назидание? С чего же начать? Задача-то: удивить!!! Может, совершить заочное путешествие? Решаюсь! Предлагаю своё путешествие начать с Царского Села, заглянув непременно в Лицей, четырехэтажный флигель Екатерининского дворца, построенный в конце XVIII века архитектором И.В. Нееловым и перестроенный для учебного заведения В.П. Стасовым.

Волею Николая I в 1843 году Царскосельский лицей был закрыт и переведен в здание бывшего Александровского сиротского дома на Каменноостровском проспекте. Здание сохранено до сих пор. «Спасибо судьбе, сотрудникам этого музея, что они сберегли не только пушкинские традиции, но и овеществлённую память о Пушкине и его друзьях-лицейс-

тах», – говорила на своей лекции «Живая история литературы» студентам Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов в День знаний в университете Р.В. Иезуитова (мне же посчастливилось побывать в этом прекрасном храме наук).

«Бывая в Петербурге, – продолжаю я своё повествование детям, – стремлюсь в Лицей. Появилась возможность и у меня на переломе веков понаблюдать: что меняется?

... В далёких 70-х XX века Пушкин (через рассказы экскурсоводов) запечатлелся в моей памяти мальчиком-лицеистом, упрямым проказником с дерзким умом, умеющим дружить и пронести впоследствии эту дружбу через годы, давшим клятву:

*Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я*

(«Разлука», 1817 г.)

Я прислушивалась к экскурсоводу, ловила любую подробность... Он запомнился мне... патриотом (война 1812 года собирала под свои знамёна лучших сынов Отечества, мальчишкам-лицеистам оставалось только плакать и прощаться с ними).

*Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...*

И, конечно же, не сказать о впечатлениях от лицейского зала с огромным столом в середине, покрытым красным бархатом, на котором лежит лицейская грамота, нельзя...

Я непременно буду возвращаться к Лицею в разговоре... Решив, что интересно будет послушать о газете времён Пушкина, я продолжаю свой рассказ...

«Сенатские ведомости» (по утверждению архивной эвристики), несомненно, читали лицеисты. Страницы были наполнены разными подробностями: в № 27 от 8 июня 1810 г.

утвердили форму мундиров для воспитанников, в № 17 за 1811 год были опубликованы сведения о знакомых Пушкина, педагогах: А.П. Куницыне, В.А. Энгельгардте, профессоре Н.Ф.Кошанском, инспекторе Нумерсе... А далее о том, что выпускникам Лицея пожалованы чины титулярных советников, коллежских секретарей, о назначении содержания (жалования), если посвятят себя гражданской службе: 700-800 рублей в год. Пушкин назван 14-м с указанием, что ему пожалован чин коллежского секретаря. Фамилия Пушкина будет фигурировать и в других номерах: в № 51/1831г. поэт всемилостивейше пожалован волею Государя императора в титулярные советники; в № 2/1834 – в камер-юнкеры двора; о предании военному суду Пушкина, Дантеса и всех причастных к дуэли лиц (Пушкин с особой щепетильностью относился ко всему, что касалось чести и достоинства его и его близких; до 10 раз он вызывал на дуэль). Но это факты конца его жизни.

Номера газеты пестрели извещениями о выходе в свет сочинений Пушкина, о цене того или иного издания или портрета поэта; об истории отношений с И.И. Пущиным, другом жизни, Ф.Ф. Вигелем – вице-директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Грибоедовым; об отъезжающих за границу, о месте проживания (где кого найти на Невском)...

Не помню, кому принадлежит высказывание, суть которого в том, что «...великий поэт – это не автор каких-то хороших стихов и только, великий поэт – соавтор истории народа. Он всегда несёт ответственность перед своим народом».

Выше я говорила об уроке-назидании... Я имела в виду, что жизнь Пушкина – это не только гражданский поступок, это нравственный урок всем нам. Ведь назначение Гения – воспитывать свой народ.

Предполагаю, что Александр Сергеевич и не думал, что он гениален: писал да писал свои стихи. Только у одних это забава или ремесло, а у Пушкина получалось выразить душу своего народа, России в самом высоком её проявлении.

Интерес к пушкинским стихам не должен иссякать ни у одного нормального человека. О Пушкине надо говорить, не переводя духа... Пушкин разнообразен: он первый прозаик, историк, лицеист и спортсмен, любовник, друг... так, кажется, о нём рассказывал А. Битов.

Кстати, Александр Сергеевич не любил портретироваться. Говорил: «Скучно». Он всегда был невыездным, между приятелями «громил» Запад, никогда не бывал за границей. Пушкиновед и пушкинолюб, художник Резо Габриадзе при помощи пера фантазировал: «Ах, если бы Пушкин прибыл в Париж: объезжал бы коня, купил бы 2 гитары, ловил бы в реке скользкие камни, усакал бы от посла, дорогой гитарой погоняя коня, влюбился, нюхал бы розы» Как здорово! Разве об этом можно не говорить. Пытаясь говорить о Пушкине как о человеке, которому не чуждо все человеческое, вспоминаю, как прекрасные гиды в очередной раз водили меня и моих учеников в Санкт-Петербурге по пушкинским местам: в гости на набережную к «Чижику-пыжику» (бросали и мы монетки, соревнуясь в меткости, как Пушкин и его приятели 2 века назад), в Летний сад, за прогулки в котором его упрекала жена. «Нашла за что браниться! За Летний сад и за дружбу с Соболевским. Да ведь Летний сад мой огород. Я, вставши от сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нём, читаю и пишу... Я в нём дома», – говорил Пушкин в ответ.

«Дорога» опять приводит в Царское Село. Удивительнейшие подробности из жизни Пушкина не перестают поражать. Оказывается, ему не чуждо было поиграть в чехарду, переброситься записочками, когда все уже спали (из комнаты № 14 в соседнюю № 13 через перегородку: она не была глухой). Кстати, будучи взрослым человеком, прославленным поэтом, письма к бывшим лицеистам он будет подписывать № 14. Ничего не стоило неожиданно поднырнуть щучкой в одном из водоёмов: пускай даже мелькнув первозданной наготой перед прогуливающимися по берегу высокими особами... Важнее было обучить товарища плаванию по-лягуша-

чьи «А...это ты, Вяземский?» Не успев получить ответа, «учитель» исчез... А я в своем «путешествии» «иду» тропинками, по которым, возможно, ходил Пушкин. Любуюсь! Смотрю под ноги, втайне мечтаю: вдруг наступлю на след поэта?

Прекраснейший пригород Санкт-Петербурга, поэтический зеленый городок с аллеями старых лип, солнечными полянами, березовыми рощами, массой воды: озёра, пруды, протоки, каскады, фонтаны; с причудливыми беседками, гротами, мраморными статуями не мог не пробудить гения. Фантазия, вдохновение, творчество рождались, проявлялись и совершенствовались...

Незаурядные мальчишки превращались в юношей, имена которых украсят историю русской культуры. А пока они пылко дружат, клянутся, обсуждают жгучие проблемы, предчувствуют разлуку, которая в скором будущем выльется в строки:

*Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.*

И сегодня в стенах Лицея образ юного поэта постоянно возникает перед присутствующими, всюду «слышатся» его стихи (или мы их про себя шепчем?).

Мы мысленно присутствуем с ним на публичном переводном экзамене. Патриарх русской поэзии Г.Р. Державин был в восхищении от стихотворения «Воспоминания в Царском Селе». Он назовет Пушкина своим преемником.

*Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.*

Почему он так понравился Державину? Может быть, за поэтический язык? «Смуглый отрок» неподражаем. Но он прежде всего человек... Сколько забот у него, переживаний, неразрешимых, казалось, проблем ляжет на его плечи.

Не будет никакого взаимопонимания с отцом... «Нога моя дома не будет», – уверял он брата. Страсти остывали, обе

стороны примирялись. С Надеждой Осиповной отношения были другие. О некоторой холодности их мы слышаны... Но не всегда говорим о том, что она всячески старалась сыну помогать. Когда она заболела, он будет ухаживать за ней с нежностью и уделять ей от малого своего состояния. Она, узнав об этом, попросит у него прощения... Похоронены они будут вместе в Святогорском монастыре (Псковская губерния Опочецкого уезда, монастырь Святые Горы). Нехватка денег будет рождать хандру: «...все и всё меня обманывают, – опять он пишет брату Льву, который беспечно транжирил деньги, но знал: Александр проплатит долги... А пока он тоже купался в лучах славы брата, невольно отсвечивающихся и на нём.

Восхищённый стихами Пушкина, В.А. Жуковский писал П. Вяземскому: « Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет...» Чутьё друга, наставника, учителя не подвело. «Плетя венок славы» Пушкину, нельзя пройти мимо откровения В.Жуковского: «Ты имеешь не дарование, а гений... Ты богач. У тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастья и обратить в добро заслуженное, ты более нежели кто-нибудь можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим... Плыви, силач!»

Вторит ему и Д. Веневитинов: Известно мне: доступен гений Для гласа искренних сердец...

Пушкин в окружении друзей и врагов, близких и не очень, многогранен и интересен. Его сформировали представители русского Просвещения, с одной стороны (бюстик Вольтера на любой экспозиции всегда где-то рядом – показатель европейской ориентации), а с другой – родственные корни.

А я опять на лекции и слышу: «Долгое время портрет Абрама Петровича Ганнибала (прадеда поэта) считался настоящим. Сейчас это поставлено под сомнение». Разве не интересно об этом поговорить? А вот портрет Ивана Абрамовича Ганнибала, двоюродного деда поэта, представляю-

щего ганнибаловскую линию в генеалогическом древе Пушкина, не вызывает споров.

Сегодня на экспозиции в Церковном флигеле Екатерининского дворца в одном из залов, кажется, фрагменте кабинета Сергея Львовича Пушкина, образованнейшего человека своего времени, представлены ближайшие предки Александра Сергеевича – прадед Алексей Федорович Пушкин и прабабушка Сарра Юрьевна Ржевская-Пушкина. Новаторством выставок о Пушкине на Мойке, 12 является то, что «говорят» о нём не цитаты и портреты, а мебель, книги, журналы, предметы прикладного искусства... Это тоже здорово, современно, востребовано...

Хочется остановиться на графике Пушкина, которую исследователь А.И. Эфрос назвал «дитя пауз».

Все, что рождалось в голове, в душе, «запрессовано» в текст изображения. Более 60 раз зарисовал себя поэт: он словно «за руку» ведет нас по жизни: вот таким он в садах Лицея был, а теперь в дряхлой старости, облезлый, плешивый, сейчас он на коне с копьём и – вдруг «вылепился» придворным арапом, лакеем...

Но... почему же в тюрбане? Да ещё и с пером?

Есть просто биография, а есть ещё и биография Души. А я рассматриваю дальше. Что же вижу? Столбцы цифр долга и профили Натальи Николаевны, чаще на некоторых портретах поэта следы страдания, нахмуренные брови, потупленные глаза, ввалившиеся щеки, реже – просветления (в лавровой короне). Воскрес?! Возможно!

Почему бы не создать портретный зал..? На манер зала с иконами? Шёл бы и шёл народ и кланялся. А может быть, он уже есть? Слова не важны, человек может читать по лицу, ведь «пунктир» своей жизни, столь наполненной и прекрасной, тяжёлой и одновременно правдивой, Пушкин нам нарисовал.

Пушкина не стало. Тайно, запретив отпевать в Исаакиевском соборе (люди уже и билеты приобрели), полиция приказала отнести тело в Конюшенную церковь (из письма

А.И. Тургенева брату – Н.И. Тургеневу от 31 января 1837 года). Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку...

Жизнь... Такой короткий миг... Как её прожить? Никто не знает точного рецепта... Д. Давыдов, прошедший пыл наполеоновских и других войн, был потрясён: рано умер громодержавный орел...

Нам, живущим в XXI веке, невдомек, что об одном не мог предположить Пушкин, что могут вандалы у его памятника в лицейском саду (скульптора Р.Баха) похитить лицейскую фуражку... Дожили!!! Одно успокаивает: «Пушкин! Ты крепкий мужик», – поют сегодня рэповцы. С одной стороны, как говорим, так и живем! Каков язык, таков и народ, а с другой – ведь поём

Может, тоже воскресаем? Опомнились...

Пусть эти слова будут переполняющей Душу благодарностью великому поэту! Пусть это будет Поклонение ему, создавшему гениальные вещи, которые и не на слуху. Как там он пишет в своем стихотворении «Телега жизни», которое невозможно не привести полностью:

*Хотя тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямицки лихой, седое время
Везет, не слезет с облучка.*

*С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошёл!*

*Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!*

*Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней*

*И, дремля, едем до ночлега –
А время гонит лошадей.*

Мы, живущие сегодня, что мы берём у того, кто так бескорыстно с нами делился секретами мудрости жизни, пройдя свой непростой путь, что возьмут на вооружение те, кому посчастливится жить в XXII веке?

Предполагала провести урок-назидание, а получился урок-сопереживание, урок, который в далёком будущем, если вспомнится, возможно, в Душах детей блеснёт искоркой Добра, Человечности и покаяния...

Андрей Шабалин

Солнечный ветер Александра Пушкина

*Дети любили Пушкина. Они говорили:
«Он весёлый! Смешной такой! – и гонялись
за ним босоногой стайкой».*
(из анекдотов, приписываемых Д. Хармсу)

Какой роман Жюль Верна посвящен строительству железных дорог в России? Кому принадлежит фраза: «Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать»? Какова предельная скорость солнечного ветра? Кто послужил прототипом главной героини романа «Анна Каренина» Льва Толстого?

«Я что – Пушкин?» – слегка оскорблённый собеседник пожимает плечами и, нимало не смущаясь (не стыдно не знать всего!), великодушно уступает право ответа на самый неожиданный вопрос первому поэту России, жившему двести лет назад.

Почему – Пушкин? Почему, предположим, не Ломоносов, стоявший у истоков всех российских наук? Не кто-нибудь из великих государственных мужей, как известно, щедро наделённых всевозможными талантами? Не сказочный, наконец, Иванушка-дурачок, что по-своему логично: какой с дурака спрос?

Легко допускаю, что со знаменитой фразой Вольтера о существовании Бога Пушкин, большой любитель парадоксов, был прекрасно знаком. Не мог, к счастью, не мог вообразить, увидеть поэт трагическую судьбу своей родной дочери – Марии Александровны Гартунг, жизненная история которой поразила Толстого...

«Пушкин знает всё» – это аксиома. Как «в Греции всё есть» или «говорить неправду нехорошо». Но это – лишь на рас-

стоянии: существует оправдательная ложь во спасение, а в Греции, случись необходимость, может не оказаться хорошего берёзового веника. Всезнающий Пушкин – именно на расстоянии, когда не важны детали, а имя – знак, символ странного избирательного народного доверия.

Мне кажется, не последнюю роль в этом оригинальном выборе сыграло самое широкое присутствие Александра Пушкина в наших традиционных образовательных программах; он – почти в каждом классе. Как хлеб на столе. Или соль. Ты можешь вовсе не есть хлеба и не любить солёного, но не иметь на столе хлеба и соли как-то... нехлебосольно, не по-русски как-то.

Каждый из нас, так получилось, прошагал с Пушкиным изрядный отрезок жизненного пути: учился читать – с Балдой, сопереживал – с Самсоном Выриным, вырослел – с Онегиным; кажется, поэт стал своим, узнаваемым, как чёрно-белая фотография в семейном альбоме. Таится тут и определённая опасность: привычное может растерять черты исключительности, великое – забронзоветь, покрыться лаком расхожих представлений.

В «Ералаше», помнится, был замечательный сюжет. Скромный писатель приглашён на встречу с юными читателями. Дети, подбадриваемые педагогами, задают гостю правильные вопросы. Один из вопросов – о причинах популярности литератора. «А я известный?» – искренне удивляется честный писатель. «Конечно!» – радуются за него дети. «И как меня зовут?» Ученики, сконфуженные, молчат. «Я вам помогу, ребята, – писатель наливается мстительным торжеством. – Моё имя – Александр Сергеевич...» «Пушкин!» – счастливый, выдыхает зал.

«Пушкин – великий русский поэт... у него была няня Арина Родионовна... жил в Михайловском... написал много замечательных стихотворений... его убили на дуэли» – обычный набор стереотипных знаний, который хранится в памяти каждого ученика.

Есть стереотипные знания и стереотипное сознание. Если первое может и должно использоваться как универсальное

практическое средство освоения жизненного пространства, то второе, выстроенное на начальном этапе образования, неизбежно встанет непреодолимой преградой на пути формирования яркой творческой личности.

Разрушение всех стереотипов на уроках словесности не должно стать самоцелью учителя. Есть фундаментальные знания, без которых на современном уроке не обойтись. Нельзя не знать хронологических рамок литературного направления, если речь заходит о творческих поисках конкретного автора в это время. Если художественное произведение было рождено в год знакового исторического события, мы должны постараться назвать этот год. Гоголь родился именно на Украине. Без Кавказа нет полного Лермонтова. Другой Пушкин – без южной ссылки, Михайловского, Болдино...

Интерес к творчеству отдельно взятого автора – едва ли не единственный критерий современности писателя, его творческого бессмертия. Здесь на первом месте, конечно, содержательная сторона произведения, вечные вопросы, которые решают его герои. Но и сам писатель, его личностные черты, часто самые неожиданные, могут пробудить в читателе не меньший интерес.

Александр Пушкин в молодости носил на мизинце золотой напёрсток, чтобы не повредить оттощенный по тогдашней моде ноготь; шокировал чопорную одесскую аристократию оранжевыми шароварами и турецкой феской на демонстративно обритой голове; очень любил пожарские котлеты – разумеется, случайные биографические штрихи, взятые из книги В.В. Вересаева «Пушкин в жизни», не раскрывают тайны творческого гения поэта, но перед нами Пушкин «не на расстоянии», но живой человек; и, может статься, для кого-то из учеников это много современнее, ближе, чем, например, месяц и год написания «Анчара» или название губернии, в которой происходят основные события романа «Дубровский».

Великим разрушителем стереотипного сознания был Даниил Хармс. В приписываемых ему литературных анекдотах есть всё, кроме официальной литературы: писатели на-

делены несуществующими талантами, время и пространство перекручены самым фантастическим образом. Но герои анекдотов – живые люди, наделённые яркой индивидуальностью; это великие русские литераторы, какими их видит, чувствует Даниил Хармс; как творческий, равнодушный читатель он имеет на это право.

Перечитывая анекдоты Хармса, обращаешь внимание на следующий любопытный факт. Каждый из участников литературной фантасмагории наделён каким-то одним доминирующим качеством. Например, Лев Толстой из анекдота в анекдот очень любит детей; Гоголь любит переодеваться Пушкиным; Тургенев невероятно пуглив и постоянно убегает в Баден-Баден; Лермонтов очень горяч и чуть что хватается за оружие...

Пушкин – разный! Он переодевается Гоголем, живёт на подоконнике у Вяземского, пугает, разумеется, Тургенева и даже как-то чинит часы загадочному Петрушевскому. Кроме того, Пушкин легче и естественнее других перемещается по выстроенной Хармсом временной вертикали. Как тут не вспомнить Андрея Вознесенского, который считал своими современниками Пушкина и Маяковского, рассекая время именно по вертикали, а не горизонтально.

Стать фольклорным персонажем, героем тех же анекдотов – в нашей культуре всегда было знаком самой высокой популярности.

История литературы сохранила достаточно много забавных историй, непременным участником которых являлся Александр Пушкин. Он то автор забавного каламбура, то мастер розыгрыша или просто молодой человек, который за словом в карман не полезет, кто бы из сильных мира сего перед ним ни стоял. Но и это тоже литературный анекдот, где легендарная личность живёт в замкнутом временном пространстве. Отчего Пушкин, который «должен всё знать», что уже по-настоящему «фольклорно», обожаемый всеми, не прорвался к нам именно в жанре современного анекдота? Как, допустим, находчивый поручик Ржевский, рассудительный Василий Иванович Чапаев, стареющий Брежнев?

Думается, нет здесь никакого противоречия: и вымышленные, и реальные герои анекдотов – опять же носители ограниченного набора характеристик. Современный анекдот, который по существу утратил функции самостоятельного «рассказа с забавным, смешным содержанием» (С.И. Ожегов), но стал продолжением однажды растиражированной серии, слишком узок для нашего Пушкина.

На уроке литературы мы нередко говорим о писателе и его героях в настоящем времени, и очень часто это не искусственная попытка связать прошлое и настоящее. Встреча с литературным именем или продолжение знакомства – всегда встреча с новым художественным материалом. Помочь ученику открыть в тексте «своего» Пушкина (или Гоголя, или Чехова), который будет интересен ребёнку как собеседник, современен ему, – главная задача учителя. Если же творческий, свободный диалог «автор–читатель» всё-таки состоялся, можно утверждать, что пространственно-временные координаты официального существования писателя и факт его творческого бессмертия наконец-то обрели мир.

«Живее всех живых» – это, конечно, о людях искусства, не о вождах. Бессмертие не создаётся при помощи строительных материалов и промышленных объёмов, бессмертие – в протянутой через поколения руке, в услышанном издали слове.

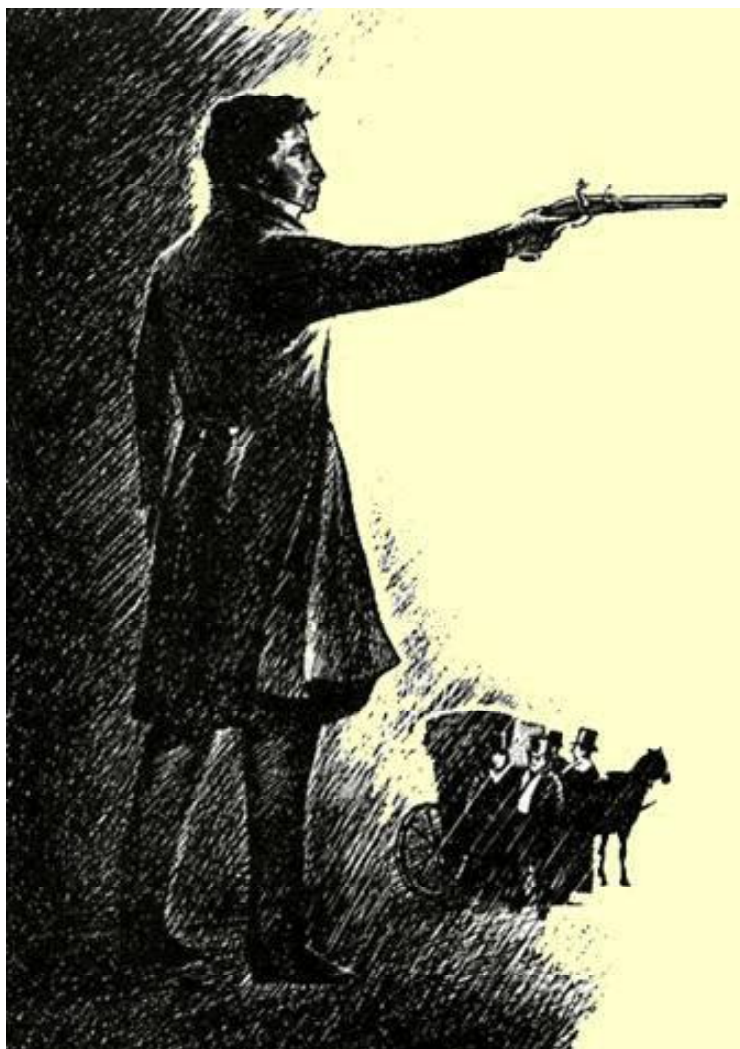
Кстати, о памятниках. Они на наших глазах проживают поистине трагические человеческие судьбы, потому что их жизненный путь, а нередко и гибель – в недолгой людской памяти, в поиске новых кумиров, в официальном пересмотре приоритетов.

...Иван Андреевич Крылов, насупясь, глядит сквозь листву деревьев на усеявшую аллеи Патриарших прудов неформальную молодёжь; дедушка сегодня здесь самый неформальный. Многие памятники (важны размер и наличие близости станций метро) – только место встречи гостей столицы. Тонко чувствуют конъюнктуру городские голуби – они всегда на монументах, канувших в Лету.

У памятника Пушкину работы Опекушина встречаются влюблённые – всех возрастов, в любое время года, из поколения в поколение. Политическая агитка, активист с мегафоном, определённого цвета транспарант здесь всегда будут смотреться бессмысленно и карикатурно. И это символично.

Я не знаю, что такое солнечный ветер и, конечно, не могу назвать его предельную скорость. Почему-то мне кажется, что эта величина – за нашими обычными представлениями о скорости. Пушкин, которому мы бесконечно верим, всегда молодой, всегда разный, солнечный, весёлый, влюблённый и, конечно, «великий русский поэт» – загадка бессмертия остаётся всё равно. Возможно, потому, что её секрет – за нашими обычными представлениями о гении поэта... или солнечном ветре, который пронизывает время и пространство так быстро, что мы этого не замечаем.

Изобразительная Пушкиниана

Александр Далин Маргарита Иванова

Пушкин на земле Гете

Произведения Пушкина начали переводиться на немецкий язык еще в первой половине 1820-х годов, и вскоре в Германии появились публикации со сведениями о нем как о поэтическом таланте – восходящей звезде русской поэзии.¹ Пушкин был большим почитателем немецкой классической литературы и ее основоположника И.В. Гете, который был дорог ему своим великим реализмом., *единством дерзновенной философской мысли и реалистической правды живой действительности.*²

Существует информация (легенда?) о том, что Гете, познакомившись на склоне жизни с немецкими переводами произведений Пушкина, высоко оценил поэзию русского собрата и как знак признания и особого внимания послал для передачи ему свое перо.³

¹ См., например: Гудрун Ершофф. Прижизненная известность Пушкина в Германии // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21 / АН СССР. Отделение литературы и языка. Пушкинская комиссия. Л.: Изд. «Наука», 1987. – С. 68–78.

² См.: Нусинов И. Пушкин и мировая литература. М.: Изд. «Советский писатель», 1941. – С. 8.

³ О том, что Гете послал свое перо Пушкину, упоминается в письме польской пианистки Марии Шимановской к канцлеру фон Мюллеру – см.: Шелингер Н.А. Пушкин в немецкой демократической печати (1945–1955) // Пушкин: Исследования и материалы. Том II. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 465.

Так это было на самом деле или нет – достоверно не подтверждено. Но вот вполне определенный факт, сообщенный работником Национального центра по исследованию памятников классической немецкой литературы в Веймаре: когда 22 марта 1832 г. Гете ушел из жизни, на его рабочем столе нашли папку с гравированными видами Москвы и томик стихов Пушкина на немецком языке. Вот как романтическая легенда переплелась с реальным фактом.

Так или иначе, интерес к Пушкину в Германии, возникший при его жизни, вырос с годами в широкое признание, нашедшее свое выражение в переводах практически всего его творческого наследия, в появлении немецкого пушкиноведения, в создании Пушкинских Домов дружбы, в наименовании улиц и площадей, школ и гимназий, в сооружении памятников поэту России. Кстати, Германия – страна-лидер по числу таких памятников (6) среди стран дальнего зарубежья.

В 1949 г. широко отмечались две юбилейные даты – 150-летие со дня рождения Пушкина и 200-летие со дня рождения Гете. Отмечались очень широко, как праздники общечеловеческой культуры. Подготовкой и проведением пушкинского юбилея в Германии руководил специально созданный комитет, в состав которого вошли известные деятели культуры, его председателем была избрана Анна Зегерс. Одним из самых значимых юбилейных мероприятий явилась установка монументального памятника поэту России в Веймаре.

Мысленно возвращаясь в наши дни к тому тяжелому и сложному времени (ведь после окончания войны прошло всего четыре года), мы не можем не подивиться мудрости принятого тогда решения – одним из основных центров пушкинских торжеств сделать Веймар – город, в котором более полувека жил и скончался великий Гете, жили Ф. Шиллер и Э. Лессинг, И.С. Бах и Ф. Лист.

7 июня 1949 г. на родине поэта, в Москве проходило торжественное заседание Академии наук СССР, отмечавшее 150-летие Пушкина. Среди выступавших на нем зарубежных гостей был немецкий писатель Иоганнес Бехер. *«Пушкин и Гете,*

— сказал он, — гении равновеликого значения и великие гуманисты — олицетворяют собой все то благородное и прекрасное, что заложено в русском и немецком народах... В 1949 г., который является годом Пушкина и Гете, в Веймаре будет заложен первый камень памятника Пушкину, который будет первым памятником русскому поэту в Германии. Пусть имена величайших поэтов России и Германии станут символом дружбы народов и символом мира».

Памятник Пушкину решили установить на берегу реки Ильм, у входа в Ильм-парк, в непосредственной близости от Центральной библиотеки немецкой классики, и он должен венчать улицу, получившую тогда решением собрания городских депутатов имя Пушкина — Пушкин-штрассе (прежнее название Парк-штрассе). Формой монумента был избран бюст на высоком постаменте, изваяние Пушкина поручили выполнить профессиональному скульп-

тору-монументалисту из Дрездена Иоганнесу-Фридриху Рогге (05.04.1898, Берлин — 1983, Дрезден).

В свое время, в конце 1970-х гг., нам удалось разыскать адрес скульптора и связаться с ним по почте. Он сообщил краткие сведения о своем творчестве и о создании памятника Пушкину для Веймара, о поездках в Москву и Ленинград, о работе в мастерской Н.В. Томского.

Созданный И.Ф. Рогге бюст поэта (высота 1,3 м.) отлит из бронзы и установлен на четырехгранном постаменте прямоугольного сечения из травертина, размещенном на невысоком подиуме (общая высота сооружения составляет 3,5 м). На постаменте двустрочная надпись на немецком языке: «ALEXANDER PUSCHKIN | 1799–1837».

27 ноября того же 1949 г. состоялось торжественное открытие памятника, в нем участвовали не только горожане, но и делегации жителей всей Тюрингии (округ, в состав которого входит Веймар). Принимая памятник, обер-бургомистр Веймара Бухтеркирхен сказал: «*Трудящиеся Веймара преисполнены гордостью, что первый памятник, который открыт великому русскому поэту в Германии, открыт именно в Веймаре*».

С годами памятник обветшал, в связи с чем в 1993–1994 гг. была проведена реставрация, после которой он приобрел первоначальный вид. И вот уже более 60 лет памятник поэту России возвышается в Веймаре, населенном целой когортой памятников, соседствуя с Гете и Шиллером, Шекспиром, Мицкевичем, Моцартом, Бахом, Листом.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Puschkindenkmal in Weimar enthüllt* // Abendpost. Weimar. 1949. 28.XI.

2. *Enthüllung eines Puschkin-Denkmal*s // Thüringer Tageblatt. 1949. № 143. 29. XI. Открытие памятника А.С. Пушкину в Веймаре // Известия. М. 1949. № 286. 4.XII. – С. 3.

3. *Hohe Aufgaben der Gesellschaft als Massenorganisation* / Licht vom Osten. 1949. 15 XII.

4. *Бехер Иоганнес* [Выступление на торжественном заседании общего собрания АН СССР в Колонном зале Дома Союзов 7 июня 1949 г.] // А.С. Пушкин. 1799–1949: материалы юбилейных торжеств. М; Л.: Изд. АН СССР. 1951. – С. 58.

5. *Степанова Г.В., Шапошников Б.В.* Скульптурные памятники Пушкину за рубежом // Пушкин. Исследования и материалы: Труды III Всесоюзной пушкинской конференции. М; Л.: Изд. АН СССР. 1953. – С. 390–391, ил. (вкладка).

6. *Пини О.А.* В ленинградском музее А.С. Пушкина // Советская культура. М. 1954. 7.XII.

7. *Всесоюзный музей А.С. Пушкина*: каталог. М.; Л.: Искусство. 1957. – С. 256 [Дата открытия памятника указана неточно].

8. Григорьев А. У наших немецких друзей // Ленинградская правда. 1960. 24.VI.

9. Литературная газета. М. 1962. 10.II.

10. Новые памятники Пушкину // Временник Пушкинской комиссии. 1962 / АН СССР. Отделение литературы и языка. Пушкинская комиссия. Л.: Изд. АН СССР. 1963. – С. 97.

11. Гаврилов В. Улица Пушкина в немецком городе // Вперед. Л. – Пушкин. 1966. 16.IV. [Год открытия памятника указан ошибочно].

12. Карлова Э., Симакина Г. В ГДР чтут Пушкина // Пушкинский край. Пушкинские Горы. 1975. 28.VI. [Ошибочно указано, что памятник открыт «недавно», в то время как он стоял к тому времени уже более 25 лет].

13. Нарышкин Г. Пушкин в Веймаре // Новгородская правда. 1976. 13.V.

14. Гдалин А.Д. Зарубежная Пушкиниана // Литературная Россия. М. 1976. № 23. 4.VI. – С. 24.

15. Давыдов А. [Гдалин А.Д.]. Символ мира и дружбы // Вперед. Л. – Пушкин. 1977. № 67. 4.VI. – С. 4 [см. 7].

16. Гдалин А.Д. Памятник А.С. Пушкину в Веймаре // Пушкинский край. Пушкинские Горы. 1977. № 76. 25.VI. – С. 4 [см. 7].

17. Благой Д.Д. Мир Пушкина: [Интервью корреспонденту Л. Квасниковой] // Пионерская правда. М. 1979. 5.VI.

18. Гдалин А.Д. Мировая слава // Труд. М. 1979. 6.VI. – С. 4.

19. Защелкин В. Хранят память // Вперед. Л. – Пушкин. 1981. 19.II.

20. Ионов А. Пушкин и Гете // Вперед. Л. – Пушкин. 1982. 23.III. [Открытие памятника ошибочно отнесено к июню месяцу 1949 г.].

21. К 150-летию со дня смерти Гёте / Национальный исследовательский мемориальный центр классической немецкой литературы в Веймаре. Дрезден: Изд. «Zeit im Bild». 1982. – С. 6, 46 [Открытие памятника ошибочно отнесено к 1951 г.]

22. Долгирев В. Дар из Веймара // Пушкинский край. Пушкинские Горы. 1983. 7. VI.

23. Мазурин Н. «Здравствуйте, Александр Сергеевич!» // Калининская правда. 1987. 10. II.

24. Гдалин А. Д., Дровеников Г. А., Попелюхер И. Л. Памятники А. С. Пушкину: материалы к аннотированному каталогу // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25 / РАН. Отделение литературы и языка. Пушкинская комиссия. СПб.: Изд. «Наука». 1993. – С. 91 (№ III-4).

25. Цаудер П. Пушкин в Европе // Запад-Восток. 2009. 13. IV. Электронная версия на сайте: www.westeast.us/16/article/4823.html [Ошибочно указано, что улица Парк-штрассе в Веймаре переименована в Пушкин-штрассе в 1999 г. в связи с 50-летием установки памятника, фактически – в 1949 г. в связи со 150-летием Пушкина].

Александр Уромов

Пушкин на ... спичечных этикетках

Мы выпиваем рюмку «Наполеона» и закусываем конфетой «Моцарт», носим майки «Че Гевара» и изысканные шляпки «Леди Ди». Великие и просто громкие имена окружают нас со всех сторон. Их едят, пьют, носят.

Ими называют улицы, пароходы, самолёты и танки. Таковы реалии раннего капиталистического, индустриально-го, постиндустриального и всех последующих обществ. Впрочем, и в далёкую старину наши предки называли вещи именами героев и даже богов. Современные люди давно привыкли к именам в торговых марках и подчас забывают, что за автомобильной маркой «Мерседес» стояла живая женщина, что «Боливар» это не только шляпа...

И здесь самое время вспомнить Александра Сергеевича. Он ведь тоже немного рекламировал – помните: «Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар». А упоминание часов «Брегет», что звонили Онегину, – чем не рекламный ход?! Впрочем, знал бы Пушкин, как потомки будут использовать в рекламе его собственное имя! «Пушкин в рекламе» – тема отдельного и очень интересного исследования. Первым, кто начал эту работу, был журналист, историк книги, писатель Сигизмунд Либрович (С.Ф. Либрович, литер. псевд. – Виктор Русаков, 1855–1918). В своей книге «Пушкин в портретах» (С.-Петербург, Типогр. М.М.Стасюлевича, 1890¹) С.Либ-

¹ Дата на титульном листе – 1890 – явно ошибочна. Разрешение Цензурного комитета датировано 2 октября 1899г. Содержание книги также говорит о выходе книги в 1899 году.

рович после пионерского исследования иконографии поэта (содержащего ряд ошибок, но до сих пор представляющего большую ценность) посвятил небольшую главу портретам Пушкина на: «водочных бутылках, на коробках конфет, на шоколадных плитках, на ящиках (*так в тексте – АГ.*) от папирос». В главе также описаны: «почтовая бумага с портретом Пушкина, книжные шкафы с резными бюстами Пушкина,.. пушкинские жетоны, фарфоровые бюстики, штампы для переплётов с портретом Пушкина».

Как видим, Пушкин был весьма «а ля мод» в конце XIX века. Это не удивительно, ведь то были годы празднования 100-летия со дня рождения великого поэта. Пушкин после долгих лет молчания был как бы заново открыт для широких масс. Издавались произведения гения русской литературы, появилось многочисленное племя исследователей-пушкинистов (поэт «кормит» их уже несколько поколений), открывались памятники, произносились речи... Россия, успешно продвигавшаяся по капиталистическому пути, реагировала на событие в том числе и появлением торгового бренда «Пушкин».

Юмористический журнал того времени «Стрекоза» посмеивался над «пушкинским» (как правило, дешёвым) товаром. Вот отрывок из фельетона:

«В мануфактурном магазине:

– Эй, Васька, теперича Пушкин в моде, так ты возьми галстуки, что у нас свалены в кладовой, выставь их на окно да напиши: «Нувоте, галстуки а-ля Пушкин» – мигом раскупят. – Слушаю-с, может, и подтяжки с такой рекламой выставить?».

Вот так – от великого до смешного... Впрочем, всё это издержки славы и на солнце тень не бросает.

Как мы уже сказали выше, С.Либрович описал разнообразные «пушкинские» товары, среди них есть один сорт папирос. В книге приводится почти детективная история розыска коробки (тогда не говорили «пачки»), выпущенной петербургской табачной фабрикой «Эгизь». Автор этих строк поступил проще – отправился во Всероссийский музей

А.С. Пушкина на Мойку, 12. В отделе «неценного музейного фонда» (знали бы вы, какие там хранятся ценности с точки зрения историка или коллекционера!) его любезнейшая хранительница Галина Валентиновна Румянцева достала коробку, откуда была извлечена целая коллекция «пушкинских» папирос. Правда, коробки фабрики «Эгизь» там не было – тем ценнее её изображение, приведённое в книге Либрови-ча. Зато передо мной лежала продукция знаменитой табачной фабрики Попова (Москва), папиросы фабрик Аеланиди (Ростов-на Дону), Шишмана (Вильно), Шаншела (Санкт-Петербург), Ботанжогло (Москва) и ещё пара неопознанных коробок. Были также различные бандерольки, несколько рекламных листов, оттиски торговых штемпелей. Целое мини-сокровище, греющее душу коллекционера и рассказывающее об уже далёкой эпохе. (Заметим, что в Музее упаковки (Москва) папиросных коробок того времени нет вообще).

Если кто-то курит (дай Бог всем избавиться от этой привычки), то значит кто-то зажигает огонь. Удобных зажигалок во времена, о которых мы ведём рассказ, ещё не было, посему для добывания огня пользовались спичками – «безопасными» или «шведскими» (помните А.П. Чехова!), как тогда говорили. Но если в конце XIX века появились «пушкинские» папиросы, то логичным будет предположить, что появились и «пушкинские» спички.

Г-н Либрович на этот счёт не оставил никаких сведений. Однако собирателям спичечных коробков и этикеток (этот вид коллекционирования называется *филуменистикой* от греческого «любящий» и латинского «свет») давно известно, что к 100-летию юбилею поэта были выпущены специальные – «пушкинские» – спички. Они представляют большую редкость и практически ненаходимы, а те немногие, что оказались в частных коллекциях, стоят больших денег.

Признаюсь, что именно желание увидеть первые «пушкинские» спички и привело меня на Мойку, 12. При этом «пушкинские» папиросы были лишь интересным дополнением к главной цели визита. Почему? – спросите вы. Веро-

ятно, потому, что коллекционирование спичек давно приобрело форму упорядоченного собирательства со своими правилами и большим числом поклонников этого вида малой графики. В мире существуют сотни клубов филуменистов, издаются журналы, имеются специальные сайты. Одним словом, это настоящее коллекционирование, сродни филателии или филокартии. Серьёзное и в то же время весьма демократичное (хотя цены на филуменистические уникалы близки к ценам на редкие почтовые марки).

Мои ожидания были полностью оправданы. Всё та же Галина Валентиновна принесла другую коробку и достала из неё... Нет, не один спичечный коробок юбилейного 1899 года, а сразу несколько. Все хорошей сохранности (а ведь это спички – предмет утилитарный, не подразумевающий бережного к себе отношения), прямо-таки готовые к немедленному использованию. А ещё, как и в случае папирос, в коробке нашлись и другие важные коллекционные материалы – акцизные бандерольки и замечательной сохранности бумажные этикетки «юбилейных» спичек.

Кто же первым обратился к пушкинской тематике на спичечных этикетках? Им был Борис Исаакович Соломонов, основатель и владелец спичечной фабрики в г. Борисове Минской губернии. Фабрика была создана в 1891 г. и носила гордое имя «Виктория». Именно она выпустила в 1899 г. «безопасные» и «юбилейные» спички с этикетками, посвящёнными 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Рис.1 – Юбилейный коробок, 1899

После юбилейного 1899 года А.С.Пушкин не появлялся на спичечных этикетках полвека. Странно, что советская пропаганда не использовала его облик (с соответствующими лозунгами) на таком демократичном материале, как спички в 1937 году – в год столетия со дня кончины поэта. А ведь какого только «пушкинского» товара не было выпущено в тот знаменательный год! От произведений действительно высокого искусства до аляповатого ширпотреба. Увы, но Александру Сергеевичу пришлось тогда изрядно «поработать», восхваляя достижения советской власти. Ему даже пришлось сделаться атеистом, антимонархистом и почти революционером.

Рис. 2 – Плакат «Товарищ, верь...», 1937

Впрочем, широко известно, что в тот год светлый образ поэта нещадно эксплуатировали не только «красные Советы», но и «белая эмиграция». В моей коллекции есть несколько крайне идеологизированных советских «методичек» на тему «Как организовать **празднования** (? , АГ.) столетия со дня смерти А.С. Пушкина» и мало им уступающая по духу изданная во Франции инструкция для русских скаутов на ту же тему.

А.С. Пушкин снова появился на спичечной этикетке в 1947 году. Страна широко праздновала 800-летие со дня ос-

Рис. 3 – Па-
мятник А.С.
Пушкину, ск.
А.М.Опеку-
шин

нования Москвы. К этой дате была выпущена юбилейная серия почтовых марок и, что менее известно, серия спичечных коробков. На этикетке одного из них изображён памятник А.С. Пушкину на Страстной (современное название – Пушкинской) площади.

Сбор средств на сооружение памятника великому поэту начался по инициативе выпускников Царскосельского лицея в 1860 году. За двадцать лет было собрано 106 тысяч рублей. В 1872 году был объявлен открытый конкурс на лучший проект памятника, а три года спустя были подведены его итоги. Первую премию получил скульптор А.М.Опекушин (1838–1922). К работе над памятником он привлёк архитектора И.С. Богомолова. Торжественное открытие памятника, установленного в начале Тверского бульвара, состоялось 6 июня 1880 года. В 1950 году памятник был перенесён на другую сторону площади, где он и стоит до сих пор. Памятник и площадь около него (в обиходе давно уже именуемая «Пуш-кой») стали одной из достопримечательностей Москвы.

В работе над скульптурным обликом поэта А.М. Опекушин пользовался немногочисленной иконографией А.С. Пушкина, в том числе посмертной маской. Гипсовая маска была снята по заказу В.А. Жуковского известным петербургским скульптором С.И. Гальбергом в день гибели поэта. Маска первого отлива, принадлежавшая В.А. Жуковскому, в конце XIX века была передана его сыном в парижскую коллекцию А.Ф. Отто (Онегина), а затем по завещанию последнего вернулась в Россию. В настоящее время она хранится в Государственном музее А.С.Пушкина (Москва). В Пушкинском доме (Санкт-Петербург) хранится маска, отлитая из бронзы в конце XIX века выпускником Императорской академии художеств скульптором В.Т. Громме.

Посмертную маску А.С.Пушкина мы можем видеть на спичечной этикетке.

В наши дни вышла серия из 12 коробков «Посмертные маски знаменитых людей». Россия представлена в ней именами Петра I, А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского.

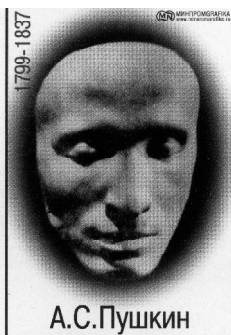

Рис. 4 – Посмертная маска А.С.Пушкина

После появления А.С.Пушкина на послевоенной этикетке «800 лет Москвы» вышло множество коробков и отдельных этикеток, на которых изображён

или сам поэт, или места, связанные с его именем. Пушкинская география на спичечных этикетках очень обширна – это Санкт-Петербург (Ленинград) и его пригороды, Москва, Пушкиногорье, Болдино, Крым и Одесса, столицы союзных республик, большие и малые города. На этикетках во всей красе в разных ракурсах и разных цветах предстают пушкинские заповедные места, театры, музеи, улицы и площади, носящие имя А.С.Пушкина. (Особенностью спичечных этикеток является, то, что одно и то же изображение часто ис-

Рис. 5 – Каминные спички «Болдино»

пользуется различными фабриками, которые по своему усмотрению меняют цветовую гамму и общий фон этикеток. Это одна из причин, почему каталогизация спичечных этикеток часто бывает гораздо сложнее, чем каталогизация почтовых марок).

Именем поэта называли пароходы, поезда, рестораны, самолёты... Многое из перечисленного нашло отражение на спичечных этикетках. Вот, например, забавный коробок, отражающий реалии «нового» времени, когда реклама готова на всё, лишь бы завлечь клиента. Пушкин здесь очень даже сгодится!

Рис. 6 – Реклама ресторана

Пивной ресторан «Карл и Фридрих» на Крестовском острове в Санкт-Петербурге выпустил собственные спички (обычная вещь, принятая во всём мире) со слоганом «Все отдыхают!». Но кто-то, очень грамотный, вспомнил, что место, где расположен ресторан, самое что ни на есть пушкинское, и на коробке появилась надпись, сделанная «рукой поэта»: «...Пожалуй, лучшее место в Петербурге!...» Для убедительности и «подлинную» подпись поэта тиснули. Культовый московский ресторан «ПушкинЪ» и его одноимённый воронежский коллега по общепиту тоже выпустили спички «Пушкин», но до такой «цитаты» не додумались.

Очень интересны и красочны несколько серий спичечных этикеток, посвящённых сказкам и героям повестей А.С. Пушкина. Замечательна серия коробков, на которых воспроизведены ставшие классическими силуэтные иллюстрации художника В.Свитальского к «Евгению Онегину». Эта серия выходила два раза с разным количеством коробков и в раз-

ной цветовой гамме. Не менее интересна серия «Рисунки поэта», содержащая 12 малых и один большой коробок. На этих этикетках мы видим автопортреты А.С.Пушкина, портреты друзей и знакомых поэта, запечатлённые его «быстрым карандашом». Примеры удачных пушкинских серий спичечных этикеток можно долго продолжать.

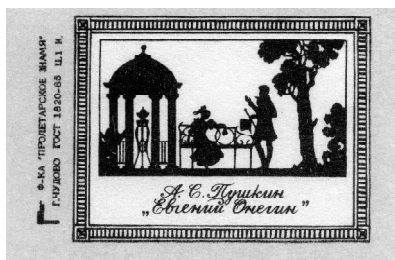

Рис. 7 – Спичечная сюита «Евгений Онегин»

Современные спички бывают самых разных назначений: хозяйственные, сувенирные, каминные, охотничьи, газовые и т.д. Есть спички, горящие на сильном ветре и под водой. Есть осветительные и ещё много других. При этом сами спички и коробки могут быть изготовлены из разных материалов, иметь разные форму и размер. Всё это придаёт коллекционированию спичек особый интерес, но, как было сказано выше, серьёзно затрудняет их систематизацию и описание. Если почтовые марки давно каталогизированы и описаны в мельчайших деталях (включая ошибки, которые могут поднять цену марки в десятки или даже сотни раз!), то спичечные этикетки – это во многом «терра инкогнито». Правда, существуют созданные усилиями коллекционеров каталоги продукции спичечных фабрик, но их мало и они пока не полностью описывают всё разнообразие спичечной продукции. Ещё сложнее обстоит дело с тематическими каталогами. Если тематических филателистических каталогов – десятки (великие люди, различные жанры искусства, фауна, флора, спорт, полярная почта и т.д. и т.п.), то тематических филуменистических каталогов – единицы.

В этой связи особенно приятно, что российские филуменисты обратили внимание на тему «А.С.Пушкин». Видный коллекционер и исследователь спичечной продукции, генеральный директор «Филуменистического центра» А.Травников (Санкт-Петербург) готовит иллюстрированный каталог, в котором будут представлены и детально описаны около трёхсот «пушкинских» этикеток. Каталог выйдет в свет в июне 2012 года и станет хорошим подарком ко дню рождения великого поэта.

К 60-летию Нади Рушевой

Надя Рушева родилась 31 января 1952 года в г. Улан-Баторе – столице Монгольской Народной Республики, где жили тогда ее родители. Ее отец, Николай Константинович Рушев, работал в Монголии художником-инструктором театра и педагогом в художественном училище. Ее мать, Наталья Дайдаловна Ажикмаа, родом из Тувы, работала в Монголии педагогом-балетмейстером и солировала в концертах, была одной из первых балерин Тувы.

По-монгольски имя Надежда – Найдан – означает «вечноживущая». Так всегда и звали милостивую девочку монгольские друзья родителей.

Надя начала рисовать с пяти лет, как и все обычные дети. В семилетнем возрасте она набросала в альбомчике 36 занятных иллюстраций к «Сказке о царе Салтане» Пушкина. Это она сделала за один присест, за то время пока отец отдыхал после работы на диване, не спеша и с выражением читая ей любимую сказку.

Уже в Москве Надю водили в детский сад при заводе «Шарикоподшипник». Надя пела в хоре, участвовала в групповых танцах, полюбила стихи, лепила из пластилина, клеила аппликации и игрушки. Больше всего она просила взрослых, чтобы они читали ей сказки. Родители знакомили Надю с мифами и легендами Древней Греции. Мама показывала ей несложные балетные упражнения, бабушка немного учил игре на фортепиано. Хотя рисовать ее никто не учил, ее формирование происходило в семье, в среде художников и артистов.

Рисовала она легко, играючи, как бы обводя лишь одной ей видимые образы. При этом улыбаясь приговаривала: «Ка-

кая-то слива получается... Или нет? Это, пожалуй, пароход. Ах, нет, нет! Это точка. А Емелька две подушки положил и ушел...» Это была радостная игра в рисование, свободные шутки воображения маленькой девочки. Придя из школы домой и выполнив уроки, она с удовольствием принималась за полюбившееся фантазирование, благо, под рукой у нее всегда были маленькие альбомчики или обрезки бумаги разного формата и цвета. Уделяла она этой забаве не более получаса в день или в каникулы час. И это стало ежедневной Надиной потребностью на всю жизнь.

Прожив немногим более 17 лет, Надя оставила после себя огромное духовное богатство – свыше 10 000 рисунков. Окончательное число их никогда не будет подсчитано – значительная доля разошлась в письмах, сотни листов художница раздала друзьям и знакомым, немалое количество работ по разным причинам не вернулось с первых выставок. Выполняя свои композиции в основном чернилами и тушью, Надя почти в совершенстве овладела техникой линейной графики. С пером в руках она осмыслила в зримых образах произведения более 50-ти авторов. Летом 1955 и 1959 годов Надя побывала с родителями на родине матери в Тувинской АССР. А в Москве воображение и представление Нади о Востоке питались воспоминаниями матери и рассказами отца. (За семь лет работы в национальных театрах Кызыла, Душанбе и Улан-Батора Николай Константинович Рушев создал эскизы декораций, сделал натурные этюды архитектуры и природы, зарисовки этнографического характера). Рисуя «по воображению», она создала помимо этого, массу сказок собственного сочинения, раскадровок никем еще в те годы не поставленных балетов, фантазийных сцен. Среди Надиных зарисовок есть несколько таких, на которых изображен балет «Анна Каренина». Уже после смерти художницы этот балет действительно был поставлен, и главную роль в нем играла Майя Плисецкая.

«Ее рисунки далеко выходят за пределы детского творчества, но и среди взрослых художников едва ли многие могут

поспорить с легкостью ее техники, чувством композиции, с остротой ее образов, с ее творческим восприятием мира», – говорил о Наде Рушевой скульптор Василий Алексеевич Ватагин.

Хмурым мартовским утром 1969 года внезапно оборвалась жизнь семнадцатилетней Нади Рушевой, жизнь, исполненная самых радужных надежд и мечтаний.

Пятью годами раньше журнал «Юность» (№ 6 за 1964 год) познакомил миллионы своих читателей с рисунками двенадцатилетней чудо-девочки. С тех пор имя и творчество юной москвички стали достоянием миллионов.

Диапазон ее творчества невероятно широк. О его масштабах говорят названия таких тематических серий, как «Эллада», «Космос», «Воспоминания о Варшаве», «Восток» и многих-многих других.

Надя создала иллюстрации к произведениям 50 авторов, среди которых Шекспир, Рабле, Байрон, Диккенс, Гюго, Марк Твен, Гоголь, Лермонтов, Булгаков, Лермонтов и бесконечно любимый ею Пушкин. В четырнадцать лет Надя начала работу над серией рисунков к роману Л.Н.Толстого «Война и мир». В этих композициях художница применила уже дру-

гую технику рисования, используя акварель. Надя никогда не пользовалась ластиком. Ее рисунки рождались без эскизов, враз, набело. «Я их заранее вижу... Они проступают на бумаге, как водяные знаки, и мне остается их чем-нибудь обвести», – признавалась Надя. Она много читала, и все ее впечатления от прочитанного выплескивались на бумагу.

Пушкиниана Нади Рушевой – это не только иллюстрации к творчеству, но еще и вся жизнь поэта, его друзья, близкие. «Похожесть»

импровизаций Нади на рисунки самого Пушкина навели старейшего пушкиниста А.И. Гессена на мысль предложить художнице проиллюстрировать его книгу «Жизнь поэта». Таким образом, появилось огромное количество работ, посвященных Пушкину.

Последние рисунки Нади Рушевой – 200 графических работ к роману М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита».

Жизнь Нади Рушевой оборвалась на взлете. По окончании школы она собиралась поступать во ВГИК: мечтала стать мультипликатором. И все же Надя жива в тысячах своих рисунков.

Многим известна запись Ираклия Андроникова, оставленная на одном из Надиных рисунков писателем: «То, что это создала девочка гениальная, становится ясным с первого рисунка. Они не требуют доказательств своей первозданности».

Посмертную статью академика В.А.Ватагина о Наде поместила «Юность», в ней читали: «Беспощадная жестокость судьбы вырвала из жизни только что расцветший талант гениальной московской девочки Нади Рушевой. Да, гениальной, – теперь нечего бояться преждевременной оценки».

Персональные выставки Нади Рушевой прошли почти во всех регионах страны, а также за рубежом – в Японии, Мон-

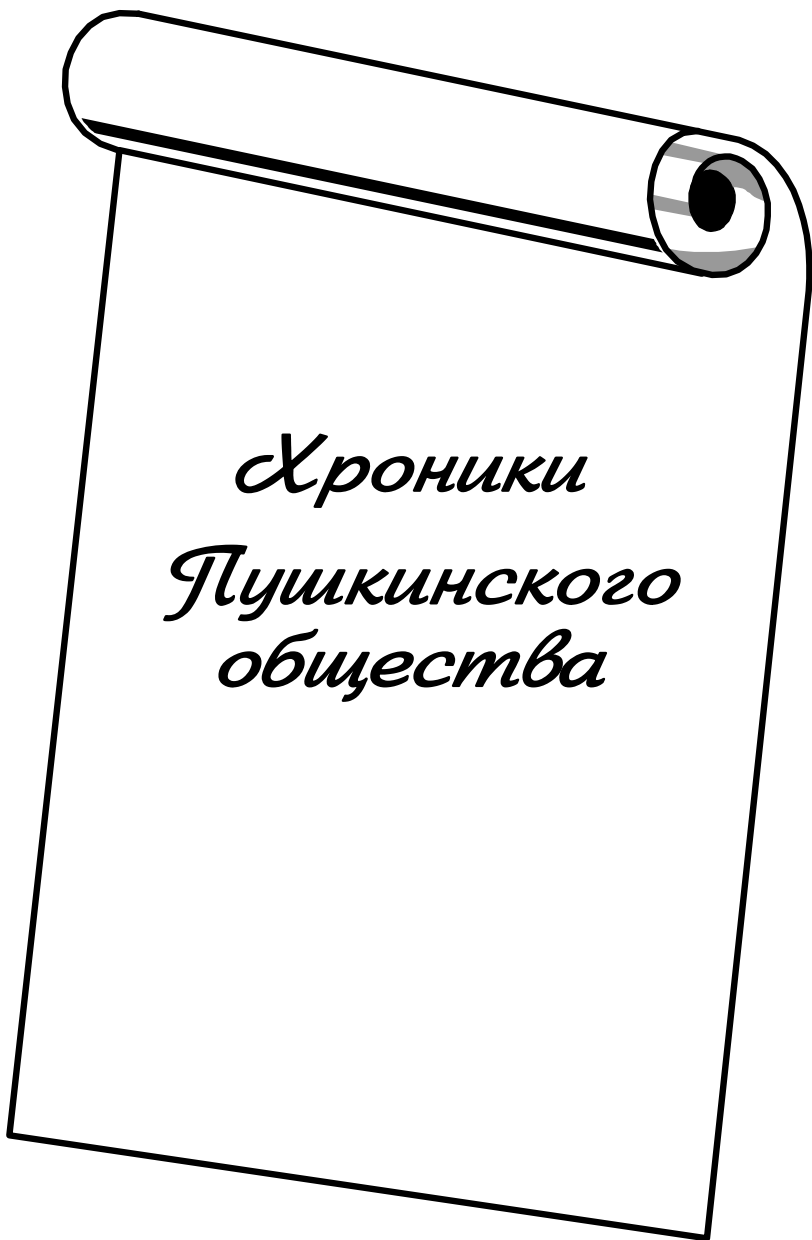

голии, Польше. Число их превысило 160. За короткий срок с творчеством Нади познакомилось около четырех миллионов человек. В столице Тувинской АССР в городе Кызыле, в музее им. 60-ти богатырей, находится представительное собрание Надиных работ, известное как коллекции В.П. Ермолаева. В ближайшее время оно пополнилось щедрым даром матери Нади, Натальи Дайдаловны, передавшей в этот музей значительную часть работ не только дочери, но и Надиного отца, Николая Константиновича. Семейный фонд Рушевых, отца и дочери, создан в Пушкин-

ском доме. Периодически проходят выставки Надиных работ в музее Л.Н.Толстого.

21 октября 1982 года крымскими учеными была открыта малая планета № 3516, она была названа именем юной советской художницы Нади Рушевой.

Нэля Трухина

На ясный огонь...

В самом конце 2011 года в Сибирском книжном издательстве вышла книга, посвященная памяти сибирского скульптора, или, как он сам себя называл, каменотеса, Геннадия Леонидовича Парамонова. Люди не очень бережно относятся друг к другу, забывая о том, что смертны, и каждое недоброе слово оставляет зазубринку на сердце... Мы живем одним днем, ну подумаешь, не успели сказать художнику сегодня, как мы потрясены его произведениями, скажем завтра... А ведь завтра может и не быть...

Насколько же прав Булат Окуджава, сказавший:

*Давайте говорить друг другу комплименты,
Ведь это все любви короткие моменты,
Давайте жить, во всем друг другу потакая,
Тем более, что жизнь короткая такая...*

Не стало Геннадия Парамонова... Человека, в котором талант сочетался с душевной чистотой, скромностью, можно сказать, даже застенчивостью...

Многое им было сделано, еще больше осталось в замыслах... Как настоящий талант, он не был пробивным человеком, умеющим находить лазейки в высокие кабинеты, в которых сидят чиновники, часто сами бездарные, но наделенные большими полномочиями. В их власти – легко, не задумываясь, одним росчерком пера перечеркнуть судьбу художника и его произведения.

В этой книге, уважаемые читатели, вы не раз встретите эпитет «народный» по отношению к Геннадию Парамонову. Да, он был поистине народным художником. Это высокое звание ему присвоили не власти, а сам народ: седые дети войны, плакавшие на открытии монумента «Женщина-труженица и дитя войны», увидевшие в созданной его талантом Матери своих матерей, вынесших на своих женских плечах все невзгоды военной поры; работники Новосибирского жиркомбината, и по сегодняшний день ухаживающие за монументом «Воины в огне войны»; те люди, для которых памятник основателю Новосибирского академгородка, выдающемуся ученому М. А. Лаврентьеву стал родным, которые не могут и представить городок без этого, ставшего уже общенародным достоянием скульптурного портрета академика....

В этой книге о Геннадии Парамонове вспоминают его друзья... Но книга была бы неполной, если бы мы не рассказали о людях, над скульптурными портретами которых работал Геннадий Парамонов, ведь к выбору натуры для своих произведений мастер подходил с необычайной строгостью. Все они, высеченные из камня, мрамора, вылепленные из гипса, прежде всего личности, ставшие знаковыми для Сибири, для России. Никакими деньгами нельзя было соблазнить мастера, если человек был ему неинтересен.

Геннадий Парамонов не гнался только за внешним сходством, хотя, отметим, ему удавалось передать внешний облик человека очень близко к оригиналу. Недаром семья Михаила Алексеевича Лаврентьева выбрала именно его работу, но, что гораздо важнее для настоящего произведения искусства, он умел

передать в своих портретах внутреннее, глубокое содержание человека, его талант и озорность, личностное начало...

Кто же они, люди, оставившие яркий след, чьи жизни, характеры, масштабы личности вдохновили Геннадия Парамонова? В этой книге мы постарались ответить и на этот вопрос, рассказав о М.А. Лаврентьеве, В.А. Коптюге, И.А. Заке словами людей, их знавших, работавших вместе с ними, их детей...

Нам хотелось, чтобы и вам, читателям этой книги, стал понятен выбор скульптора, который смог увидеть этих людей во всем их многообразии и донести до нас неповторимость их личностей: талант, силу, кругозор, активную жизненную позицию.

Сам человек неординарный, одаренный талантом большого художника, Геннадий Парамонов находил для своих работ людей, близких ему по духу, по увлеченности своим делом, по вечной неуспокоенности...

Геннадий Леонидович Парамонов был большим художником, в нем был заложен огромный творческий потенциал, и, несмотря на целый ряд других, не упомянутых нами замечательных работ, его потенциал в значительной степени оказался невостребованным. В этом заключается одно из противоречий в состоянии нашей культуры – мы часто жалуемся на то, что в нашем городе мало талантливых скульпторов, и в то же время, когда находится такой талант, мы не можем обеспечить его заказами. Отчасти в этом виноваты и наши творческие союзы, которые превратились в свою противоположность – не поощряют талантливых людей, а препятствуют тем, кто имеет большие, чем у признанных авторитетов, художественные способности.

Анатолий Чернышев

Россия неделимая

(Памяти Ольги Кулагиной)

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт...*

(М. Лермонтов)

Родиться в Китае и умереть в Париже – такова странность судьбы Ольги Кулагиной, простой русской актрисы. И не просто «увидеть Париж и умереть», а отдать ему больше двадцати лет жизни, активной творческой жизни: с 1989 по 2011 год.

Говорить о ней, труженице эстрады, это значит говорить о русской диаспоре в Париже, сложившейся после разрушительного октября 1917 года, «чёрного года», изначально нацеленного на карликовые автономии и племенной распад многонациональной России. Русские патриоты сразу раскусили заезжих «интернационалистов» и провозгласили девиз: Россия единая и неделимая!

Но слишком велик был соблазн для амбиций: кто был никем, тот станет всем! Земля – крестьянам! «Замануха» сработала. «Единую и неделимую» разделили. Сначала на бе-

лых и красных, потом на автономии и зоны ГУЛАГА: мордовские, колымские, соловецкие...

Национальная элита, создававшаяся веками, оказалась в изгнании, за рубежом. Её заменили швондеры и шариковы – кто был никем... Но белое движение и в эмиграции сохранило свою русскую сущность, сохранило святую веру в историю и культуру Отечества, веру в Россию: единую и **неделимую** от Заполярья до Кушки, от Вислы до Аляски.

«Чёрный год» затянулся. Под занавес двадцатого столетия Россию ещё раз обкарнали, оставив один обрубок и лишив многонационального статуса, утверждённого ООН: многонациональным является такое государство, где численность иноязычных национальностей равна титульной нации. У нас титульная нация составляет восемьдесят процентов. Какая уж тут многонациональность.

На этот раз поработали не заезжие гастролёры, вроде троцких и урицких, а свои, доморощенные шариковы. Но по тем же западным лекалам, хотя там автономий нет. Рискуя потерять и этот обрубок, очередная «правящая партия» спохватилась: вспомнила забытый девиз: «Единая Россия». Но без главного составляющего: неделимая. Всё было уже поделено.

А для русской эмиграции, раскиданной по всему свету, Россия остаётся неделимой. Даже здесь, в Париже. И когда княгиня Антонина Мещерская, сноха и преемница добрых дел Веры Мещерской – умершей в 1949 году, – несмотря на свои девяносто лет, встаёт и слушает стоя певицу из Сибири, это вызывает невольное уважение: она слушает не Ольгу Кулагину а голос самой России, единой и неделимой. И слушает его стоя.

Каким же гражданским достоинством, какой неистребимой любовью надо обладать, чтобы забыть все прошлые обиды, всю горечь изгнания и сохранить почтение к своей земле, к своему растерзанному дому, к его культуре, дошедшей до берегов Сены. На такое способно только сердце матери. А они, княгини Мещерские, и есть тот самый символ матери-России от Вислы до Аляски. Даже там, в изгнании.

Кстати, сама Вера Мещерская, по-матерински приютила в своём особняке в Сент-Женевьев-де-Буа русских изгнанников, одиноких и обездоленных. А в смертный час упокоила в конце домашнего сквера. И русский дом, и русский некрополь – её рук дело. Там покоятся Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Константин Коровин, Матильда Кшесинская, жена адмирала Колчака Софья и их сын Ростислав, Надежда Тэффи, генерал Кутепов и многие, многие другие. В том числе и Александр Галич, Рудольф Нуриев, Андрей Тарковский, Виктор Некрасов – скитальцы второй волны. Что ни фамилия, то легенда, Таков мартиролог русского некрополя, который стал местом паломничества. Это всего в тридцати километрах от Парижа.

А девятое мая? В этот день вся русская диаспора собирается в своём русском доме, слушает русские песни и «рыдает, что называется, ансамблем»? А ведь многие из них родились во Франции и ни разу не были в России. Но для них день русской победы – святой день. Я сохранил выражение Ольги Кулагиной – «и рыдаем, что называется, ансамблем», – потому что оно вырвалось из души, по сути, такой же эмигрантки с двадцатилетним стажем и, наверное, точно передаёт атмосферу их праздника. Девятое мая и там, в изгнании, – главный праздник единой и неделимой России.

На этом фоне так характерна, обыденна судьба Ольги Анатольевны. Характерна для нашего бурного века, века смут и криминальных революций, разделов и переделов чужой собственности, которые каждый раз отбрасывают нас на столетие назад, заставляя потом бежать и бежать, догоняя историю. Бег Ольги Кулагиной – тому яркое свидетельство. Она родилась в городе с символическим названием – Дальний, под боком у харбинской эмиграции. Умерла в Париже – «ди-станция огромного размера».

Но и тут, в Париже, под занавес, судьба подкидывала ей новую беговую дорожку на тысячи вёрст: гастроли в Нью-Йорке. Контракт – на год. Конечно, и там большая русская диаспора, и там любят старинные романсы, русские народ-

ные песни, Да и американская публика к ним равнодушна – тем более, что Ольга Анатольевна владела английским языком так же свободно, как французским. И петь могла на трёх языках. Барьера в общении не было.

Но... сил уже не было.

– Месяца на два, на три я бы ещё поехала, – сказала она, – а на год...

Какие месяцы! Смерть стояла уже за спиной и дышала в затылок. Но разве мы об этом знаем? Тем более, что возраст не бог весть какой: шестьдесят лет. Она только что вернулась из Новосибирска, от матери. Душа была переполнена планами и замыслами. Хотелось создать сибирскую программу для своих парижских друзей. Может быть, спеть свою лебединую песню?

Здесь, в Новосибирске, на сцене филармонии, она выступила в концерте, посвященном очередному дню рождения Пушкина. Рассказала об ассоциации друзей Пушкина в Париже, которые с помощью МИДа России на родине Дантеса установили памятник великому поэту. В Новосибирске, к сожалению, такого памятника нет, хотя есть региональное общество имени Пушкина и есть его давние потуги создать такой памятник.

Напомнила о таком качестве Пушкина, как необычайно развитое чувство дружбы. В беде и в радости он был верен друзьям, где бы они не находились: в ссылке, в изгнании или на пиру в кругу своих близких. Помогая ей спуститься по крутым ступеням в зал, я невольно сказал:

– Вы больше русская, чем мы здесь, в России.

Кстати, чувство дружбы сильно развито и у самой Ольги. Приезжая в Россию, она в первую очередь спешит к друзьям, прихватывая с собой и мамочку, как она её называет. Вот и в этот, одиннадцатый, приезд она несколько раз выступила в региональном обществе имени Пушкина, в общественном клубе «Зажги свечу», побывала на депутатском канале областного радио, в филармонии, съездила на гору Пикет, на свидание с Алтаем и Шукшиным в день его очередной годовщины.

Давно ушёл из жизни её давний друг: композитор Николай Кудрин, в концертах которого она много раз участвовала, работая ещё здесь, в России: в Новосибирской, в Сочинской филармониях. Но остались другие: например, дирижёр и художественный руководитель камерного хора Игорь Юдин со своим творческим коллективом. А сколько появилось новых друзей!

Но это в России, где она выросла. А в Париже?

— Я дружу в Париже с разными людьми: и светского образа жизни, и с духовными лицами. Дружу с эмиграцией, которую называют белой, и с диссидентской: скажем, с Натальей Горбаневской, известной правозащитницей, сотрудницей газеты «Русская мысль». Пишу музыку на её стихи. Но больше всего я дружу с Парижем. Кажется, я знаю там каждую улочку. А какие там замечательные парки! С плавающими лебедями!

В Новосибирске она «дружила»... с зоопарком, где тоже хватает лебедей. Любила бродить по его аллеям, любоваться естественным, почти девственным, ландшафтом, где вольно прогуливались косули, олени, сайгаки, где, плюхнувшись во весь бок, нежились на солнышке волки и леопарды. Подолгу стояла у медвежьих вольеров. Древний мир природы ей был так же близок, как храмы искусства, созданные руками человека, и где она была не чужой.

Театральный артист на сцене не одинок. Он священнодействует вместе с труппой. На знакомой сцене. Перед знакомым залом и знакомой публикой. Эстрадный артист почти всегда одинок. И почти всегда новые сцены, новые залы, новая публика. И... автобусы, поезда, самолёты. А Ольга Анатольевна обошла и объехала почти всю Европу: Франция, Англия, Германия, Бельгия. И везде один на один с залом, и везде её тепло принимали и приглашали вновь и вновь. Нравился её цыганский шарм, её меццо-сопрано, почти всегда звучащее на пределе. Она была не баловнем Мельпомены, а её труженицей. И всегда за её спиной стояла русская диаспора Парижа. Вот и новый контракт на гастроли в Америке, конечно, не обошёлся без её участия.

Но она уже жила своей лебединой песней, зачином которой стал романс «И отлетит усталая душа...», созданный ещё в Новосибирске и исполненный пока только для «мамочки», для Розы Григорьевны. И для меня, автора стихотворения. Случайный выбор стихов? Не думаю. Душа, наверное, устала от земного марафона и тянулась в небесные дали.

В Поднебесную семья попала в 1949 году. Анатолий Кулагин был артиллерийским офицером, и они жили в военном городке, в городе Дальнем. Жена работала на заводе акустической соды, где платили приличные юани. Больше, чем в кабинетах военного городка. Директором был русский, а рабочие – в основном китайцы. Они хорошо относились к русским освободителям. Даже детвора на улицах кричала: «Русский – карашо! Русский – Москва!» Зато белая эмиграция сразу почувствовала холодок местного населения и, опасаясь репрессий, массово стала уезжать в Австралию – русский бег продолжался.

Через год у офицера Кулагина, человека уже не молодого, родилась дочка. И с первых минут у её изголовья встала трагическая русская история с Порт-Артуром и Дальним, с белой русской эмиграцией. А ещё через год офицера Кулагина перевели в Благовещенск, где он позднее и упокоился, оставив десятилетнюю дочку сиротой. Ему было шестьдесят лет.

У девочки, что называется, с пелёнок обнаружился музыкальный слух. Она засыпала всегда под колыбельную. И если Роза Григорьевна замолкала над засыпающей крохой, тотчас раздавалось – пой. А в семь лет, уже в Благовещенске, она взялась за скрипку. И даже переезд в Новосибирск после скоропостижной смерти отца не прервал этого увлечения. Оля поступила в музыкальное училище и семь лет совмещала занятия на пианино с уроками в школе.

Инструмента дома не было. Приходилось ходить в училище в вечернее время, когда оно затихало и пустело. Просить сторожей пустить её поиграть. Пускали. Для мамы это была незаживающая боль в сердце. И она откладывала каждую копейку, чтобы купить инструмент. И купила.

Правда, под солидный кредит. О замужестве и речи не было, хотя бальзаковский возраст только-только миновал. Всё для дочери.

Труды окупилась. Оля успешно закончила и школу, где её называли ходячей энциклопедией, и музыкальное училище. Думаю, это помогло ей при поступлении в ГИТИС на музыкальное отделение. На прослушивании голоса она спросила – а можно аккомпанировать самой? Ей разрешили, и она уверенно прошла вокальный этап.

Кстати, перед театральным институтом Ольга год изучала английский язык в пединституте. По настоянию матери. А может, судьбы, которая знала о дальних дорогах и смешении языков? Во всяком случае, год не был потерян. Начитанность «всезнающей Оли» знали ещё в школе. А способность читать в подлинниках не только русскую, но и французскую и английскую литературу, раздвинула масштаб и глубину мышления, распахнула в деталях, в подробностях историю и быт европейских народов. А это открыло их сердца. Разве не удивительно, что ей, сохранившей гражданство России, мэрия Парижа выделила муниципальное жильё?

Она дружила и с мэрией Парижа, и с русским посольством в Париже, и с русским торгпредством, куда её нередко приглашали. Да и настоящее концертное платье для первого выступления за рубежом ей дали русские парижанки. За рубежомная «карьера» начиналась с отзывчивости и помощи новых друзей. Кстати, ей сразу же предложили бессрочный контракт. И она стала, по сути, полпредом русской культуры во Франции. И далее – по всей Европе. Такое случается не часто. Эдуард Хиль долгое время пел в кафе «Распутин». Здесь же, в Париже. За скромную зарплату. Пока хозяйка ресторана не узнала, что он очень популярен в России, и не увеличила гонорар. Причём довольно крупно. Но он уже собрался в Россию.

Когда-то вся Европа съезжалась на русские сезоны Сергея Дягилева. Сегодня на западную цивилизацию работают тысячи выходцев из России. Одних докторов наук около

шестнадцать тысяч. А сколько артистов уровня Хворостовского и Нетребко? Это наши инновации в западную культуру, науку, экономику. И голос Ольги Кулагиной в этом хоре не самый последний.

Когда-то в Сочи перед отъездом во Францию Николай Кудрин сказал ей – ты не вернёшься в Россию. Как в воду глядел, хотя она ехала на два месяца. Это были их последние совместные концерты, последние встречи. Она удивилась и не поверила. И там, в Париже, не расставалась с его песнями и с ним самим, постоянными звонками напоминая о себе, и о судьбе его песен.

Творчество не знает границ и шлагбаумов. Так же, как и смерть. В Новосибирске Ольга села в поезд и благополучно доехала до Москвы. Там пересела на самолёт, благо – имела обратный билет, и... просидела в нём пять часов в ожидании вылета. Командир экипажа оказался человеком дотошным, ответственным. Осмотрев самолёт, он обнаружил неполадки и потребовал от технического персонала устранить их. На уговоры и уверения, что всё в порядке, сказал, как отрезал – у меня за спиной 180 человек. Он довёз их всех живыми и здоровыми. А через неделю разбилась хоккейная команда «Локомотив» на вылете из Ярославля. Может, смерть уже и здесь стояла у неё за спиной?

15-го августа Ольга Кулагина была в Париже, о чём сообщила матери, а 21-го скоропостижно скончалась. От удущья. Муж её, захлёбываясь от рыданий, сообщил по телефону матери Ольги – Оля... финиш, Оля... финиш... Он, коренной француз, не знал русского языка, но горе его было столь неподдельным и столь понятным для всех языков мира, что Роза Григорьевна всё поняла: она умерла смертью отца и в возрасте отца. Она страдала тромбозом, и, видимо, тромб оборвал дыхание.

Её одели в концертное платье, украсили всей бижутерией, в которой артистка выходила на сцену, и предали французской земле. Заботами мужа-католика отслужили мессу в католическом храме, а по инициативе ассоциации друзей

Пушкина справили тризну и в православном, где она была прихожанкой. Её материалы, привезённые из Новосибирска, передали в ассоциацию друзей Пушкина, которую сегодня возглавляет крестница княгини Антонины Мещерской, — живые нити не прерываются.

Не прерываются и связи России единой и неделимой. В Новосибирске вышел очередной номер Пушкинского альманаха, посвященный 200-летию Императорского Александровского лица. В нём есть и некролог Ольге Кулагиной. Альманах отправлен и в Париж, друзьям Пушкина. И Ольги Кулагиной. В Нью-Йорке клуб местных пушкинистов регулярно проводит конкурсы одного стихотворения. Среди лауреатов конкурса есть и новосибирец: Евгений Мартышев. Вот и в этом году пушкинское общество отправило на конкурс ряд стихотворений новосибирских поэтов.

Россия единая и неделимая объединяется всё плотней и плотней. Нет, не под знаменем Маркса-Энгельса, а под знаменем Пушкина, под знаменем многовековой русской культуры, которая всё активней и уверенней вливается в мировую культуру человечества и чувствует себя в ней вполне комфортно.

Надежда Семенова

Поездка в сказочное «Беловодье»

С каждым десятилетием все дальше от нас пушкинская эпоха, а поэт все более приближается к нам как добрый наставник, учитель и друг – спутник всей нашей жизни от рождения и до старости: ведь в детстве мы знакомимся с героями пушкинских сказок, затем в нашу жизнь входят лирические строки «Евгения Онегина» и чеканные созвучия «Медного всадника».

6 июня – день рождения Поэта. Этот день объявлен Пушкинским днем России.

Камерный зал Новосибирской филармонии не может вместить всех желающих попасть на Пушкинский праздник. Стрелки часов приближаются к 18.30. Зрительный зал затихает, и начинается действие. Мы погружаемся в эпоху Поэта. Камерный хор Игоря Юдина напоминает нам не только о дне рождения Поэта, но и о юбилее Михаила Ломоносова, посвящая центральную часть программы этим двум титанам российской культуры. И как в напоминание о памятнике Пушкину в Новосибирске предлагается слайд-шоу «Памятники А.С. Пушкину в России и за рубежом» из коллекции Н. Семеновой. Долгими аплодисментами зрители выражают мнение о необходимости возведения памятника Поэту в Новосибирске.

Затем ведущая приглашает на сцену гостью из Франции Ольгу Кулагину, нашу землячку, члена ассоциации друзей А.С. Пушкина в Париже. На сцену выходит невысокая стройная женщина и напоминает о главном постулате Пушкина – о Дружбе. Ее слова тонут в аплодисментах. Ольга подходит к роялю и под свой аккомпанемент поет романс «Поедем в

Царское Село». Зажигается свет. Ольгу окружают зрители. Слова благодарности слетают с их губ. К Ольге трудно пробиться. Когда схлынула первая волна, нам с Нэлей Петровной Трухиной (председателем Новосибирского регионального Пушкинского общества – НРПО) удалось подойти к гостье из Франции, чтобы поблагодарить ее, познакомиться поближе и пригласить в наше общество. Рядом с Ольгой стояла пожилая хрупкая женщина с сияющими от счастья глазами Кулагина Роза Григорьевна, ее мама.

Через неделю Ольга выступала на заседании Пушкинского общества в Центре истории новосибирской книги. Она рассказывала об ассоциации друзей А.С. Пушкина в Париже, о себе, отвечала на интересующие нас вопросы и пела. Романсы, песни. Люди, проходящие мимо, останавливались послушать, некоторые заходили в зал.

Получилось так, что домой мы с Ольгой пошли вместе. Незаметно дошли до площади Ленина, вошли в метро. Оказалось, что ехать нам надо до одной остановки и живем мы рядом. Обменялись телефонами и спланировали прокатиться на теплоходе по Оби.

Вновь мы встретились на следующем заседании НРПО. И опять полный зал! Ольга рассказывает... Ах, как она рассказывает! Каждое слово точно выверено. Все слушают, затаив дыхание. То, о чем она рассказывает, вызывает неподдельный интерес. Ольга много ездила, много видела, много знает. Ведь недаром ее еще в школе звали «ходячая энциклопедия».

От исполнения романсов зрители пришли в восторг. Почти после каждого дарят цветы, просят исполнить свои любимые. И Ольга охотно выполняет. Время, отведенное на встречу, заканчивается, и Ольга объявляет, что хочет спеть песню Николая Михайловича Кудрина «Хлеб – всему голова». Пела она потрясающе, и публика долго аплодировала ей.

Приближались очередные XXXV Шукшинские чтения, ежегодно проводимые в Сростках. Мы с мужем решили туда поехать и пригласить Ольгу. Самое лучшее, что я могла сде-

лать для нее, — это показать Алтай, который называют сказочным «Беловодьем», Шукшинский праздник, чтобы она услышала старинные русские и казачьи песни. Мое предложение Ольга приняла, не раздумывая. Договорились о встрече. В половине шестого утра Ольга была уже на месте. Провожала ее мама — Роза Григорьевна.

Как только пересекаешь границу Новосибирской области и Алтайского края, природа резко меняется. Высокие стройные ели выстраиваются вдоль дороги. Слева и справа — лес, а на обочинах — торговцы малиной, черникой, грибами, медом. А дальше идут поля: зерновые, кукуруза, подсолнечник. От полей цветущей гречихи глаз нельзя оторвать. И она не отрывала от бело-розового моря с едва заметной рябью от легкого ветерка, красного поля люцерны, запоминала все, чтобы рассказать об этих красотах в Париже.

Проехав Бийск, решили отдохнуть и подкрепиться, время шло к обеду. Съехали с трассы в небольшой перелесок. Умылись, расстелили брезент, вытащили снедь, присели вокруг импровизированного стола. Свежий воздух, аромат трав, шелест листвы, пенье птиц — было ощущение блаженства и неги. У Ольги глаза светились от счастья. Наверное, в том мире, где она жила, такие моменты были нечасты... Пообедали, немного отдохнули — и снова в путь! До Сросток осталось 60 километров.

Подъехав к дому Клавдии Павловны – одноклассницы Василия Шукшина, – оставили у нее вещи, пошли к музею. Там проходили литературные встречи. Выступал и наш новосибирский поэт Евгений Мартышев. По окончании встречи решили сходить к Катунь. Путь проходил мимо недавно построенной церкви. Ольга зашла в церковь и помолилась за здоровье матери. Далее на пути был Дом-музей, где прошло детство Василия Макаровича, и мы зашли. Ольга внимательно, с интересом осмотрела все внутри дома, все дворовые постройки, сняла обувь и постояла босиком на траве, растущей во дворе. Она как будто хотела впитать в себя все, что связано с понятием Родина. На берегу Катунь Ольга, опустив руки в холодную воду реки, долго сидела, думая о чем-то своем... Потом мы гуляли по главной площади, где народные умельцы торговали своими поделками. Ольга с интересом все рассматривала, что-то покупала для матери, французских друзей.

Уставшие, но счастливые возвратились мы в дом Клавдии Павловны. Поужинали во дворе под навесом и пошли смотреть село. В нарядных русских сарафанах, казачьей одежде гости прогуливались по сrostкинским улицам.

И мы снова решили сходить к Катунь. Приезжие уже успели разбить палатки, развести костры и, устроившись вокруг сооруженных столов и раскладных столиков, негромко задумчиво пели. Мы медленно шли вдоль берега, периодически останавливаясь, чтобы дослушать песню до конца. Это был настоящий праздник русской песни!

Наш земляк – Иван Зайцев – напомнил, что нас ждут в доме Надежды Ядыкиной, родственницы Василия Шукшина. Приглашенные были уже в сборе, Ольгу представили как гостью из Парижа. За столом мы оказались рядом. Читали стихи, пели старинные русские песни. Наша землячка Надежда Петина на память прочитала рассказ Василия Шукшина. Читала она настолько сердечно, что у сидящего напротив Евгения Мартышева в глазах появилось столько боли и сострадания к герою рассказа, что сердце мое сжалось...

А потом свои стихи о Родине, матери, любви читал Евгений Федорович. Ему долго аплодировали. Ольга сидела молча, она как губка впитывала, все то, о чем шел разговор. Ольгу настолько потрясло стихотворение о матери – ведь свою мать иначе, как «мамочка», она не называла, – что по приезде из Сросток она подарила поэту семейную реликвию – серебряный амулет Богородица с младенцем.

– А что француженка совсем не понимает по-русски? – спросила соседка справа.

– Ни слова, – ответила я.

Вечер продолжался. Зазвучали старинные русские народные песни. Где, из каких глубинных пластов были подняты они?! Время уже перевалило за полночь, а расходиться не хотелось... И вдруг, Ольга встала, подняв руку, остановила разговоры и запела старинную песню с причетом. Голос ее вырывался в открытые окна и звучал на улице. Гуляющие останавливались и слушали. Ольга спела несколько песен. Гости были потрясены.

– Вот так француженка! Да ведь она наша, истинно русская! – в таком мнении сошлись все гости. Надежда Ядыкина предложила Ольге остаться переночевать: у нее была свободной отдельная комната, выходившая окнами в сад.

Утром я сходила за Ольгой. Сон на свежем воздухе пошел на пользу: она выглядела отдохнувшей. Стали собираться на гору Пикет, так как весь праздник переместился туда. Ольга пошла умываться в баню, расположенную в огороде. Прошло несколько минут, и я пошла в огород по просьбе Клавдии Павловны «сорвать огурчиков к завтраку прямо с грядки». Ольга только что вышла из бани. Увидев меня, она, раскрыв руки в объятиях, пошла мне навстречу. Я сделала то же самое. Подойдя друг к другу, мы обнялись.

– Ты не представляешь, что ты сделала для меня, пригласив в эту поездку, – сказала Ольга.

Я стояла, и у меня было ощущение какого-то единения и с Ольгой, и с окружающим миром, пока кто-то не окликнул нас:

– Девчонки, ну чего вы там?!

Мы позавтракали и пошли на гору Пикет. Я взяла с собой фотоаппарат, а Ольга попросила меня сделать снимки вида на село с горы, памятника Василию Шукшину и полевых цветов, растущих по склонам горы.

Заключительная часть праздника на горе Пикет завершилась выступлениями художественных коллективов и вручением наград. Прекрасные слова сказал губернатор края: «Алтай кормит гречкой почти всю Россию, и духовная пища идет тоже с Алтая! ».

Мы попрощались с бронзовым Василием Макаровичем Шукшиным и возвратились в дом Клавдии Павловны. Ольга достала красивый шелковый платок с Эйфелевой башней и повязала на голову хозяйке дома. Растроганная пожилая женщина не смогла сдержать слез и сказала, что будет ждать нас в следующем году.

Но пора и в обратный путь! Заехали на торговую площадь и купили в дорогу огромные невероятно вкусные пироги с печенью и алтайский душистый мед.

Ехали молча, осмысливая увиденное и услышанное, – впечатлений было много. Незаметно подъехали к границе с Новосибирской областью. Черепаново, Искитим, Бердск – скоро будем дома. Но перед Академгородком попали в автомобильную «пробку» – дачники возвращались в город. Я предложила мужу объехать «пробку», изменив маршрут, ехать через Кольцово–Барышево–Инскую. Муж посчитал это хорошим выходом и согласился, а я преследовала еще одну цель: показать Ольге бескрайние наши сибирские просторы. В это время как раз цвел кипрей, или, как его еще называют, иван

– чай, и поля были нежного розово-сиреневого цвета... Ольга была потрясена этой красотой. И мы, действительно, значительно выиграли во времени, появилась возможность заехать к нам домой, чтобы отведать алтайских пирогов с чаем и свежим душистым медом. Время приближалось к полуночи, но мы все еще делились впечатлениями о поездке. Ольга попросила у меня фотоработы (часть их была выставлена в Центре истории новосибирской книги). Я показала. Ольга отложила около 30 работ и сказала:

– Я обдумываю реализовать в Париже проект «Любовь моя – Сибирь»: буду исполнять песни Николая Михайловича Кудрина, а твои фотографии должны показать, как прекрасна наша Сибирь. Встретимся с тобой на премьере в Париже весной будущего года...

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках

1-я стр. обложки:

Памятник А.С. Пушкину в Петербурге на Пушкинской улице. Скульптор А. Опекушин. Архитектор Н. Бенуа. 1884.

4-я стр. обложки:

Авантитул:

А. Суворов

Пушкин перед дуэлью. 1934.

к стр. 66:

А. Гурьев

Иллюстрация к стихотворению М. Лермонтова «Смерть поэта». 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШКИН И МЫ

Александр Пушкин

Элегия 4

Виктор Файбисович

«...Пистолетов пара, две пули – больше ничего...» 5

Владимир Евдасин

Повесть о том, как Василий Васильевич Александра Сергеевича
по почте послал 29

Виктор Липчанский

Убийство Пушкина 52

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Лариса Агеева, Владимир Лавров

К 90-летию Пушкинского заповедника 56

Нэля Трухина

Терпсихоры пушкинского времени 61

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

Юбилей 1150-летия Руси пройдет по императорской программе
1862 года 68

В Тверской области отметили 400-летие победы русских войск над
поляками 70

К 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г. 72

Анатолий Чернышев

«Сдуваю пыль эпох и поколений...» 76

«Мне кажется, я, как легенда, вечен...» 77

«Говорят, голубое виденье над Русью...» 77

Владимир Евдасин

Я вам поведаю приватно 79

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ПУШКИНИАНЫ

Василий Жуковский

Письмо Бенкендорфу 100

ГОСТИ ПУШКИНСКОГО АЛЬМАНАХА

Владимир Ястребов

Возвращаясь на Чёрную речку 114

Анатолий Лисица

Душа поэта 118

СТРАНИЦЫ ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ

Наталья Ананенко

Все ли мы сказали о Пушкине?... 120

Андрей Шабалин

Солнечный ветер Александра Пушкина 130

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИНИАНА

Александр Гдалин, Маргарита Иванова

Пушкин на земле Гете 138

Александр Громов

Пушкин на ... спичечных этикетках 144

К 60-летию Нади Рушевой 154

ХРОНИКИ ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Нэля Трухина

На ясный огонь... 160

Анатолий Чернышев

Россия неделимая 163

Надежда Семенова

Поездка в сказочное «Беловодье» 172

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках 179

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 12

**Составители: Владимир Михайлович Евдасин,
Владимир Ефимович Крыжановский,
Нэля Петровна Трухина**

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru

Корректор – Бондаренко В.В.

Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать с оригинал-макета

Бумага офсетная № 1, формат 60 84 1/16, печать

Усл. печ. л. 10,6, тираж 300 экз., заказ №